

**Алексей Ефимов Олег Верещагин
Хрустальное яблоко**

Текст предоставлен правообладателем.
«Хрустальное яблоко»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51062-7

Аннотация

Их предки сумели выжить в термоядерной войне, создать могучую Русскую империю и вырваться на просторы Вселенной. Земля отстояла свою независимость в Первой Галактической войне, но теперь судьба цивилизации зависела именно от них. Пятнадцать земных мальчишек – против многомиллиардной агрессивной расы мьюри. Их миссия кажется невыполнимой, они должны предотвратить грядущую войну и обеспечить человечеству века и века мирной жизни на просторах Космоса. Игорь Сурядов, лицеист, дворянин, и его соратники – лучшие из тех, кого смогла отобрать Земля для выступления на Ярмарке миров и рас, устраиваемой мьюри, где мальчишкам предстоит участвовать в поединках – всем вместе и каждому по отдельности. Но просто сражаться и победить мало, след, который они оставят по себе, должен привести на поле чести, а не на поле брани...

Олег Верещагин, Алексей Ефимов

Хрустальное яблоко

*Перегреется танк – заведу звездолет,
Назову его «Драккар» – и в небо уйду! Алькор.*

Предварение

Оригинальные слова песни принадлежат офицеру Советской Армии Игорю Макарову, воевавшему в одном из локальных конфликтов XX века.

Данный вариант был популярен среди бойцов последних лет Первой Галактической войны.

Пять мальчуганов жили тут в тиши, веселье, мире...
Но с неба сторки сорвались – и их
Уже четыре.

Мальчишки вчетвером пошли в десант для мести, боя —
И Землю от Чужих спасли – но их
Осталось трое.

Трое мальчишек шли в песках, плелись едва-едва...
Один растяжку прозевал – и их
Осталось два.

Двое мальчишек слышат крик, решают: «Поглядим!»
Там был скиутский штурмовик – и их
Уже один.

Один вернулся – и ему молиться бы судьбе,
Но в ликования дыму не нужен стал себе.
Он, в прошлом коротая дни, прожег себя дотла —
И... снова встретились они. Такие вот дела...

Что было ...

«Ядерная война ...-х годов XXI века фактически уничтожила земную цивилизацию, изменив не только природу и погоду, но во многом и саму географию Земли. Все прежние силы – государства, церкви, корпорации, преступные синдикаты – исчезли. Под покровом атомной зимы воцарился хаос, в котором остатки людей, не выкошенные радиацией, болезнями, голодом, сцепились в бесконечных междоусобных войнах, большие похожих то ли на феодальные схватки, то ли на стычки бандитских группировок. Серые Войны – так позднее назвали ученые этот период в истории Земли из-за того, что ожесточенные бои шли в мире, скрытом пологими плотными свинцовых туч.

В этих условиях центрами притяжения тех, кто не поддавался всеобщему одичанию, стали две организации: контролировавшая значительную часть Сибири и Севера бывшей России славянская «РА» и действовавшая на берегах Гудзонова Залива англосаксонская «Фирд». Во главе обеих организаций стояли кланы воинского дворянства, возродившегося на почве конфликта, продолжавшегося почти тридцать лет.

Ушла в прошлое зима. Снова светило солнце. Земля с трудом возрождалась из пепла.

Но это было уже совершенно новое общество. Русская и Англо-Саксонская Империи, сотрудничая и соперничая, сумели построить мир, в котором в конце концов за счет нравственного и физического совершенствования и воспитания человека были побеждены болезни, голод, преступность, эгоизм и многое другое – именно то, что и привело к краху предыдущей цивилизации. Отброшены были догмы демократии, причинившие человечеству так много бед. Две нации воинов и тружеников решительно вышли в космос и раздвинули границы обитаемого мира человека до пределов Солнечной системы, освоив практически все мало-мальски пригодные для жизни планеты. Так окончились пятьдесят лет Реконкисты.

На довольно долгое время (примерно на тридцать лет, этот период был назван Промежутком) порыв экспансии был погашен отсутствием средств передвижения, которые могли бы позволить людям достичь звезд. Человечество обустривало свой новый мир. Но вызов, брошенный Вселенной, не умолкал. Труды ученых и объективные законы развития Галактики привели к тому, что в России был создан и введен в действие аппарат, позволявший осуществлять то, что в доядерной фантастической литературе называлось «гиперпереход» – мгновенный прыжок через пространство.

Пред охваченными эйфорией первооткрывательства землянами распахнул ворота Великий Космос. Но мирная жизнь продолжалась, пока не сбылась великая мечта человечества – и оно не вступило в контакт с инопланетным разумом. Это произошло на 5-й год Экспансии.

К сожалению, вдохновенные и светлые мечты талантливого древнего писателя и незаурядного ученого Ефремова о братстве разумных существ в Космосе оказались несбыточными. Освоенную часть Галактики – десятки рас, сотни солнц, тысячи планет, десятки тысяч лун – раздирали зависть, жестокость, войны и восстания, а объединяла безжалостная власть дюжины наиболее могущественных звездных рас. Свободному человечеству с его возрожденными с таким трудом идеями всеобщей справедливости и личного достоинства в этом мире не было места. Люди готовы были прекратить экспансию в «заблокированных» агрессорами направлениях, справедливо считая, что космос велик и бессмысленно сражаться за него. Но самозванным повелителям Галактики этого показалось мало. Существование независимой расы, да еще основанной на таких принципах, которыми руководствовалось человечество, угрожало их миропорядку, было вызовом системе и примером для тех, кто не желал смириться с рабством. Поэтому Земле была объявлена война – именно она позже получила название Первой Галактической. Ее начали Чужие – так возродился фантастический термин давно забытого Голливуда.

Очень быстро самозванные властители убедились, что имеют дело со страшным противником. Неукротимое свободолюбие, безоглядная отвага, всеобщая спайка землян компенсировали их отсталость в вооружении и технике и гораздо меньшую общую численность. Искусно играя на заранее выявленных противоречиях и старых счетах врагов, созданный для борьбы за будущее Большой Круг Объединенной Земли не только успешно оборонялся, но и развернул наступление. Десанты землян высаживались на одну планету за другой. В тылу врага вспыхивали умело подготовленные восстания. Часть противников Земли начала подумывать о мире, а то и о переходе на ее сторону...

Но на исходе второго десятилетия войны четыре наиболее активных противника Земли, собрав все силы, начали планомерное контрнаступление, беспощадно давя любые попытки подать голос в защиту мира в своих рядах. Огрызаясь, отбиваясь, войска и звездные флоты Земли отступали. В решающих битвах человечество ждала неудача – слишком огромен был перевес противника. Оттесненные фактически в границы Солнечной системы, потерявшие 9/10 военного флота и почти всю армию, люди приготовились к обороне на пороге родного дома. На планете, названной землянами Сельговия в честь могучей крепости древних времен Земли, Чужие заложили огромные склады и собирали десантную армию, угрожая Земле оккупацией. Впрочем, «почетная» капитуляция тоже была предложена. Она означала превращение Земли в вассала врага, отказ от

самостоятельного развития и выдачу множества заложников.

Истоценная, полуголодная, уже целое поколение живущая в бешеном, тяжелом ритме военного завода и армейского лагеря Земля затихла. Большой Круг объявил землянам условия, на которых может быть заключен мир, и предоставил альтернативу – собрать все силы, поставить под ружье пятнадцатилетних, призвать добровольцами женщин и тех, кому исполнилось тринадцать, отказаться от нормальных условий жизни окончательно – и захватом Сельговии с ее глобальными запасами выиграть время, чтобы еще раз попытаться переломить ход войны. Вопрос – «унизительный мир» или «тотальная война» – был поставлен на голосование человечества.

С подавляющим перевесом голосов оно – вопреки тому, что враги называли «здравым смыслом»! – выбрало тотальную войну.

И – победило.

Так наступила Галактическая Эра».

Выдержка из предисловия к научно-популярной электронной книге для детей П.С. Охтина «Первая Галактическая Война».

Издание 156 г. Галактической Эры.

Земля. Русская Империя. Великий Новгород.

Земля

...Будучи энергичными и экспансионистски настроенными, земляне обладают нестандартным мышлением и всегда жаждут попробовать что-то новое. Превыше всего они ценят свободу и личную независимость, но при этом мгновенно организуются для отпора врагу или решения каких-то глобальных проблем...

Англичане:

Хладнокровны, уравновешенны и целеустремленны как в торговле, так и в битвах. Они не поддаются как моральному, так и физическому давлению, что помогает им в сражениях и других тяжелых ситуациях. Англичане также одни из лучших звездолетчиков в Местной Зоне Галактики. Их ярко выраженные экспансионистские устремления сочетаются с не менее ярко выраженной ксенофобией (как правило, неагрессивной) – в какой-то степени даже по отношению к «соседям по планете» – русским. Англичанину нелегко на что-то решиться, но, решившись, он не отступает, пока не добьется цели...

Мужчины: немногословны, выдержанны, упорны, замкнуты, кажутся тяжеловесными в мыслях и суждениях. Храбры и ироничны. Они отличные работники и талантливые ученые, но им часто не хватает порыва духа для того, чтобы найти нестандартные решения...

Женщины: красивы, но очень холодны в отношении даже близких людей. Англичанки – прекрасные домохозяйки, но в то же время очень самостоятельны в суждениях; среди них самый большой процент из женщин всех народов Земли занимается «неженскими делами». Хотя, как правило, особыми талантами они не обладают...

Русские:

Добродушны и степенны в обычной обстановке, задумчивы и любопытны, временами порывисты и вспыльчивы – и тогда способны совершать невероятные вещи. Они великолепные работники, но могут применить свои качества в любой профессии только при условии, если серьезно возьмутся за дело. Русские – лучшие воины в Местной Зоне. Они крайне чутко реагируют на несправедливость даже в отношении чужих рас Галактики и не раз подвигали всю Землю выступить на их стороне. К другим народам относятся с добродушной иронией, по словам одного писателя, «как к большим детям»...

Мужчины: азартны и амбициозны, очень открыты и щедры. Они часто поступают самоуверенно, не просчитывая последствий своих действий, но в любой критической ситуации проявляют чудеса организованности и храбрости...

Женщины: красивые, спокойные и добрые, энергичные, общительные и веселые. Они ценят уверенность в себе и часто обладают творческим началом и изобретательностью.

Большинство русских жёницин – истинные «правительницы дома». Но среди русских жёницин также очень много ученых...»

Выдержка из электронного издания «Расы Местной Зоны. Справочник для учебных заведений не-людей».

Издание 200 г. Галактической Эры.

Луна. Русская Империя. Звездный Порт.

Пролог

Сражение в Танна-Моо.

204 год Галактической Эры, через два века после I Галактической Войны.

Двести сверкающих защитным покрытием кораблей вышли из гиперпространства на краю системы Танна-Моо. Лишь истинно сторкское высокомерие объясняло использование столь малых сил. Никто не ожидал сопротивления.

Для сторков этот день обещал стать великим. Победа возродила бы веру в будущее Империи. В течение многих недель коммуникационные сети наводнялись пропагандой, убеждавшей сторков, что они – полноправные хозяева всех миров, давались обещания сокрушить мьюри.

Танна-Моо не была центром Федерации Йэнно Мьюри. Но в этой пограничной системе находилось крупнейшее из известных сторкам месторождений редкоземельных элементов, жизненно необходимых для производства гипердвигателей и гравиприводов. Именно поэтому Сторкад выбрал ее для демонстрации старым врагам подавляющего превосходства своего нового оружия, хотя пока что им была оснащена всего лишь одна эскадра – сила, даже не сопоставимая с размерами Флота Империи. Не сопоставимая по количеству кораблей, но теперь вполне сопоставимая по мощи...

Но мьюри всегда помнили, что самое ценное из возможных преимуществ – это информация. Колоссальный размах их торговли, превосходная электроника и деньги позволили им создать крупнейшую в Галактике разведывательную сеть, проросшую во внутренние структуры большинства государств. Каждый разработанный сторками план доставлялся мьюри едва ли не прежде, чем его получало само имперское командование. Это позволило им заранее узнать о нападении сторков на Танна-Моо и принять все возможные меры по ее защите.

Эскадра вторжения включала в себя новейшие модели линейных кораблей и крейсеров, оснащенных последним достижением технологий Сторкада: лазерными пушками. Эти новые суда были неповоротливыми и медленными, но недостаток маневренности с лихвой восполнялся разрушительной мощностью лазерных батарей. Боевое построение тоже было новым для флота сторков – ступенчатая линия, разработанная для усиления эффекта лазерного огня по фронту противника. Это был день Сторкада; день, ради которого они жили.

И вот «Всеужасающий» дал первый залп. Турели крейсера вздрогнули, дотянулись своими невидимыми в пустоте лучами до ближайшего корабля мьюри и превратили его в ослепительное солнце, которое тут же угасло, рассеявшись пылью.

Битва началась.

Фаланга фрегатов мьюри тут же распалась на мелкие звенья, каждое по пять кораблей. С пугающим ускорением они врзались в строй нападавших. Крейсера сторков, оснащенные старыми плазменными орудиями, отлично подходившими для ближнего боя, вышли на перехват, но атакующие фрегаты мьюри накатывались волна за волной и набрасывались на них, будто разъяренные звери, отступая и перестраиваясь, сполна используя свое превосходство в маневренности. Сторки упрямо проламывались вперед – плотной фалангой.

А затем случилось это. Тысячетонные, летевшие со скоростью семьсот километров в секунду снаряды проломили защитные экраны... и флагман сторков вспух огромной

огненной горой. Еще один залп ударил долю секунды спустя, и уничтожил целое звено фрегатов, превратив их в рой ослепительных вспышек, тут же мгновенно угасших в пустоте.

Сторки не ожидали такого. Их жесткая командная структура запрещала разговоры в эфире во время боя, и капитаны кораблей не могли понять, что происходит. Нехватка согласованности и гибкости в тактике привела к тому, что они не справились с внезапным появлением этого нового врага.

Это был супердредноут Йэнно Мьюри.

Нападения фрегатов вызывали все больше и больше беспорядка. В конце концов общая координация окончательно рухнула. Но военная доктрина сторков строилась на жертвенности, их флот просто не мог отступить. Капитаны и их команды отважно отдавали свои жизни Империи, уверенные, что иначе нельзя. Те, кто отступит с поля боя, будут обвинены в трусости, их семьи будут проданы в рабство, а Дома распущены.

В течение многих часов взрывы гибнущих кораблей освещали систему, юркие фрегаты мьюри раз за разом врывались во флот сторков, крейсеры с дальних дистанций поддерживали их лазерным огнем, и вспухали разрыв за разрывом залпы супердредноута, стрелявшего с чудовищной по привычным меркам дистанции. Четко удерживая свою линию обороны, мьюри не оставляли сторкам никакой надежды приблизиться к нему на расстояние эффективного огня.

Впервые со времен Первой Галактической Войны сторки оказались в таком положении. И что им оставалось делать, кроме как нажимать на гашетки и умирать?

Много часов спустя система Танна-Моо переполнилась обломками кораблей, дрейфующих в космической пустоте. Мьюри выиграли первое сражение этой войны: почти вся эскадра сторков была уничтожена, в то время как они сами потеряли только треть состава.

Империя Сторкад знала, что ответ должен быть быстр и сокрушителен. Руководство флота было публично обвинено в трусости при штурме Танна-Моо – несмотря на чудовищные потери эскадры. В результате даже капитаны, отдавшие Империи свои жизни без малейшей мысли об отступлении, были посмертно уволены из флота, их репутации были разрушены, а семьи опозорены.

Был отдан приказ собрать весь Большой флот для подготовки к общему нападению на мьюри. Но те тоже не сидели сложа руки – и когда сторки оценили вставшие против них армады, то поняли, что разбудили силу, с которой уже никто не сможет справиться.

И эта сила теперь хотела большего. Она хотела получить все.

1. Император Всея Руси

В полночь на Святой Софии вразмах и наперебой, но в то же время слитно-слаженно ударили, запели звонкой медью древние колокола – и Император проснулся.

Последнюю неделю он спал по три-четыре часа в сутки, и это уже начало доставлять некоторое неудобство, особенно с трех до пяти утра. Но сегодня, скорей всего, последняя ночь. Можно и потерпеть.

Не вставая из-за рабочего стола, он сильно потянулся всем телом. Запрокинул голову. Кабинет мерцал – голографическая карта так и не была выключена, и звезды неспешно совершали вечный полет прямо вдоль золотых с белым стен, над тяжелой мебелью черного дерева. Забавляясь как мальчишка, Император протянул руку – и система Полызмея послушно прыгнула на ладонь, увеличилась, обросла шариками планет, россыпями астероидов. Вспомнился дурацкий памятник, который хотели ставить на Амбри – Император стоит, держа в руке модель Галактики. Вассальные власти переборщили. Памятник был как будто со школьного конкурса, причем из аутсайдеров. Император не любил памятников самому себе, потому что твердо знал, что не совершил ничего такого, за что заслужил бы памятник. Он – просто слуга своего народа. Он – не его дед Василий VI, выведший русских к звездам и погибший среди этих звезд, когда не стало возможности

победить. Не отец Александр IV, работавший в Большом Круге как проклятый, герой победного сражения той войны. Он – просто Император. Интересно, понял ли это растерянный и смущенный посол амбриан? Едва ли, ведь его народ искренне хотел угодить властелину. До чего это сложно! Признаться, психология многих рас была для Императора загадкой, еще в лицее ему не нравилась эта наука. Но он обязан был понимать всех своих подданных.

Памятник памятником, однако это его развлекало. Он коснулся пальцем Сумерлы. Планета приблизилась, оттеснив остальную систему. На миг Императору стало смешно. На Земле, в столице Русской Империи, сидел в кабинете дворцового комплекса немолодой уже даже по нынешним меркам стопятидесятилетнего среднего срока жизни человек и играл со звездной картой. В тысячный раз.

Право, смешно.

Память подсказала меню; Император шевельнул пальцами и увидел лицо генерал-губернатора планеты. самого молодого в Империи. История прошлого года – вся, как есть, круговерть с торговой компанией, с агентурой фоморов – помнилась хорошо¹.

Фоморы.

Император нахмурился и движением руки убрал карту.

Теперь не до фоморов. Такие опасные вчера, сегодня они казались почти что мелким недоразумением. Как же быстро Галактика подгоняет человечество... У людей хватит сил для этой гонки. Но хватит ли сил, а главное – разума и знаний – у их вождей?

Он встал из-за стола и усилием воли стер не прошедшую после короткого сна усталость. Колокола на Софии продолжали отбивать древний ритм. Императору нравилась колокольная музыка...

Его личный спикер-компьютер Нестор поинтересовался:

– Ваше Величество не будет больше работать здесь?

– Нет, пока не буду. Я прогуляюсь.

– Системы оповещены, Ваше Величество.

– Да, спасибо, – кивнул машинально Император. Нестор был везде и нигде. Собственно, им был весь дворцовый комплекс.

Сразу за порогом бесшумно открывшейся двери начинался Зеленый коридор. Он был на самом деле зеленым – летний сад, соединявший кабинет Императора и его личные комнаты с официальными помещениями. По размерам коридор намного превосходил обычный. Где-то в зелени журчали искусственные фонтаны, рождая неожиданную и очень красивую музыку. Этой музыкой и лунным светом, проникшим через невидимые крышу и стены, был наполнен воздух.

Император бесшумно шел по серо-желтой – похожей на песчаную, но на деле из каменных плиток – дорожке, временами отводя склонившиеся ветки. (Садовник работал так, чтобы его работа была заметна как можно меньше и не нарушала впечатления дикого уголка.) Высокий человек в гвардейской форме в Зеленом коридоре казался то ли ночной тенью, то ли лесным видением из сказки.

В стороне от дорожки, на каменных постаментах – кругах из черного гранита – стояли через каждые десять шагов телохранители лейб-гвардейцы. Двухметровые великаны в дворцовой форме – черных с золотом плащах на левом плече, белых с черно-золотой вышивкой рубахах, белых шароварах и черных сапогах, с мечами на широких поясах из золотых пластин – они были лишь данью традиции и символом величия Империи. Ничто не грозило и не могло грозить Императору не только здесь, но и, пожалуй, на всей Земле. Даже у англосаксов...

Внезапно Императору вспомнилось, как два месяца назад он виделся с Эдуардом XI.

¹ См. Верещагин Олег. Чужая земля. СПб.: Лениздат, 2009; Верещагин Олег. Новая родина. СПб.: Лениздат, 2010.

Император англосаксов был моложе. Но, как каждый раз при их встречах, властитель Русской Империи ощутил, что это, пожалуй, единственный человек в немалой части Галактики, с которым можно разговаривать без напряжения. Кроме, пожалуй, еще одного. Это было даже странно. Что-то вроде детских воспоминаний. Императору было тогда восемь лет? Да, восемь, и он приехал домой на каникулы. Отец ввел в их с братом детскую мальчишку в незнакомом наследнику узком оранжево-сине-серебряном мундирчике с широкими тяжелыми обшлагами и, сказав коротко: «Займи гостя», вышел. Наследник дружелюбно смотрел на молчавшего мальчика несколько секунд, думая, с чего начать разговор, и вдруг понял, что это не человек, а сторк. Их трудно отличить, очень, но можно, если всмотреться, по тому, как складываются черты лица. Сторк смотрел зелеными широко посаженными глазищами, угрюмо и сердито. И явно не знал, что сказать и надо ли вообще что-то говорить. Гость оказался младшим сыном сторкадского Главы Совета Родов, фактического правителя Империи Сторкад. Тогда был один из редких, чуть ли не последний, визит сторков на Землю.

Через полчаса мальчишки, растянувшись на ковре, рассматривали альбом по истории Флота Империи. И сторк, мешая русские исковерканные слова и хрипловато-придыхающие свои, доказывал, что в «ту войну» Сторкад сражался отважней всех, его просто предали трусливые союзники, а иначе Земля непременно потерпела бы поражение. Мальчишки немного подрались, потом помирились и досмотрели альбом. Наследник неожиданно огорчился, когда выяснилось, что нежданному гостю пора уходить, проводил его до главных ворот и даже помахал вслед. И долго размышлял потом, до чего это обидно, что с Даг Фартом не получится дружить.

Его нечаянный знакомец – кстати, владелец крупнейших в Сторкаде рабских латифундий – капитан флагманского линкора, погиб во время битвы при Танна-Моо, последнего, самого крупного и самого неудачного нападения сторков на Йэнно Мьюри. С тех пор эта война уже не казалась Императору чужой. Как будто от рук врага погиб ну не то что друг, но хороший старый знакомый. Честное слово. Хотя голография в дайджесте новостей ничего общего не имела с тем мальчишкой. Даже глаза – по-прежнему большие и зеленые – изменились, в них не было ни сердитости, ни искреннего веселья. Только надменный холод освещенного снаружи изумруда.

Интересно, вспоминал ли Даг Фарт кен ло Фарт ап мид Фарт о русском мальчишке?

– Ваше Величество, – голос Нестора раздался как будто из воздуха, – прибыл полковник Белозерский. Он ждет в Знаменном зале.

Император кивнул и чуть ускорил шаг. Он ждал этого визита с того самого момента, когда отодвинул бумаги и задремал за рабочим столом. Чтобы не встречать Илью с совсем уж сонной физиономией...

...Чрезвычайный Посол, гвардии полковник Илья Аскольдович Белозерский прохаживался по отражавшему свет луны паркету в затемненном зале – и тень двигалась за ним. Знамена гвардейских полков мерно покачивались вдоль стен. В детстве Император побаивался этого зала именно из-за вот такого ритмичного и непонятного шевеления, постоянного и таинственного. Позже, когда он подрос, казалось, что в зале собираются тени гвардейцев, павших в войнах Империи, – преображенцы, семеновцы, измайловцы, макаровцы, дроздовцы, алексеевцы, все-все...

Сейчас Императору это уже не казалось.

Сейчас он был в этом уверен.

Белозерский обернулся с улыбкой – молча. Пожал без церемоний протянутую руку. Им, лицейским товарищам, не было нужды в субординации. Двое мужчин неторопливо зашагали по залу, как посетители музея, с уважением поглядывая на торжественно молчащие реликвии.

– Ну, как прошел визит, Илья?

Белозерский отмахнулся:

– Да нормально все прошло. Переговоры, приемы, то, се... Обычная кутерьма.

Неинтересная, в общем. Меня подарками завалили, словно девицу. А все равно – вспоминаю амбриан. Странно, – Белозерский вдруг рассмеялся – негромко, но искренне, и Император удивленно посмотрел на него. – Знаешь, что меня больше всего тогда удивило? Кристаллы, – пояснил полковник. – Амбриане в знак дружбы послали самые первые свои кристаллы кварца... Ну, ты знаешь – памятные кристаллы, мнемозаписи... Они еще не умели делать их сами, не то что искусственные, даже обтачивать природные не умели из-за их твердости. И искали в реках «хрустальные яблоки».

Лицо Императора сделалось изумленным:

– «Хрустальные яблоки?» – эхом откликнулся он и вдруг улыбнулся.

Белозерский кивнул:

– «Хрустальные яблоки». Ты помнишь?

Император задумчиво кивнул. Его глаза сделались мечтательными, улыбка не сходила с губ...

...Когда-то давно два мальчика – Славка и Илюшка – учились в Вишерском Императорском лицее. И дружили. Дружили так крепко, что все им искренне завидовали.

В тамошних речках нет-нет да и попадались «хрустальные яблоки» – окатанные водой и песком до идеального шара разноцветные куски горного хрусталя. Заиметь такое «яблоко» было мечтой любого лицейского мальчишки. Но они встречались редко и попадались чаще всего на перекатах, где вода легко могла унести даже опытного пловца.

И вот однажды утром Илюшка вошел в комнату к Славке. Он был в одних трусах, с пристегнутым к ноге ножом, мокрый – и с правого плеча, глубоко распоротого, из рваной раны, текла кровь. Но глаза Илюшки сияли как две звезды. И также в свете лампы – синим и золотым – сверкали на протянутых к другу мокрых ладонях два тяжелых шара величиной с мужской кулак. Славка, севший в кровати, изумленно смотрел на друга. А тот сказал: «Вот, выбирай!»

Илюшка нырял за «хрустальными яблоками» в Ермаков котел. Куда не мог нырнуть никто. И на дне ему под обе руки попались сразу два кристалла. Но об этом Славка узнал потом. А тогда он соскочил с кровати, подбежал к другу и, не глядя на яблоки, тревожно спросил: «Ты же ранен! Больно?! погоди, я сейчас, я быстро помогу!»

А Илюшка замотал головой. Он был счастлив. И вовсе не потому, что удалось сделать дорогой подарок Вячеславу Романову, Его Высочеству, Цесаревичу. Он знал, как будет рад его друг Славка, лучший в мире друг...

...Потом, сидя на кровати, они разыграли «яблоки». Чтобы не было обидно. И Славке досталось синее – синее, как его глаза. А Илюшке – золотистое, как веселые искры в его карилах...

Им было тогда по двенадцать лет. А через два года Славка подарил то «яблоко» на балу одной девчонке. И признался в этом Илюшке, мучаясь от стыда, не смея поднять глаз и тяжело глотая слюну отвращения к самому себе. И добавил: «Я сказал... что я сам... нырял...»

Илюшка пошатнулся. Посмотрел неверяще. И молча пошел прочь, раздрав высокий ворот парадного мундира – так, что со стуком полетели по полу орленые золотые пуговицы...

...Они не разговаривали полгода. Пока девчонка, которую тогда еще не титуловали Ее Величество, не свела их вместе буквально за руки и не рассказала Илюшке, что Славка признался в обмане на следующий же день. И что «яблоко» все равно останется и его тоже, потому что они уже решили...

– Хватит ходить кругами, Илья, – сказал Император. – Выкладывай, как у нас дела.

Белозерский повернулся к нему. Лицо у него было холодное, как полная луна.

– Плохо, Вячеслав. Очень плохо. Нет, нет, – торопливо пояснил он, заметив, что Император встревожился. – Сейчас нам совершенно ничего не угрожает. Но потенциально... потенциально это катастрофа.

Император кивнул. Он понял это уже тогда, когда чрезвычайный посланник сторков

потребовал личной встречи с Его Величеством, категорически отказавшись назвать суть дела. Это было против всех правил, но Император согласился его принять, он уже чувствовал, что причина была очень серьезной. Нет, не «очень серьезной». Из ряда вон выходящей.

И он не ошибся. До сих пор перед глазами стояло мертвое, словно замороженное, лицо сторка, его деревянный, неживой голос – Сторкад никогда и никого не просил о помощи, сама мысль об этом казалась невозможной. Сторкад до сих пор считал себя победителем в Первой Галактической – вопреки истине, вопреки рассудку; там учили детей, что лишь трусость и некомпетентность «предателей-союзников» не позволили одолеть землян. И вот... Император сразу понял, что новости будут скверными. Но все оказалось еще хуже, чем он мог представить.

...По глупости... а точнее – по надменности своих суровых владык Сторкад оказался втянут в войну с могущественной, технически развитой расой, доселе очень слабо известной землянам – ее владения располагались там, куда упрямо расширял свою зону влияния Сторкад, вдаль от земных колоний и трасс земных звездолетов. Инопланетяне-мьюри еще в годы Первой Галактической нарочито-неактивно, но все же интересовались делами воюющих сторон, продавая и тем и другим то одно, то другое, по мелочи, но ни с кем даже не пытаясь вступить в союз. Хладнокровное уничтожение флота вторжения сторков не впечатлило Императора – сторки напали первыми... но их противник не потрудился подобрать спасшихся с подбитых кораблей. Теперь все шло к большой войне, а у Сторкада уже просто не осталось сил, чтобы противостоять нападению. Само их обращение за помощью – конечно, вслух не говорилось ничего такого, речь шла лишь о помощи в расследовании инцидента, не больше, – выглядело не более чем изощренной провокацией, попыткой столкнуть лбами старых и новых врагов. Так ее и восприняли все... кроме Вячеслава Романова. Мотив Его Величества был сугубо личным, но он принял просьбу, изрядно, надо сказать, удивив этим посланника. Но лишь теперь он начал понимать, насколько ему повезло. Повезло всей Империи. Ведь если бы...

Император нахмурился. Да. Мьюри... Торговцы. Точнее – торгаши.

В первые годы Галактической Эры к Земле прибывали в немалых количествах посланцы самых разных цивилизаций. Порой очень странных и по внешности, и по взглядам на жизнь. Но, увы, почти всех в конечном счете интересовало, что тут плохо лежит и нельзя ли тут чем-то поживиться (землян буквально поразила мелочность большинства визитеров, дико не сочетавшаяся с их звездолетами). Убедившись, что все лежит хорошо, кое-что на всякий случай привинчено шурупами, а на концессии с грабительскими условиями земляне не соглашаются (хотите разрабатывать луну N? Мы не против – но на равных и без какой-либо самостоятельной политики с вашей стороны, только деловые отношения!), незваные гости убирались так же быстро, как и появлялись. Мьюри тут в целом не составляли исключения.

Первоначально. Разве что они вызвали всплеск интереса тем же, чем сторки – внешним видом.

Но в самые черные, самые страшные годы Первой Галактической они появились вновь. С отличным, казалось бы, предложением: Земле нужны боевые корабли? Мы можем продать – лучше, чем есть у Чужих. Даже лучше ваших, мы их знаем (откуда они их знали, черт побери – не иначе как выменивали у тех же Чужих трофеи...). Сколько? За сколько заплатите, у нас их много. Да, конечно же, недешево, хотя сторков мы не любим, да и остальные – наши старые конкуренты. Чем платить? Нет, золото нам не подойдет, у нас самих, знаете, хватает лун. Что нам нужно? Да сущий пустяк. Дети – по пять тысяч за крейсер. За линкор – больше, за эсминец – соответственно, меньше. Зачем они нам нужны? Ну вы же все взрослые люди, вы же понимаете... Мы даем вам шанс спасти миллиарды, всю планету, всех ее детей, пожертвовав частью.

Самым поганым было то, что дети нашлись бы. Добровольцы, согласные даже на это, – лишь бы жил их мир и их родители. Вот только воевать тогда было бы не за что. Сразу не за

что. И все тут.

Все не могут быть больше, чем часть. Верней, людей просто не делят так. Или мы вместе единое целое – или нас просто нет, и зачем тогда линкоры и крейсера?..

...Гости, кажется, очень удивились, когда им предложили убраться из системы на максимально возможной скорости и выделили в конвой целую эскадру – «чтобы никуда не завернули по пути, мать их!» (именно так сказал тогдашний Председатель Большого Круга). И, видимо, так и не поняли – почему, искренне не поняли. С тех пор въезд мьюри в Империю был запрещен под страхом смерти, про них почти не писали в школьном курсе ксенологии, да и вообще, старались не упоминать без крайней на то нужды – слишком уж все это было мерзко. Так, наверное, в давние времена старались не упоминать имя дьявола, чтобы не призывать его.

Да, больше расы землян и мьюри не встречались – территория мьюри лежала далеко за враждебной обоим Империей Сторкад, потом – за «ничейными» системами... да и расстояние было слишком уж большим, чтобы пересечь его без промежуточных баз. Но теперь...

– ...Они хотя бы извинились? – спросил Император.

Белозерский покачал головой. Он понял, о чем идет речь, сразу понял.

– Нет. За что – с их точки зрения? Они и не помнят про ту историю. Все участники этого дела и так давным-давно мертвы, их компания – обанкротилась и ликвидирована. Это их обычный трюк – если какую-то из их фирм уличают в бесчестности, она просто исчезает, и ее заменяет новая, их корпорации меняют «дочек» так же легко, как мы меняем носки... и вони от них куда больше. Зато если сами мьюри решают, что с ними играют нечестно, они возвращаются с войсками и заставляют обидчиков горько пожалеть. Даже фоморы для них – не враги, а просто помеха бизнесу. Не будь те такими иррациональными ксенофобами, мьюри бы торговали и с ними.

Император глубоко вздохнул.

– Жить только ради денег... нет, я просто не могу понять этого. Неужели там никому не знакомо понятие «честь»? Такого просто быть не может, иначе Йэнно Мьюри развалилась бы еще давным-давно.

– В том-то и беда, Вячеслав, что есть и такие – и даже довольно много. Есть даже те, кто призывает к возрождению их древней Империи. Просто они не представляют, что можно жить как-то по-другому.

Император вдруг усмехнулся.

– Ну вот как раз это мы вполне можем им показать!.. В ногах правды нет, – сказал он Белозерскому. – Пошли в кабинет. Доложишь по всей форме.

Сторкад:

Сторки произошли от полуполюгендарной этнической группы данвэ. Высокомерные и надменные, очень преданные своим традициям, они чтят культ предков. Сторки – рьяные ксенофобы и националисты. Даже Безродные сторки ощущают себя выше любого инопланетянина и всячески это показывают при малейшей возможности...

Общество:

Сторкад – самая большая Империя среди соседей Земли. Это ритуалистическое, авторитарное государство, фактически империя, но Император носит звание Главы Совета Родов, из числа которых он избирается. Он объединяет в своем лице законодательную и исполнительную власть, но она сильно ограничена бюрократической системой сторкадского правительства, через которую проходят все издаваемые им законы. Сторки – глубоко религиозные люди, всегда серьезно относящиеся ко злу и добру (в их понимании, конечно), религия очень много значит для них. После первого конфликта с мьюри они быстро оправились и начали расширять свою Империю за счет соседних государств. Нации, которые они побеждали, порабоцались – практика, оправданная их религией, замешанной на мессианстве и чувстве собственного превосходства. Сейчас

большая часть сторкадского общества состоит из рабов когда-то порабощенных наций и рас. Это, конечно, испортило их отношения с другими расами, особенно со свободолюбивыми землянами...

Сторки были первой расой в Местной Зоне, которая открыла технологию гипердрайва. Еще более двух тысяч... лет назад они начали полеты к ближайшим солнечным системам, медленно создавая свою Империю. На своем пути они встретили двенадцать инопланетных рас, которые были порабощены намного превосходящей их численно, мощной и хорошо организованной империей Сторкад. Однако еще в самом начале сторки получили и отпор. Им встретилась Федерация Йэнно Мьюри. Хотя она была тогда намного меньше Империи Сторкад, но превосходила сторков в экономическом и военном плане. Сторки же, строящие свои боевые действия на жестком и тщательном планировании, оказались не готовы к «быстрой войне»...

Намного позже сторкам встретились земляне, и все попытки Империи поработить их или хотя бы вытеснить из освоенных районов (Первая Галактическая война) закончились еще одним поражением – на этот раз поражением оскорбительным, так как сторки сражались в составе большого союза, а земляне явно уступали им по уровню развития. Положение сторков добавочно ухудшили столетиями притеснявшиеся скиутты, не упустившие возможность начать войну против своих старых врагов. Начиная с этих роковых событий два столетия назад сторки повсюду постоянно получают отпор. Это отрицательно сказалось на расширении их владений и отношениях с другими расами, но они все еще считают себя самой мощной расой в Местной Зоне, ссылаясь на большие размеры своей Империи, хотя сейчас она включает всего 40% планетных систем, входивших в нее когда-то...

Мужчины: смелы, надменны, жестоки и непреклонны. Это придает им решительности и целеустремленности, но порой с ними сложно общаться...

Женщины: ведут себя официально в отношениях с другими. У сторков сильны семейные узы. По этой причине их женщины могут быть очень мстительны, если кто-то причиняет зло их близким, – их злопамятность может не угасать на протяжении многих поколений. В прежние времена именно женщины чаще всего были вдохновительницами многочисленных межродовых войн...

Выдержка из электронного издания «Расы Местной Зоны. Справочник для учебных заведений не-людей».

Издание 200 г. Галактической Эры.

Луна. Русская Империя. Звездный Порт.

С голоэкрана на Его Величество смотрело полдюжины парней и девушек в довольно легкомысленной, надо сказать, одежде – должно быть, фотография из какого-то журнала. Внешне мьюри почти ничем не отличались от землян – рослые, отлично сложенные, с широко расставленными синими глазами. Вьющиеся крупными кольцами черные волосы и золотистый цвет кожи издали придавали им вид давно вымерших на Земле ближневосточных племен, но черты лиц были совсем другими, не похожими ни на одну земную расу.

– Я уже и забыл, какие они, давно не интересовался... – Император с интересом рассматривал экран. – Очень похожая на нас раса, еще одна после сторков... Согласись, пожалуй, тут поневоле станешь апологетом Кирьякова и Ванагаса с их теориями...²Тебе не

² Кирьяков Эдуард Федорович и Ванагас Марюс Сябринас – известные ксенологи Русской Империи. Еще в годы, предшествовавшие Первой Галактической Войне, они предположили и подкрепили множеством доказательств разной степени достоверности (мощнейшим доводом была находка известным космонавтом эпохи Промежутка Петром Владиславовичем Крапивинным первого города расы Рейнджеров на Плутоне), что Homo Sapiens Galaktis и Stork Sapiens Galaktis – ветви одной древней прарасы. В годы войны по понятным причинам эта теория подверглась не всегда научной обструкции, но во времена Галактической Эры вновь начала набирать силу, причем, что интересно, не только на Земле, но и на Сторкаде. Неизвестно, насколько достоверна теория, но фактом остается то, что города Рейнджеров найдены на многих планетах, сами

кажется, что мьюри похожи на потомков Рейнджеров, хотя и сильно измененных?

– Я тоже читал про это, – усмехнулся Белозерский. – Мы еще не разобрались с фоморами, и, кстати, конца этой истории не видно. А тут новый сюрприз.

– Планета Йэнно Мьюри, – Император переключил изображение. – Восемь миллиардов населения на ней самой, столько же – в колониях. Технократическая цивилизация с тупиковым социальным строем... Но при этом – техника мощнейшая, мощней, чем у нас или фоморов.

– А значит – самая мощная в известной нам части Галактики, – дополнил Белозерский.

Император наклонил голову:

– Семнадцать колоний с собственной разумной жизнью, тридцать две – с пригодными для нее биосферами, но без автохтонов... Больше шестисот лун. Восемь рас-союзников. Да... Впечатляет...

– Социальный тупик, – задумчиво повторил Белозерский. – По образцу Сторкада?

– Нет. Сторки не в тупике, они просто остановились. В феодализме. И развили его в космическую систему. А тут все гораздо хуже. Это не остановка, это извращение развития... Они живут, чтобы потреблять. И открывают, чтобы потреблять. И в нас будут видеть конкурентов не во власти, не в науке, не в культуре, а именно в потреблении... Странно, – в голосе Императора послышалось искреннее недоумение. – Мы думали, что навсегда покончили со всем этим. Ладно. Что тебе удалось выяснить?

Белозерский вздохнул.

– Их экономика на порядок мощней нашей – я имею в виду всю Землю. Очень высокий жизненный уровень – конечно, не для всех... Высокоразвитая наука – их экономикой заправляют восемь крупнейших корпораций, и каждая лезет из кожи вон, чтобы обогнать конкурентов. Флот... До трехсот линейных кораблей, до пяти тысяч крейсеров, около пятидесяти тысяч фрегатов и другой мелочи. Впрочем, это все неважно... Мьюри начали строительство супердредноутов, сторки их называют – Имид Хубрау, или «Чудовище Небес», есть в их мифологии такой персонаж. Длина каждого из этих монстров достигает восьми километров, они являются самыми большими из когда-либо построенных кораблей, нам на такие не хватит ни техники, ни ресурсов... ни знаний, Вячеслав. Сейчас в их флот входят всего три, но их заложено двадцать, а мьюри – отличные кораблестроители. Пожалуй, лучшие, чем англосаксы... Их опасность невозможно переоценить. Одним своим появлением супердредноуты ломают весь баланс сил. Кроме огромного количества оружия и многометровой брони они имеют еще один козырь – гравитационное защитное поле. Генераторы супердредноута настолько сильно искажают вокруг него пространство, что никакие материальные снаряды не могут его поразить. Конечно, такая защита не спасает от лазеров и излучения близких ядерных взрывов, но от них супердредноут и так отлично защищен броней.

– Понятно, – ответил Император. – Каковы же тогда наши шансы, если..?

Белозерский прямо посмотрел на него.

– Никаких. Если дело дойдет до войны – по расчетам аналитиков, мы выйдем у них тридцать процентов флота, а они нас просто уничтожат. Их главный козырь – это лазерное оружие. Оно с легкостью режет броню, а силовые поля просто не замечает. Если мы сможем добыть у них или у сторков эту технологию, то сможем хотя бы побороться за свое будущее – и с неплохими шансами на победу...

– Я поручу ООСЕИВК³заняться этим, – тихо сказал Император. – Но тут придется действовать крайне осторожно – провал сразу приведет к войне, а ее мы пока должны

Рейнджеры внешне были неотличимы от людей, а люди – единственная раса, имеющая «двойников»: на данный момент – строков и йэннимурцев, а позже – джангри, данвэ и аниу.

³ Особый Отдел Собственной Его Императорского Величества Канцелярии – спецслужба, подчиненная лично Императору. Другое название – неофициальное – Черная Сотня.

избегать любой ценой. На перевооружение флота нужны годы. А некоторые типы кораблей просто невозможно перевооружить. Ну так как все же прошли переговоры? Они предъявили нам какие-то претензии? Хотя бы что-то формальное?

Белозерский сухо засмеялся.

– Нет, Вячеслав, что ты! Они были само дружелюбие. Дипломатические отношения, торговый обмен, тары-бары... Это тебе не фоморы, которые тупо убивают всех, кто непохож на них, и надеются, что когда-нибудь в светлом будущем смогут убить всех. Эти – нет. Они говорили интересные вещи... Да, конечно, у нас ужасно отсталый общественный строй, они рады бы помочь нам в становлении демократии и все такое... тебе это ничего не напоминает?

– Америку до Серых Войн. – Лицо Императора стало брезгливым. – Воистину, история любит повторяться...

– Я думаю, теперь ты понял, зачем они нацелились на сторков, – сказал Белозерский. – Рабовладельческий строй для них – как красная тряпка для быка. Конечно, и для нас тоже – но если сторков сомнут, мы просто станем следующими. А если они сомнут Землю – это будет уже неостановимо, ты понимаешь меня? Остальных они задавят поодиночке или запугают до одури. Или просто купят. А потом... сожрут.

– Сожрут? – как эхо переспросил Император.

– Ты не видел их заводов, – ответил Белозерский. – Один мьюри потребляет на два порядка больше ресурсов, чем такой же средний землянин, – но боги, на что они тратятся! Флаеры, отделанные палладием и никому не нужным золотом. Космические яхты, обшитые чистым серебром! Ты знаешь, что происходит, когда мьюри удается открыть или захватить луну, богатую ресурсами? Используя многотысячный флот кораблей... англосаксы видели их в деле и окрестили харвестерами... так вот, они за несколько десятилетий полностью истощают ее и уходят, оставляя за собой тектонический ад, бушующий на поверхности. И они не остановятся, пока черт знает на сколько световых лет вокруг не останется ничего. А потом, когда все это наконец развалится, уже никто и никогда не будет летать между звезд. Разве что фоморы, если они окажутся достаточно умны и терпеливы. В чем я сомневаюсь. И что останется тогда? Пустыня?

– Не пугай, и без того тошно, – утрюмо сказал Император. Ситуация до странного напоминала сложившуюся перед самыми Серыми Войнами – и это совсем ему не нравилось. – Я же вижу, что у тебя уже готов план действий.

Белозерский помолчал, барабанил пальцами по столешнице.

– План... Да, Вячеслав, у меня есть план. Остановить мьюри силой мы не сможем – не стоит даже и пробовать. Но я видел, как живут они, и знаю, как живем мы. И я думаю, мы сумеем доказать им, что жизнь людей лучше жизни стаи обезумевших от жадности крыс. Даже если крысы живут на забитом продуктами складе.

Император помолчал.

– Неужели ты веришь, что у нас получится? – наконец сказал он. – Это невозможно!

Белозерский вдруг усмехнулся.

– Вячеслав, помнишь лицейский лозунг? «Если делать – то невозможное!» До Третьей мировой тоже твердили, что капитализм – это высшее достижение человечества, что он на века и что человек навсегда останется алчным скотом. Они все ошибались, как ты видишь. Ты живешь в этой невозможности – зачем же отрицать другую?

– И что же ты предлагаешь? – спросил Император. – Устроить там социальную революцию, как красноармеец Гусев на Марсе? Помнишь эту книжку? Смешная, интересная... Но ведь ты не хуже меня знаешь, куда идут и куда зачастую ведут все навязанные высокоразвитым цивилизациям извне рецепты. Заставить мьюри измениться мы не сможем. У них не тот уровень техники.

– Не сможем, – легко согласился Белозерский. – Измениться мьюри могут только сами. Но вот заставить их захотеть этого – вполне в наших силах.

– Как? – Император уже ухватил суть и теперь желал понять детали. – Да, образ жизни

землян прельщает очень многих – взять тех же амбриан! – но кто нам позволит продемонстрировать его?

– Уже позволили, – засмеялся Белозерский. – Нас, в смысле Землю, пригласили на Большую Ярмарку. Ты знаешь, что это такое?

– Что-то вроде Олимпийских Игр в Древней Греции, – пробормотал Император. – Ты же знаешь, что Земля никогда не участвовала в них – сразу после Войны познакомились с условиями и решили не принимать участия.

– А вот они собираются принять, как я понял. В будущем году Ярмарка пройдет на Йэнно Мьюри. Приглашены все, даже сторки. И каждый – каждый, Вячеслав! – постарается доказать там, что он – самый лучший. Не особенно стесняясь в средствах. Ты знаешь, что на Ярмарках разрешены гладиаторские бои? Рукопашные схватки? Формально – это просто развлечение, неформально... проигравшая раса теряет престиж, влияние, на нее могут просто напасть соседи, потому что слабых не принято уважать. У нас есть очень хороший шанс показать йэннимурцам и их союзникам, что с нами стоит считаться. Я уже не говорю о том, что Ярмарка – это просто рай для сбора информации, для переговоров, для торговли...

– Ну так в чем же дело? – удивился Император. – Собирай делегацию, подбери бойцов, если надо, – и вперед, как мы говорили в свое время!

Белозерский помолчал.

– Вячеслав, не все так просто. Делегацию – ученых, плановиков, экономистов, техников – я могу подобрать какую угодно, но вот в боях – в показательных рукопашных боях – могут участвовать только военные.

– А что, могло быть иначе? – Император не понимал, о чем беспокоится старый друг. – Прошерсти пластунов, вообще все силовые службы, англосаксы дадут своих рейдеров, вот и наберется группа, которую не стыдно будет показать. Ты же сам знаешь, что рукопашная подготовка у нас на Земле – на высоте, это признают все.

– Вячеслав... – Белозерский помедлил, вздохнул. – Мьюри выставят очень юных бойцов. Подростков. «Наше будущее», как они выразились. И нам придется взять с собой таких же – тридцать человек не старше четырнадцати лет.

Впервые за много лет Император Всероссийский выругался – длинно и грубо.

2. Кадет Его Величества

Лестница из черного диабаз, украшенная на площадках между пролетами фигурами распростерших крылья орлов (разинутые клювы грозных голов на вытянутых и угрожающе опущенных шеях, казалось, издают воинственный клекот), спускалась прямо в озерную воду. В прохладном утреннем безветрии над водой плавал длинными рваными полосами голубоватый туман, и звуки идущего на пастбище за озером и полосой леса стада казались близкими, словно коровы шли под балконом. Левее – там, где из озера вытекала прячущаяся в тростниках и уходившая в лесные топи речушка, – туман превращался в сплошную пелену, и над нею, и над верхушками деревьев, поднимались словно бы из ниоткуда решетчатые мачты линии струнника. По ним – жик! – размытой тенью проскочил каплеобразный рейсовый вагончик.

Слева от последних ступенек лестницы – как у причала – стояло несколько лодок, обычных весельных плоскодонок, даже без уключин – такими правят, стоя в рост и «ерша» по бортам единственным веслом, иначе не пройти по многочисленным лесным протокам. Лодки казались архаичными рядом с черным обтекаемым гидроциклом и золотисто-серо-жемчужной дельта-амфибией. В одной из лодок, на белом носу которой алыми буквами было написано «ПРОЙДОХА», сидел мальчик.

Поставив на носовую скамейку ноги, он склонился над книгой – обычной бумажной книгой – так, что видно было только коротко подстриженную светло-русую пушистую макушку, на которой задумчиво колыхалась мягкая метелка вставших торчком волос. Кроме белых спортивных трусов с красными полосками-лампасами на мальчишке была только

небрежно накинута на плечи куртка той же расцветки – из тонкой кожи. Новенький комбрас торчал из кармана куртки. К правому бедру мальчишки – точно под опущенную руку – был пристегнут полевой нож с простой коричневой рукоятью, в дереве которой серебром мерцали врезанные тройные молнии.

В тишине с ее ненавязчивыми утренними звуками вдруг осатанело грохнул по воде жерех. Мальчишка быстро закрыл книгу, поднял голову и встал – все это за долю секунды: вот – сидел и читал, вот – стоит на ногах и смотрит на воду, никаких промежуточных движений.

Звук не повторился, и мальчик, вздохнув, улыбнулся чему-то. Высокий, узкобедный, плечистый (только неистребимо выпирающие ключицы указывали, что лет мальчишке маловато), оснащенный (именно это слово и лезло на язык при первом взгляде) длинными сильными ногами и стройной крепкой шеей, мальчишка выглядел совершенно беспечным. Большие серо-зеленые глаза смотрели на мир из-под высоко распахнутых длинных ресниц весело и немного наивно, с хорошим ожиданием – и даже на искристом их донце не было ни опаски, ни хмурости. Чутьочку курносый нос, чутьочку широкий рот, чутьочку пухлые губы – и уже заметная на округлом, мягком пока еще подбородке ямочка.

– Ох достану я тебя, – сказал мальчишка в пространство и, снова вздохнув, медленно сел, продолжая разглядывать воду. Свернул и сложил на скамейку куртку, поднял книгу, раскрыл, обложкой вверх положил на колено. На обложке – простой, темно-коричневой – желтело: «Алексей Николаев. Аварийный отсек». Мальчик побарабанил пальцами по обложке, с сомнением посмотрел на надпись, вздохнул, перевернул, полистал книгу. Но, как видно, настроение читать было сбито полностью, он решительно закрыл ее, положил на куртку, вылез из трусов и, бесшумно перевалившись за борт, тут же ушел на глубину.

Его не было на поверхности минуты три. Собственно, беспокоиться особо было некому, засекал время – тоже, да ныряльщика это интересовало меньше всего. Ныряние в число его талантов никогда не входило, он мог пробыть под водой не больше пяти минут при лицейском рекорде в двенадцать сорок две. Если бы кто-то спросил тринадцатилетнего Игоря Сурядова, что в жизни его интересует, – он ответил бы, что вообще-то все, но если брать по шкале приоритетов со снижением, то это рукопашный бой, сверхпроводимость материалов, ксенопсихология, педагогика, аквастрой и вождение универсальной бронетехники.

Впрочем, отсутствие особых успехов в нырянии не помешало ему всплыть посередине озера через эти самые три минуты. Он выпустил из кулака ошалелую плотвичку, перевернулся на спину и, пошевеливая ногами, лениво поплыл к берегу, но потом не выдержал, крутнулся на грудь и перешел на брасс, каким в полном снаряжении подбираются к врагам боевые пловцы. Лицо плывущего мальчишки стало внимательным и суровым – конечно, он играл в атаку на вражеский берег и сейчас стремился только к тому, чтобы его не заметили часовые или не засекли сенсоры. Со стороны и правда могло показаться, что к ступеням приближается что-то вроде плавучей кочки. Но кочки редко – почти никогда – улыбаются. А Игорь вдруг заулыбался, глядя куда-то вверх.

Там, где лестница выходила – двумя ответвлениями – на полукруглый балкон, на укрепленном на перилах белом с алой окантовкой французском щите пикировал за добычей все тот же орел. Дворянский герб Сурядовых в Империи был хорошо известен. А выше лестница продолжалась – уже легкая, ажурная, из серебристого металла, с широкими ступенями и плавно изгибающимися перилами, она легко взбегала наискось и вверх по стене, словно бы сложенной из непрозрачных кубиков матового-черного и темно-синего оргалитового стекла.

Сурядовы не были сторонниками того большинства среди дворянства, которое предпочитало отстраивать дома либо в стиле европейских замков, либо под глубокую славянскую старину, вплоть до частоколов с черепами. Их имение, отстроенное заново после большой реконструкции еще век назад именно в таком виде, в виде устремленного в небо жилого комплекса «звездолетных», «космических» очертаний, как бы подчеркивало, что вот

уже несколько веков, практически со времен начала Реконкисты, все мужчины семьи связывают судьбу со звездами. Даже лифтовые шахты по углам здания были сделаны в виде массивных безекторных колонн примитивного, грозного и прекрасного звездолета начала Галактической Эры. Игорь рассматривал дом с обычным восхищенным удовольствием. Его было видно издалека. Возвращаясь на каникулы, он не пользовался самолетами и даже нарочно сходил со струнника на одну станцию раньше – там можно было спуститься к озеру по тропинке косогором и вдоволь налюбоваться поместьем... Когда он видел дом – он каждый раз пытался представить себе их. Предков. Яростных, грубых, непреклонных, отважных, скорых на дружбу и гнев, но великодушных... В такие минуты ему казалось, что он – очень маленький – робко и восторженно смотрит снизу вверх на замершие в полутьме фигуры титанов. И вместо глаз у них сияют звезды, и лежат на широких плечах эполеты облаков... Никому он не рассказывал об этих мыслях. Не потому, что боялся насмешек. Просто... кто же говорит о ТАКОМ?..

Мама, что это за горы —
Там, на горизонте?
Я хочу туда домчаться,
Посмотреть с кручи...
Тихо я пойду – чтоб не спугнуть
Сон тех,
Кто при жизни был сильнее скал,
Круче...

И тут со ступеней стремительно метнулась и вошла в воду без единого всплеска золотисто-бело-алая торпеда. Игорь подпрыгнул и закрутился в воде, не без оснований предполагая... ага! Он нырнул и перевернулся под водой, ускользнув от вытянутых рук стремительно надвигающейся стилем «дельфин» полупризрачной тени. Сам попытался ухватить, но промазал – и на несколько минут в воде закрутилась бешеная круговерт – пловцы пытались подловить друг друга. Наконец рядом с вынырнувшим в очередной раз Игорем выскочила на поверхность голова, а потом плечи, обтянутые купальником. Это была женщина – сдувая с носа капли, она смеялась.

– Молодец!

– Доброе утро, мам, – сказал Игорь. Мать и сын поплыли к ступеням. Игорь хотел было галантно помочь матери выбраться из воды, но она сделала одно-единственное движение и оказалась на суше, а в следующий миг сильным рывком за руки выдернула из воды несолидно ойкнувшего и брыкнувшего ногами сына, деликатно отвернулась, сделав вид, будто что-то рассматривает в тумане – когда мальчишка вроде бы равнодушно, но очень быстро цапнул трусы (скрыла усмешку – наверное, на занятиях по анатомии и по эротике он не такой стеснительный).

Потом они уселись рядышком – молча, чтобы просто обсохнуть под лучами только-только появившегося солнца. Игорь косился на мать, почти против воли любуясь ею. Он гордился матерью и любил ее, как только можно любить и гордиться в тринадцать лет.

Велина Целимировна была типичной русской дворянкой – рослая, сероглазая красавица, золотисто-русые волосы которой были собраны в тугую «корону», ее фигура – широкобедрая, с тонкой талией и высокой крепкой грудью – ничуть не пострадала после трех родов. Величаво-медлительная, она могла становиться стремительной, как молния, в чем только что убедился средний сын. В юности очень неплохой ученый-химик и биолог, она и сейчас иногда публиковала небольшие работы, но в основном отдавала время управлению поместьем. Говорили – сама Велина Целимировна об этом не распространялась, – что девочкой она служила в Круге Мораны⁴, и Игорь этим не раз козырял в мальчишеских

⁴ В Русской Империи – система боевой добровольческой подготовки девочек-дворянок 9 – 15 лет. Включает

разговорах: «У меня не только отец – у меня *имать* !..» По правде сказать, он не помнил, чтобы мать в его детстве выразила по отношению к нему чувств больше, чем считала приличным. Даже когда он был маленьким и возвращался из Лицея, то получал всего лишь короткое объятие и поцелуй. Но он уже тогда умел читать чувства и выражение глаз – и не обижался. А последние год-полтора отношение матери изменилось, потеплело, и не только потому, что погиб отец – Игорь ощутил, что она видит в нем – как и в старшем брате – не столько уже детей, которых можно «разбаловать», сколько друзей и единомышленников. Но Роман уже давно не жил дома и даже наезжал редко – когда его эсминец оказывался на Луне, а это было нечасто. Даже отпуск последний не взял, и это было понятно – старший Сурядов был настроен стать капитаном корабля в кратчайшие сроки... Как отец. Отец, погибший в пограничной стычке с фоморами четыре года назад.

Игоря иногда забавляло и удивляло, что у не-дворян отношения в семьях были несколько иными. Семьи очень прочно держались на любви родителей друг к другу и к детям и любви детей к родителям, да и дети, как правило, искали и находили работу или службу поближе к родителям, отчего не редкостью были целые населенные пункты-«семьи». Дворянские роды скрепляла ясно и деловито осознанная и пронизывавшая всю их жизнь служба общности интересов Империи – в каком бы краю освоенной Галактики ни находился сын или дочь любой из семей...

– Мам, – спросил Игорь неожиданно для самого себя, – ты любила отца?

– Я его любила. – Казалось, Велина Целимировна ждала этого вопроса. – Вернее – полюбила. Семьям нужно было упрочить союз. Мы встретились – и все. Так было нужно. Но потом... – Она улыбнулась.

– А я похож на него? – Игорь подтянулся.

Мать мягко улыбнулась:

– Вы все трое похожи на него и на меня. Даже Надюша.

– Ну вот, ответила, – надулся Игорь и встал. – Я пойду, я голодный. Тетя Аня спит еще?

– Спит... Игорек, принеси мне тоже чего-нибудь поесть.

– Ма... – сделавший уже несколько шагов по лестнице Игорь оглянулся. Медленно шагнул обратно на пару ступенек, спросил: – Ма, ты где ночью-то была? Ты ж не спала, я вижу теперь.

– Ну не спала, – слегка смущенно отозвалась Велина Целимировна. – Попросили помочь на ферме с синтезатором. – Она кивнула за озеро.

Игорь сделал суровое лицо, женщина – покаянное.

– Я принесу поесть, – наконец кивнул мальчишка.

– И попить! – крикнула ему вслед мать. – И еще комбрас принеси, он на входе! И еще... – Она махнула рукой, потому что Игорь был уже на самом верху лестницы (последним пролетом пользоваться он счел ниже своего достоинства и, с разбегу подпрыгнув, ухватился за перила балкона, подтянулся и оказался там). – Ну ладно...

...В большой, казавшейся совершенно прозрачной из-за сплошного остекления (и притом матово-черного снаружи) кухне было на самом деле пусто. При появлении молодого хозяина из «норок» показались два робота-уборщика; если бы они обладали хоть каплей индивидуальности – можно было бы сказать, что на блестящих туповатых носках отражалось нетерпеливое ожидание.

не только обучение, но и «практику» в условиях колониальных войн и региональных конфликтов. В Англо-Саксонской Империи аналогом является «Двор Валькирий». Обе организации, созданные еще во времена Безвременья, имеют и взрослых членов и играют немалую роль в регулировании общественной морали – в том числе и весьма суровыми методами. Это не очень актуально для Галактической Эры, но в более беспокойные прошлые времена женщины из Круга Мораны и их англосаксонские сестры – по некоторым серьезным подозрениям, недоказуемым, впрочем, – не останавливались перед безжалостной и эффективной ликвидацией растлителей, извращенцев, похитителей детей и вообще всех, кто так или иначе покушался на безопасность детства и достоинство женщин. Кто именно из женщин состоит в этих организациях – не знают зачастую даже Императоры.

– Брысь! – Игорь топнул ногой, и роботы исчезли. Мальчишка довольно усмехнулся. Еще три года назад он втихую перепрограммировал уборщиков именно на это слово и движение – кстати, никто в доме больше об этом не знал, и все частенько удивлялись, почему это довольно назойливая и очень хлопотливая, готовая утащить на секунду отставленный в сторону стакан буквально из-под пальцев домашняя техника боится Игоря как огня? Сестричка Надька, уже тогда, в семилетнем возрасте, отличавшаяся повышенным ехидством, заметила, что это, наверное, потому, что роботов страшит мысль об уборке в том свинарнике, который называется «комнатой Игоря». После этого замечания, высказанного за обедом и слишком громко, Надька впервые в жизни близко познакомилась с тем, что такое настоящий свинарник, отработав там по приказу Велины Целимировны целую неделю по четыре часа в день – и это в каникулы...

Сунув два стакана под автомат и скомандовав: «29-19, лимонный сок, пожалуйста!», Игорь открыл духовку и довольно улыбнулся. Тетя Аня, конечно, спала. Но она не была бы сама собой, если бы не оставила с вечера на ма-а-аленьком подогреве великолепный ростбиф в коричневой корочке, уже нарезанный солидными кусками, нежно-розовыми внутри.

– Вы золото, тетя Ань, – пробормотал Игорь, улыбаясь. Вспомнил, как года в четыре, когда тетя Аня в очередной раз отмыла их с Пашкой – своим младшим – после того, как они почти пять суток «шлындрали» по лесу и лугам, носа не показывая домой и питаясь подножным кормом, – а потом усадила за стол и положила по куску горячего, просто-таки «дышащего» пирога с земляникой, а в глиняные кружки-самоделки (гончарное дело было для ее мужа, инженера-гидротехника, работавшего на ферме за озером, отдыхом) налила холодного молока – так вот, тогда он, Игорь, восторженно булькая молоком, прямо заявил: «Хочу, чтоб ты была моей мамой!» Пашка ответил, что тетя Аня его мама и он ее никому не отдаст. А тетя Аня неожиданно строго сказала, что мама у Игоря одна и лучшей ему и не надо желать, и говорить так нельзя, и даже думать.

Мама любила готовить шарлотку с яблоками. Очень вкусную. Но делала ее редко-редко... так редко, что каждый подобный случай был маленьким праздником.

– Игорец, сок готов, – дружелюбный баритон спикера, казалось, принадлежал живому и разумному человеку.

– 29-19, спасибо. – Игорь, обжигаясь, взялся было за блюдо, потом хмыкнул и толчком пальцев перебросил его по воздуху точно в центр стола. На ходу подхватил оба стакана, открыл хлебницу. Он любил подовый хлеб, большие полукруглые буханки, а мама – ржаной «бородинский». При слове «бородинский» Игорю неизменно представлялось поле, застилающие солнце пороховые дымы, сшибающиеся конные лавы, дробный гром больших барабанов и зоркий взгляд единственного глаза имперского полководца – такой неподходящий к смешному грузному телу и старческому, чуть задыхающемуся, голосу. Проще говоря, представлялись кадры из фильма «Слава нашего оружия», серия 217-я, «Бородино». Это заставляло относиться к «бородинскому» с уважением, но на вкус он Игорю не очень нравился.

Напевая довольно громко воинственный мотив из вспомнившейся серии, Игорь расположил на столе хлеб, переложил двойные ломти кусками ростбифа, приготовленный для мамы посыпал нарезанной зеленью (скукоженные мерзлые и непривлекательные опилки из пакетика на воздухе тут же превратились в свежие), а свой мазнул горчицей. От ее запаха наконец-то полностью очнулся, проснулся организм – и есть захотелось так, что мальчишка уже собирался вцепиться в один из двух своих бутербродов, а уж потом нести остальное наружу, но...

– Игорец, к тебе визит, – сообщил спикер.

– Ууууу! – мальчишка от разочарования даже взвыл, отложил бутерброд и крикнул: – 29-19, сюда давай, кто там еще-о... О?!?!?!

Капитан-преображенец – в парадном мундире, – появившийся над пластиной связи, не выказал ни малейшего удивления по поводу еще не вполне обсохшего персонажа в трусах, который стоял у кухонного стола.

– Сурядов Игорь Викторович? – как ни в чем не бывало осведомился офицер.
– Это я. – Игорь кивнул. – С кем имею честь?
– Капитан гвардии Дорошевич, личный секретарь Его Императорского Величества. – Игорь снова кивнул – точнее, уже поклонился, хотя еще ничего не понимал и не ощущал, кроме изумления. – Игорь Викторович, мы понимаем, что вы находитесь на каникулах, но, может быть, вы сочтете возможным выполнить просьбу Его Императорского Величества и сегодня к вечеру прибыть в столицу? В случае вашего согласия собирайтесь – в течение двух минут за вами будет выслан легкий самолет дворцового аэропарка. Итак, Игорь Викторович?

3. Лучшие

Самолет оказался двухместным реактивным «лучом» цветов Дома – алый, с личными императорскими гербами на коротких, загнутых на концах кверху крыльях и разнесенном двойном хвосте: золотая рысь с серебряной секирой в правой лапе. «Луч» сидел в положении «на взлет», опираясь о землю выпущенными передними опорами и почти уткнувшись в гладкое покрытие дюзами двигателей. Стоявший рядом пилот – в обычной форме ВВС с погонами штабс-капитана – издалека смотрел на идущего мальчика; и ни во взгляде, ни в позе не было нетерпения.

Игорь оделся в лицейскую форму и нес маленькую сумку, с которой обычно уезжал на занятия. Вozить с собой много вещей давно не было необходимости, по крайней мере на Земле и в «старых» колониях – где бы человек ни оказался, к его услугам был максимум удобств, нередко – бесплатных. Лицо мальчишки было тоже совершенно непроницаемым, как будто вызов к Императору он получал по меньшей мере раз в месяц. Провожать себя он никому не позволил – да никто и не настаивал, хорошо зная характер среднего Сурядова. Велина Целимировна проводила сына дальше всех – на крыльцо. Остановив, внимательно осмотрела взглядом скорей унтер-офицера, чем матери, одобрительно кивнула. Помедлив – Игорь выжидающе не сводил с нее глаз – негромко сказала:

– Я чувствую – тут что-то важное.
– Думаю, что для неважных дел Его Величество вызвал бы кого-нибудь из ближнего окружения, – серьезно сказал Игорь.

Велина Целимировна слегка ткнула сына пальцем в лоб, улыбнулась, но лишь на миг – улыбка тут же пропала:

– Не шути, Игорек. Если я еще не растеряла своих навыков, могу сказать: дело, для которого тебя вызывают, – дело важное, очень важное, и... – она помедлила, – и опасное.

– Что ж, – Игорь сделал усилие и остался невозмутимым, хотя внутри опять радостно и торжественно запели серебряные трубы, как в тот момент, когда капитан Дорошевич передал ему просьбу Императора, – разве мы живем не для таких дел?

Велина Целимировна немного склонила голову:

– Да, это так. Я ничего не буду тебе говорить особо – ты мой сын и ты кровь рода Сурядовых. Иди и сделай то, что тебе прикажет Его Величество. Если выполнение его приказа добавит России славы – это будет и наша слава. Если ради славы России ты будешь должен отдать свою жизнь – это тоже будет наша слава... – Она подняла руку отталкивающим жестом и сказала повелительно: – Иди, мой второй сын. Твой отец гордится тобой...

Сбежав по лестнице в сторону тропинки к посадочной площадке, Игорь не выдержал – обернулся. Велина Целимировна стояла в дверях. Увидев, что сын оглянулся, она шагнула вперед, раскидывая руки – Игорю на миг показалось, что это... орлиные крылья. А потом донесся ее голос, и мальчик слышал его, даже когда уже подходил к «Лучу». Мать пела...

Вера моя – воля,
Лики озер – мои образа,
Певчие-ветры в поле,

Сила моя – гроза!..

– Я готов, – кивнул в ответ на молчаливый вопрос пилота Игорь и принял поданный шлем, нахлобучил, застегнул под подбородком.

В кабине пилот подал ему маленькую «памятку» и суховатым голосом, в котором выразительности было не больше, чем в звуке сыплющегося песка, предложил – даже без оттенка приказа, но странным образом непреклонно – ознакомиться с материалами. Игорь кивнул, прищелкнул «памятку» в комбрас и, включив в шлеме проектор, уже на автомате зафиксировал себя ремнями в мягком глубоком кресле. И вдруг подумал – а точнее, ясно понял, – что не удастся слетать в Декан к лучшему другу Мишке, а ведь обещал, что прилетит через две недели, и Мишка будет ждать, и ничего не объяснишь ему, обидится он... а сам Игорь – где он будет через две недели?

Правота матери и ее неясные слова о важном обрели плоть вместе со щелчком фиксаторов ремней. Игорь стал не вполне обычным человеком – скорее автоматом с натренированным человеческим мозгом, автоматом, готовым ко всему...

«Луч» прыгнул в небо, чтобы почти тут же выметнуться в стратосферу и набрать скорость более десяти тысяч километров в час. Но Игорь – честное слово – почти не заметил перегрузки, удивленный разворачивавшейся перед ним информацией. Такого он не читал никогда и нигде! Если честно, даже не мог себе представить, что описываемые вещи могут быть сколь-либо реальны...

Йэнно Мьюри:

Жесткая, сугубо деловая раса мьюри – целеустремленные и независимые люди. Их родная планета – естественный рай, хотя столетия эксплуатации оставили на ней свой отпечаток. Сострадание не чуждо мьюри, но их черта смотреть на все вокруг, тонко просчитывая всевозможные исходы событий, заставляет их слишком часто жертвовать милосердием в угоду долгосрочной «прибыли».

В прошлом они были настоящими демонами войны, но современные мьюри, выросшие в роскошной и склонной к гедонизму культуре, прежде всего пытаются распропагандировать, а не убить врага. Но если эта тактика терпит неудачу, противник просто истребляется. Стирается даже его след, причем переход от уговоров к убийствам происходит у мьюри совершенно внезапно и с поразительной легкостью.

Мужчины: бдительны и полны решимости. Они властны, упорны и эгоцентричны, готовы многим пожертвовать ради высокого социального положения.

Женщины: в какой-то мере противоположность мужчин, чутки и осмотрительны, известны умением распутывать даже самые острые конфликты. Они привлекательны, практичны, воспринимают мир таким, какой он есть.

Общество:

Формально Федерация Йэнно Мьюри представляет собой последнюю в Местной Зоне «классическую» демократию. Фактически же – это государство, построенное на диком капитализме, оно управляется восемью мегакорпорациями. Каждая состоит из тысяч мелких компаний, от юридических фирм до индустриальных концернов. Вся земля и недвижимость принадлежат этим компаниям, они, в свою очередь, сдают их в аренду гражданам и правительству. Охраной Федерации тоже занимаются независимые военные компании. Мегакорпорации доверяют друг другу с большими оговорками, у каждой есть собственные вооруженные силы для защиты собственности.

Хотя все это дает корпорациям неограниченные полномочия, они в то же время скованы таможен и законами Федерации. Постоянная, иной раз даже жестокая конкуренция между ними способствует быстрому росту научной и экономической мощи расы мьюри, но разрушает ее социальную структуру беспощадной «отбраковкой» «неуспешных» людей. Попыток воспитания народа в целом мьюри практически не делают, профессия педагога у них считается профессией аутсайдера.

Так как в Федерации торговлей занимаются компании, а не государство, это сдерживает развитие политических отношений с другими империями. Если компания виновна в неэтичных деловых отношениях, она просто исчезает, и вскоре ее место занимает другая. Но если компании угрожает чужая корпорация или даже государство, то мьюри применяют силу почти без раздумий.

Общество мьюри имеет богатые военные традиции. Когда-то они вели жестокую и затяжную войну со своими колониями, ныне известными как Союз Аниу. Именно тогда корпорации утвердились как движущая сила в создании и развитии нового государства – Федерации. Сейчас, несмотря на давно царящий мир, мьюри все равно стремятся быть первыми в военных технологиях, хотя до сих пор уступают в этом аниу и другим расам Верхнего Края.

Чтобы выплескивать свою агрессивность, мьюри активно участвуют в различных спортивных состязаниях. Многие из них кровавы, подобно гладиаторским боям. Помимо спорта мьюри любят азартные игры, они создали целую игровую индустрию в государстве.

Помимо самих мьюри в Федерацию входят еще три расы. Считается, что до контакта с ней они находились на примитивном уровне развития, а под покровительством мьюри развились и стали полноправными членами Федерации – однако на самом деле это не совсем так.

Аниу первоначально были лишь политическим движением, но из-за всевозрастающих разногласий и вражды с остальными мьюри им пришлось искать новые системы и создать там свое государство. Какое-то время эти две части расы воевали, но так как никто не смог одержать победы, они заключили мир.

Сейчас на планетах Федерации живет множество выходцев из других рас – большинство их покинули родину по политическим или идеологическим причинам или прилетели просто в поисках счастья – Федерация создала своим гражданам лучшие в Местной Зоне, но в то же время ограниченные условия жизни. В ней можно жить довольно хорошо и красиво – но лишь строго соблюдая ее законы, как писанные, так и неписанные. Жизнь их нарушителя быстро становится невыносимой. Такие мьюри теряют все: уважение, семью, статус, работу, и единственный выбор для них – изгнание или самоубийство.

Мьюри допускают в свое общество инопланетян, но лишь тех, кто придерживается их правил. Вхождение в состав их цивилизации предполагает фактически полный отказ от самоидентификации любой расы.

Общество мьюри контрастно. Большинство богачей Местной Зоны живут именно на Йэнно Мьюри – они создают постоянный спрос на предметы роскоши и известны самыми дорогими космическими яхтами и особняками.

Но сотни миллионов мьюри ужасающе, постыдно бедны, потому что либеральная рыночная экономика и свобода прав человека дают каждому шанс не только подняться к вершинам общества, но и обеспечивают риск неожиданно и алогично потерять все из-за принципиально нерассчитываемых «конъюнктур рынка». У мьюри нет правильного понимания экономики, они считают ее саморегулирующимся механизмом, доведя это заблуждение до совершенства и превратив в одну из основ своей жизни.

Для многих Федерация – это «обетованная земля», где любая мечта может стать реальностью. Мечты же многих существ, вызванные к жизни абсолютным отсутствием воспитания, поощряемым обществом Йэнно Мьюри, – ужасны. Такое общество не только отвратительно, оно еще и буквально пожирает себя изнутри. Со стороны может показаться, что Федерация Йэнно Мьюри – монолитное, цельное государство. Так – отчасти – было в прошлом, но теперь даже сами мьюри понимают, что дальше подобным образом жить нельзя. Восемь крупнейших мегакорпораций преследуют каждая свои цели, цинично пренебрегая интересами общества, и буквально рвут Федерацию на части.

Сейчас вокруг различных идеологий, главным образом в отношении внешней политики, сформировались три группы – кое-кто из них даже призывает к революции! Эти новые

радикальные веяния пока не могут перевернуть внутреннюю политику мьюри, но могут сильно повлиять на их отношения с другими империями.

Историки мьюри обеспокоены этим, они проводят параллели со временем начала Великой Гражданской войны – ситуация в точности повторяет те страшные времена. Тогда мегакорпорации раскололись на два лагеря, одни настаивали на мирных переговорах с аниу, а другие хотели войны. Конфликт был решен с помощью ряда заказных убийств. Все лидеры миролюбиво настроенных корпораций были уничтожены, а сами они поделены между милитаристами и втянуты в войну.

Сейчас Федерация не ведет войн, но политическая ситуация в ней очень нестабильна, многие опасаются, что время Второй Гражданской уже не за горами. Пока мы не можем сказать, какая из трех противоборствующих группировок одержит верх, их силы практически равны. Во главе каждой из фракций стоит мегакорпорация, и ее поддерживают корпорации поменьше.

Первую фракцию, «Практиков», как они сами себя называют, возглавляет мегакорпорация «Амфатара», или просто «Амфа».

«Амфатара» – одна из крупнейших корпораций мьюри, по размеру она сопоставима только с «Сурнимайа Корп». Она является крупнейшим игроком на рынке недвижимости. Ей и подвластным ей компаниям принадлежит почти 40% всех земель в мирах Федерации.

«Амфатара» славится своими неэтичными, зачастую безжалостными методами ведения дел. Она почти не заботится даже о своих друзьях и повинна в большей части конфликтов Федерации с другими империями.

Ее главные союзники – «Граде Корп» и «Нихель Корп». Все три корпорации известны циничным пренебрежением к этике и связью с организованными преступными сообществами. Для них весь остальной мир – лишь средство обогащения, с которым не стоит считаться.

«Граде Корп» – один из крупнейших экспортеров и импортеров в Федерации. Она контролирует многочисленные торговые маршруты, далекие и близкие, постоянно перевозят огромные объемы товаров – в том числе контрабанду, включая рабов и наркотики. Это торговцы до мозга костей, их главный тезис: нельзя всем заработать, кто-то обязательно будет разорен.

«Нихель Корп» – единственная мегакорпорация мьюри, работающая в индустрии развлечений и контролирующая ее почти полностью. Она готова производить все: от дешевого порно до великолепных гиперпространственных яхт, лишь бы удовлетворить все прихоти клиентов. «НХ», как ее обычно называют, известна своими прочными связями с преступным миром – большая часть ее бизнеса прямо связана с этой «аудиторией», да и сама компания часто преступает закон. Для «НХ» главное – это прибыль, на пути к ней ее владельцы не остановятся ни перед чем, пойдут не только на убийство, но и на любое злодеяние, которое только в состоянии представить их крайне извращенная и, к сожалению, чрезвычайно богатая фантазия. «НХ» не брезговала даже торговлей человеческим мясом – закупленными у Чужих в период войны трупами землян и даже плененными, выкупленными и убитыми землянами.

Вторая фракция – «Либералы», их позиция внешне полностью противоположна «Практикам». Они призывают к открытой и честной торговле, к уважительному отношению к другим империям, уверяя, что только взаимовыгодное сотрудничество ведет к процветающему мирному будущему, но на самом деле они выступают лишь против барьеров на пути свободного распространения их товаров и ищут пути захвата колоний, альтернативные военному вмешательству. Они всецело поддерживают идею укрепления контактов с Землей, так как видят в ней гаранта свободной торговли и мирного развития отношений с соседями. Этот блок состоит из двух мегакорпораций – «Иривана» и «Найравана». Из числа их союзников особый интерес представляет компания «Варп Дайнемикс».

«Найравана»

«Найравана» – одна из немногих корпораций, основанных на Йэнно Мьюри в Индустриальный Век, вскоре после первого контакта со сторками и переживших войну с аниу. Долгое время она была самой слабой из мегакорпораций, но мир с аниу изменил ситуацию. «Найравана» первой начала торговать с ними и получила от них технологию гравипривода, принесшую ей миллиарды прибылей, прежде чем другие компании спохватились. Она до сих пор пожинает плоды хороших отношений с аниу и обладает самыми продвинутыми технологиями за пределами их пространства.

Крупнейшая инвестиционная компания в Федерации, «Найравана» – прогрессивная корпорация, готовая вкладывать средства в рискованные предприятия. Она помогла многим перспективным компаниям вырваться за пределы Федерации и выйти на новые рынки, она также серьезно вовлечена в зарубежные инвестиции, особенно в Империи Джаго.

«Иривана»

«Иривана» – редкий пример того, как компания-аутсайдер смогла захватить лидерство в Федерации. В прошлом подпольное содружество контрабандистов, «Иривана» отреклась от прошлых деяний, чтобы получить признание в обществе. После великого исхода – Бегства аниу – когда половина расы покинула родную планету, новую державу надо было поднять из руин в кратчайшие сроки. «Иривана» была одной из компаний, совершивших этот великий рывок, и до сих пор она живет на дивиденды от своих прошлых свершений. Она уже не так активна в мире большой политики, но все еще имеет в этой области большой авторитет.

В пору расцвета «Иривану» прославляли как новую великую надежду Федерации, но в последние несколько десятилетий компания переживает упадок. Консервативная и осторожная, она придерживается старой поговорки мьюри: «Выживают только параноики» и всей своей деятельностью соответствует этим словам.

«Варп Дайнемикс» – мелкая исследовательская фирма, основанная эксцентричным Огро Варатасом, первым мьюри, перенесшим свой разум в машину. «ВД» с момента возникновения находится на переднем крае исследований в биохимии и наномеханике, а ее штаб-квартиру проще описать как сочетание лаборатории безумного ученого и тропического зоопарка. Она создала первый действующий гипердвигатель для коротких внутрисистемных прыжков. И пусть «ВД» не оправдала возлагавшихся на нее надежд, она всегда удивляла новаторским и интересным подходом к своим разработкам и сделала свой вклад в развитие двигателестроения.

Третья фракция заботится о том, какое место занимает Йэнно Мьюри в отношениях с другими империями, как в военном, так и в экономическом аспекте. Они называются «Патриотами», фракция состоит из «Сурнимайя Корп» и ее союзников.

«Патриоты» берегут историческое наследие планеты и призывают к возрождению Империи. Самые фанатичные из них призывают к войне со Сторкадом, но пока они в меньшинстве. Большинство желает добиться военного господства для Йэнно Мьюри и как следствие экономического доминирования. Они уверены, что, достигнув военного преимущества над всеми соседями, смогут диктовать свои условия и внутри самой Федерации.

«Сурнимайя Корп»

Создана в годы войны с аниу как основа военной машины Федерации. После войны сфера ее деятельности расширилась, но военное кораблестроение до сих пор остается гордостью компании. Она строит немало кораблей на заказ.

Крупнейшая мега-корпорация мьюри, «Сурни», как ее обычно называют, имеет свой интерес почти везде. Они производители и исследователи, да и в политике у «СК» сильные позиции. Их главным соперником и в бизнесе и в политике является корпорация «Амфатара».

Корпорация до сих пор принадлежит семье Сурнимайя, ее основателям, известным своей честью и надежностью.

«Махион Корп»

Создана мегакорпорацией «Сурнимайа» как прямой ответ «Нихель Корп». Хотя «НК» удерживает наибольшую долю рынка развлечений, «Махион Корп» умудряется блистать и на таком невыгодном фоне, и ее продукция приобретает все большую популярность – многие считают ее единственным противовесом насаждаемой «Нихель корп» аморальности.

«Минералик Корп»

Основана группой независимых шахтеров. История «Минералик» началась в годы войны с аниу, с флотского отряда особого назначения, который начинал астероиды взрывчаткой, делая из них мины-ловушки. После войны личный состав отряда создал компанию и применил свои особые знания для скорейшего продвижения к вершинам добывающей индустрии. С тех пор компания расцвела, и темпы ее роста – одни из высочайших в пространстве мьюри. Также фирма известна как производитель жилых отсеков и систем жизнеобеспечения для космических кораблей и станций. У нее энергичная программа исследований, ее технологические достижения заставляют нервничать даже великую «Найравану».

«Минералик» до сих пор с особенной охотой принимает на службу бывших военных, а ее военные силы считаются одними из лучших и не уступают силам крупнейших мегакорпораций. Считается, что большинство якобы пиратских нападений на корабли «Амфатары» и ее союзников совершается именно рейдерами «Минералик» и что официальная деятельность компании служит лишь прикрытием для создания сети нелегальных поселений, которые служат базами для разного рода экстремистских организаций, ставящих своей целью радикальное изменение всего общества мьюри.

На первый взгляд мьюри могут показаться ничемными созданиями, увлеченными одной лишь погоней за удовольствиями. Тем не менее все, что у них есть, они создали сами, и никому не следует забывать этого факта.

Из личного отчета ООСЕИВК Его Величеству.

** * **

– «Памятку» возьмите, пожалуйста, – дождавшись, пока «луч» прочно встанет на опоры, Игорь протянул пилоту блок.

Тот покачал головой, не поворачиваясь:

– Оставьте себе и выходите – вас ждут... – затем все-таки повернулся. В глазах пилота была симпатия и немного – почему-то – зависть. – Ты там не подкачай, парень, – сказал он. И видя, что Игорь собирается задать вопрос, вернулся к официальному тону: – Невежливо заставлять ждать хозяина дома. Выходите.

– Хозяина дома? – До Игоря не сразу дошел смысл этих слов. А когда дошел, то он промахнулся мимо ремня сумки, подхватил ее только со второй попытки и, выбравшись из кабины, увидел, как к пустому пятачку посадочной площадки, расположенному посреди соснового леса (сосны были гигантскими, краснокорыми, у их корней пушился белый мягкий мох...) идет по узкой тропинке человек в гвардейском мундире преображенцев. Полковничьем, это было видно издали. Но в мире был только один полковник Его Величества Лейб-гвардии Преображенского полка... только один человек, который имел право на этот мундир... Игорь понял все по форме раньше, чем разглядел лицо. Но в следующий миг его внимание оказалось отвлечено – рядом с Императором возникла и поплыла голограмма. Мальчишка узнал запись событий двухмесячной давности: Общеимперский Чемпионат боевых искусств среди юниоров, группа 13 – 15 лет... его бой – финальный бой с Джерри Карнеги... вот! Рыжий веснушчатый крепыш на полтора года старше Игоря получает удар ногой в живот, отлетает, даже не пытается подняться – без сознания! Восторженный вой трибун – чуть ли не громче, чем тогда ему показался на самом деле, особенно если учесть звон, возникший в тот миг в голове после стремительного и

беспощадного свинга в ухо... Зачем Императору эта запись? Что в ней особенного-то?

Император подошел вплотную, голограмма – лицо Игоря и вскинутые руки – уплыла куда-то в сторону. Мальчик тут же слегка склонился – церемониально:

– Ваше Величество, Игорь Сурядов из рода Сурядовых, второй сын...

– И первый рукопашник человечества среди тех, кому еще не исполнилось четырнадцать, – прервал его Вячеслав.

– Мне исполняется четырнадцать через месяц, – уточнил Игорь – просто чтобы сказать, не молчать. – Я получил вашу... просьбу, Ваше Величество, и счел за высочайшую честь исполнить ее тут же.

– Скажите, Игорь, – с искренним интересом спросил вдруг Император, – вы всерьез считаете, что разобрались в причинах конфликта скиуттских кланов на Варрохе?

Вопрос был неожиданным. Но Игорь тут же покраснел – от удовольствия (Император читал его работу в дайджесте «Лицеи Империи»?!) и гнева (конечно, он не верит, что в двенадцать лет можно разобраться в клановой стычке скиуттов, о которой они сами толком ничего не могли сказать!) и сказал быстро:

– Да, я так всерьез считаю.

– Гм... – Император уже шел обратно, и так получилось, что Игорь шагал рядом с ним, лишь на полшага позади. – Гм. Я не ксенолог, мне никогда не нравилась ксенология. Не могли бы вы меня несколько... просветить на этот счет? Насколько я помню, двое наших дипломатов были внезапно обезоружены и вежливейшим образом посажены под арест, чтобы не мешали этому малопонятному конфликту...

– Да он малопонятен только с точки зрения семейного общества, каковым является наше! – Игорь воодушевился. – Если экстраполировать действия скиуттов на модели земных клановых систем – все становится более чем ясным...

За разговором – говорил Игорь, Его Величество время от времени задавал вопросы – они дошли до поворота в известный всему человечеству «Уголок жизни». На нескольких гектарах сложные автоматы поддерживали множество «климатических уголков», каждый из которых являл собой небольшой фрагмент одного из освоенных русскими миров. «Уголок жизни» всегда был открыт для посетителей – экскурсий, туристов, просто любопытных – и пользовался даже большей популярностью, чем Космозоо в Петрограде.

Издалека Игорь, как ни был увлечен разговором, увидел, что у главных ворот стоят с десяток мальчишек – примерно его возраста, одетые в форму разных Лицеев. Некоторые оживленно разговаривали друг с другом, другие просто осматривались, кто-то читал с комбраса или висящего перед лицом голографического экрана. Игорь с удивлением понял, что знает почти всех... да нет, всех остальных парней. Не всех – лично, но – знает. Это были победители самых разных соревнований по рукопашке. Насчет некоторых Игорь удивлялся – почему в финал вышел он, а не они. Кое-кого он знал еще и по научным и исследовательским работам – весьма многообещающим. Кстати, и на него тоже уже смотрели, и кто-то сказал довольно громко:

– Сурядов идет.

А кто-то еще окликнул:

– Игорь, привет!

Игорь сбился, закончил объяснение и посмотрел на Императора – с некоторой долей требовательности. Ответом был строгий взгляд и легкий толчок в спину:

– Спасибо за интересный рассказ. А теперь идите. Немного подождите, я должен встретить еще троих.

И, повернувшись, Император зашагал обратно. Игорь проводил его глазами, потом вздохнул и уже быстрым шагом подошел к ожидающим его мальчишкам. В сущности, представляться не было нужды, он легко вспоминал имена, отчества и фамилии даже тех, кого и видел-то только на экране. Мальчишки с прибытием новенького начали опять строить догадки на тему, зачем их сюда собрали. При этом все дружно выказывали вслух недовольство прерванными в самом начале каникулами – и столь же дружно ощущалась в

воздухе атмосфера ожидания и неумолимого любопытства.

– Древние Боги наконец-то проснулись и потребовали жертвы, – не поймешь, серьезно или в шутку предположил мрачным тоном рыжеволосый плечистый Тиудир (с фамилией фон Лютциг), с которым Игорь встречался в поединках пару раз. Кроме того, трудно было не зачитаться его «Историей тевтонов», которую печатал их лицейский альманах – работа мальчишки походила на мальчишескую же песню, вдохновенную, в которую вложена вся душа, и оттого почти не замечаются огрехи, ошибки и неточности исполнения. – Нас всех отвезут в Аркаим⁵ и торжественно сожгут в Равноденствие. Как лучших из лучших, – добавил он без ложной скромности (но в общем-то справедливо).

Мальчишки примолкли. Потом зеленоглазый, веснушчатый Славка Макаров, известный пирокинетик⁶, не без успеха пытавшийся учить этому младших, тряхнул головой и сказал серьезно:

– Если бы по правде так было нужно для Родины – я бы пусть... Разве мало наших на самом деле за Родину... сожгли?

– И совсем даже не торжественно, – добавил его тезка (и троюродный брат Игоря) Славка Данич. Каждый из мальчишек понял, что имел в виду хорват, они опять примолкли, поглядывая вокруг рассеянно и нетерпеливо.

Игорь снова внимательно оглядел всех мальчишек. Слова Тиудира о жертве не шли из головы. Нет, это была, конечно, шутка. Но и что-то от правды в ней ощущалось тоже.

Ему очень захотелось домой. Это было странное и непривычное желание. Секунду анализируя его, Игорь понял, что это – обычный страх. Страх перед неизвестностью, перед загадочной темнотой вне освещенного круга возле уютной, обжитой пещеры.

И упрямо наклонил голову, заставляя страх отступить.

* * *

На экране пятнадцать мальчишек покачивались в открытом вагончике, везущем их на дворцовый лунадром. Они вертелись и весело глазели по сторонам. В таком возрасте больше всего угнетает неподвижность, пусть сколь угодно комфортабельная – больше всего бодрит движение, пусть сколь угодно трудное...

– Это они и есть?

Его Высочество Цесаревич, скрестив руки на груди, смотрел на экран поверх отцовского плеча. Василий Вячеславович был очень похож на отца, только одевался не в парадный мундир гвардии, а в довольно скромную повседневную форму звездолетчиков со знаками различия капитана второго ранга военно-космических сил.

Император кивнул, не оборачиваясь:

– Это они и есть.

Цесаревич покачал головой:

– Не перемудрил ли дядя Илья со своим планом? Все привезут показывать достижения своей техники, а мы...

– Технику мы возедем тоже, и лучшую, которая есть, ты это отлично знаешь, – ответил Император. – Но многих на этом сборище техникой не удивишь. Никакой, даже самой изощренной. Разве наша техника заставила два с лишним века назад развалиться альянс Чужих?

⁵ Древний город ариев на р. Синташта в Сибири. Некоторые считают, что это был культовый центр арийской общности до ее переселения в Европу (в этой книге восстановленный Аркаим играет такую же роль – правда, без религиозного оттенка). Но один из авторов (О. Верещагин) придерживается прозаической теории, что весь комплекс Аркаим представлял собой просто-напросто завод по постройке колесниц все для того же переселения.

⁶ Умение управлять пламенем и даже производить его ресурсами организма.

– Но мальчишки... – Василий Вячеславович вздохнул. – Можно было бы отказаться от участия в рукопашных боях. Это, в конце концов, всего лишь один из многих видов соревнований.

– Слушай, Васька, – отец наконец обернулся к сыну, – мне кажется, что это ты мой отец, а не я твой! Вспомни-ка себя лет сорок назад. Выпади тебе такое – неужели ты стал бы прикидывать, рассчитывать и думать?! Или вцепился бы руками и ногами в такой шанс с криком: «Мое, не отдам!»?!

Засмеявшись, Цесаревич поднял руки в шутливом жесте сдачи.

– То-то же, – наставительно сказал ему отец. И оба они вновь повернулись к экрану – вагончик сворачивал на поле, и мальчишки, повскакав с мест, разглядывали Императорскую яхту, которая должна была доставить их на базу витязей «РА».

Все пятнадцать мальчишек:

Белозерский Андрей

Беляев Дмитрий

Вайрау Раймар фон

Валишевич Антон

Вихорев Андрей

Вишневский Мариан

Волохов Федор

Ворожеев Андрей

Данич-Горват Мирослав

Залов Данчо

Лютциг Тиудир фон

Макаров Святослав

Немиров Владимир

Сурядов Игорь

Шомберк Яромир

– Не подведите, ребята, – тихо сказал Император. – И возвращайтесь живыми.

4. На палубе – слушать!

– Вот это да! Игорь, смотри! – Андрюшка Ворожеев так пихнул Игоря в бок, что тот скривился. Но ничем не ответил – было не до этого.

Призыв был зряшным. К иллюминаторам шаттла прилипли все пятнадцать лицеистов – расплющивая о стекло носы и даже отпихивая друг друга. Не потому, что не хватало места – просто от волнения, словно место у иллюминатора как-то приближало смотрящего к этому – этому, к чему неуклонно приближался шаттл. И до мальчишек постепенно начинало доходить, что вот это – и для них тоже, они летят туда! Кто-то, окончательно обалдев от счастья, выкрикивал:

– «Разящий»! «Решительный»! «Полтава»! «Грозный»! «Верный»! А вон англосаксы! «Хенгист»! «Вюрсгеорт»! Смотрите, сколько их!

Они смотрели. Они смотрели во все глаза.

Там, где за орбитой Плутона Ближний Космос словно бы обрывается в черную бездну – оттолкнись от Солнца, шаг – и упадешь в ничто, в то ничто, которое так долго когда-то прятало от землян звезды – там, где кончались огни поселений и станций, там – в неправдоподобно четком строю – гигантской, раскинувшейся на несколько десятков километров буквой W – сияли в пустоте походными огнями корпуса множества кораблей. Их было... Игорь попытался сосчитать, хотя точно знал, что их сорок (авианосец, два линкора, четыре крейсера, десять эсминцев и три вспомогательных судна от каждой из Империй) и знал все корабли по именам. Но сейчас просто разбегались глаза. И те проблемы, сомнения и

тревоги, которые – никуда от них не деться – приходили к каждому из мальчишек по ночам, казались смешными и ничтожными перед лицом такого воплощения силы человечества.

Не отлипая от иллюминаторов, мальчишки начинали переглядываться. В глазах у них появлялась смесь гордости и тревоги. Они – пятнадцать юных воинов Русской Империи и пятнадцать летящих сейчас где-то воинов Империи Англо-Саксонской, их ровесников, они лишь маленькое звеньишко в защищающей Землю кольчуге. Вот она, сияющая и грозная броня человечества. Ее мощь наглядна и неоспорима. Там – тысячи людей. Тысячи лучших звездоплывателей, пилотов, ученых, разведчиков, контактеров, инженеров, техников. И многих, многих других – взрослых людей, которые могут и умеют все. Но... но ведь даже крохотного ослабевшего звена достаточно, чтобы вражеское копье вошло в бок, чтобы пробила грудь бойца свистящая стрела... И ведь ждут сейчас где-то – совсем далеко – другие. Ждут, охваченные той же самой страстью, одной мыслью – победить. Победить их, землян. Ждут – такие, как в фильмах, которые показывали на базе «РА» на острове Буян⁷. Ждут – привыкшие давить весом, числом и мощью своих жутких кораблей, грозой своих невыдуманных побед, памятью о непобедимости своих предков, опрокинувших черт-те сколько миров... Ждут.

И они, пятнадцать человек, – они летят. Не на экскурсию. Даже не на соревнования. Они летят в бой. На равных со взрослыми. Как в годы Той Войны.

* * *

А если... если я...

Дальше не думалось. Дальше не хотелось думать. Игорь, глядя, как из подплывающего борта линкора «Полтава», окутываясь облачками вымерзающего воздуха, выпрыгивают гибкие щупальца захватов, решил – не за других, за себя и только за себя: «Ну что ж. Если я чего-то не смогу – лучше пусть умру, попытаюсь смочь. И все».

И пришло спокойствие.

Шатлл медленно, в полной тишине, потеряв собственный ход, плыл, подчиняясь захватам, к открывающемуся створу ангарной палубы линкора – сравнительно с кораблем – небольшой совсем. Наверху нависал, делаясь огромным, острый нос ходовой рубки. Почти физически ощущались взгляды – оттуда, сверху, из-за толстых плит прозрачной брони – там взрослые люди, офицеры, смотрели на шатлл, хорошо зная, кто на нем летит. А мальчишки не спешили рассаживаться по креслам, хотя этого и требовала посадочная инструкция. И не смотрели друг на друга. За два месяца они отлично изучили и лица, и привычки своих товарищей – пятнадцати лучших дворян-лицеистов в возрасте 13 – 14 лет, которых выбрала Русская Империя. Им не требовалось глядеть друг другу в лицо или что-то говорить – мысли и чувства читались и так, читались, как крупный текст на белом листе.

– Парни, – сказал, берясь обеими руками за спинку кресла, Яромир. На него посмотрели разом все. – Парни, давайте... только – не вслух. Не надо трепать слова. Давайте каждый... сам про себя. Ну, вы понимаете. Скажем – и сделаем, как сказали.

И чуть наклонил голову.

Они понимали. Все понимали...

Игорь не пытался прочесть мысли или хотя бы чувства остальных. Зачем, и так ясно. Он не знал точно, что именно сейчас они повторяют про себя. Но был уверен – смысл сказанного в тишине такой же, как у него. А он всего лишь повторил кусочек из Клятвы Огня – слова, которые говорят вслух один раз в жизни, но помнят всю жизнь. Короткую или длинную – не важно.

...и когда прах мой станет пламенем, каким была при жизни моя душа – пусть даже враги мои не смогут найти недоброго слова о том, как я жил – если есть у них хоть капля

⁷ В нашей пространственно-временной реальности – о. Рюген.

чести. Так я сказал, так я поклялся, так буду жить я – я, Игорь сын Викторов Сурядовых рода, русский дворянин и слуга народа русского, плоть от плоти, кровь от крови, дыхание от дыхания...

Игорь сел в кресло и прикрыл глаза. Ему вспоминалось сейчас удивление, охватившее их всех на базе «РА», когда им полностью – обстоятельно и подробно – объяснили предстоящую миссию. Игорь знал, что в последнее десятилетие космические просторы стали доступны как никогда ранее. Между Империями установился пусть хрупкий, но мир – и они бросили все силы на открытие новых космических маршрутов, что превратило Галактику в рай для исследователей и колонизаторов. Чуть ли не ежедневно у границ изученного пространства открывались новые планеты, непокоренные миры ждали своих первопроходцев. Все Империи поощряли и поддерживали частные компании, которые занимались освоением недавно открытых планет. Рост темпов экспансии позволял Империям расширяться, а исследователям давал приличный доход. Эти компании получали от своих правительств самые широкие полномочия, военную и финансовую поддержку – и, в свою очередь, головой отвечали за успешную реализацию своих амбициозных проектов. Несколько таких частных компаний создало и правительство Йэнно Мьюри. Они работали успешно и стали очень известны – их именами были названы открытые ими планеты и даже целые звездные системы, которыми они фактически управляли. Станный мир... но это была гонка за лучшее будущее, и в ней участвовали все.

Удивление, восторг, нетерпение – естественные чувства любого мальчишки, которому предложили увидеть новое и испытать свои силы. Поэтому на предложение подумать и упоминание возможности отказаться последовала лишь изумленная тишина, нарушенная парой тихих «пфы...». Потом были два месяца тренировок. В общем-то не таких уж сложных и тяжелых, ребята, привыкшие к нешуточным лицейским нагрузкам, быстро приспособились к новым требованиям. Скорей удивляли немалые массивы открывавшейся им новой информации. Оказывается, человечество знало и умело несколько больше того, что было общеизвестно.

Их навещал Император. Не то чтобы каждый день, но раз десять за эти месяцы прилетал. Именно он объяснил, что надо будет сказать родителям и друзьям – да фактически правду, умолчав лишь о парочке нюансов, вроде вполне реальной опасности не вернуться. Велина Целимировна выслушала сына с каменным лицом, но в глазах ее Игорь различил зажегшийся огонек гордости и азарта...

... – На выход, давайте на выход! – окликнули мальчишек из отъехавшей в сторону двери пилотской кабины.

* * *

Форма лицеев, в которых учились ребята, была оставлена еще на Земле. Мальчишки переоделись в армейскую парадную форму Русской Империи. В обычных условиях любой из них скорей сдох бы, чем отказался от ношения лицейского обмундирования на мероприятии такого ранга – но условия были не обычные, и это понимали все.

Лететь предстояло на линкоре, поэтому вес личных вещей был строго лимитирован. Эта традиция сохранилась еще с давних времен и, видимо, торчала в инструкциях неизменной, всеми забытой и уже просто никому не интересной – впрочем, Игорь немало посмеялся вместе с другими ребятами, читая про «не более 25 кг личных вещей на человека». Их «личные вещи» были представлены в основном комбрасами, редко у кого имелось что-то иное, хотя гитары взяли аж трое. И конечно, каждый таскал объемистую сумку с вещами «неличными». Но это подпадало под раздел «предметы служебного пользования» и не лимитировалось.

Конечно, каждый из них бывал – и не по разу – на борту военных кораблей, и все хорошо представляли себе жилые места для временных пассажиров. Это просто помещение – не важно, большое или маленькое, – по обе стороны которого (а иногда еще и в середине

двойной полосой) идут нары, разделенные бортиками, в головах у каждого нары – шкафчик для вещей и лампа направленного света, в ногах – откидная скамейка, рядом с входной дверью – визитер и другая необходимая аппаратура, в торцевой стене – входы в тесноватые души и туалет – вот и все. На линкорах, правда, не доводилось быть еще никому (кроме музея на земной орбите – линкора «Отвага» времен Первой Галактической Войны – но это и был именно музей). Мальчишки удивились, узнав, что за ними зарезервированы каюты офицеров-стажеров на центральной жилой палубе: небольшие, конечно, зато каждая с душем и туалетом, с визитером и удобным столом. Без иллюминатора – но какие иллюминаторы в жилых помещениях военного корабля? Их тут вообще нигде нет, кроме рубок да обзорной палубы... Даже в предоставленном ребятам для отдыха и тренировок зале не было и намека на настоящий иллюминатор – только обычное голографическое окно, позволявшее, однако, моделировать пейзажи на любом уровне реальности, доступном земной науке и технике.

Правда, зал этот Игорь увидел потом. Он еле успел снять полетный комбинезон, тщательно осмотреть и как следует оправить форму – ведущий группы, полковник Андрей Данилович Макаров, появился с визитом на экране и коротко приказал собраться всей группе в стыковочном модуле. Игорь отсалютовал, громко ответил «есть!»... и как раз в этот момент ощутил короткий, но мощный толчок – линкор с кем-то состыковался всем корпусом.

Расположение стыковочной палубы Игорь знал наизусть, как и лифтовых шахт, ведущих к ней. Обычно звездолетчики боевых частей живут рядом со своими боевыми позициями, давно нет такого понятия, как «единая жилая палуба», жилые помещения самым причудливым образом перемежаются со служебными постами – по тревоге не побежишь четверть километра и, как бы совершенны ни были лифты, в один миг не взлетишь (или не спустишься) на высоту двадцатипятиэтажного дома. Да и от борта к борту линкор не один десяток метров... (Во флоте ходили анекдоты про офицеров, которые служили по пять лет, но не знали в лицо капитана корабля, или про матросов, которые ухитрились дезертировать, не покидая пределов своего судна; про то, что на некоторых кораблях, склонных к гигантомании джаго, о начале Первой Галактической узнали через месяц после того, как корабль вступил в бой – от усталых путников из других отсеков...) Но про пассажиров, конечно, никто особо не думал, и стыковочный модуль – здоровенное выдвижное помещение, похожее на ангар (да и служившее в этой роли сплошь и рядом), был далеко, пришлось добираться вместе с остальными – молчащими и изо всех сил делающими вид, что ничего не происходит, – мальчишками довольно долго...

На самом деле каждый из них ощущал – как и в тот день возле «Уголка жизни», – что сейчас произойдет нечто очень и очень важное. Будет пройдена еще какая-то веха на пути – пути еще даже не к цели, пути к тому Полю Чести, на котором и развернется борьба за эту цель. Нет – Цель.

И они не ошиблись...

Две застывшие в десяти шагах друг против друга шеренги лицеистов были похожи полной неподвижностью и неправдоподобной четкостью – казалось, какой-то мальчишка тщательно расставил своих солдатиков на полу большой комнаты. Зелено-черно-красная шеренга русских – красно-сине-золотисто-белая шеренга англосаксов. Из-под козырьков форсисто примятых «на центр» русских фуражек-«макаровок» и переднего края надетых косо к правой брови английских пилоток-глэнгэри смотрели бесстрастные мальчишеские лица – в общем-то похожие. Хотя «подкладка» русых волос, пухлых губ и курносых носопырок с одной – и каштановых волос да резких подбородков с другой стороны указывала достаточно четко, кто есть где даже без формы.

Над шеренгами тяжело обвисали расправленные парадными складками большие флаги военно-космических сил. Справа – черный с Андреевским золотом русский. Слева – темно-синий с серебряной восьмиконечной звездой и Юнион Джеком в крыже англосаксонский. В складках одинаково таилась суровая темнота.

Звуки марша грянули из невидимых динамиков неожиданно – но не от этой

неожиданности по шеренгам прошло еле уловимое шевеление. Это был не «О, Россия!» и не «Правь, Британия!». Палубу заполнили звуки «Песни землян». Ее пели в обеих империях, но никогда – вместе.

Никогда – с поры Первой Галактической.

– Смирно! На палубе – слушать!

– Смирно! На палубе – слушать!

Адмиралов было двое. Оба командующих эскадрами человечества, отправленными на Йенно Мьюри. Черно-золото-белый русский, сине-золото-белый англосакс – сияли эполеты, ремни и перевязи тяжелых палашей. Пройдя со вскинутыми к фуражкам ладонями в белых перчатках между шеренгами лицеистов, они синхронно развернулись каждый под своим флагом.

Музыка смолкла.

– Вольно, – не скомандовал, просто сказал, русский.

– Вольно, – повторил англосакс.

Оба строя коротко пошевелились: почти неуловимо – расслабившие одно колено русские, синхронно и ясно – заложившие руки за спину и расставившие ноги англосаксы. Адмиралов – и своего и чужого – знали в строю все, хотя далеко не все собирались связать близкое уже будущее с космосом. Если только это было возможно – жить на Земле и не быть связанным с Космосом...

– Ребята, – почти по-домашнему сказал русский. Говорил он тоже по-русски. – Русские, англичане... все, кто сейчас тут стоит. Я видел, вы все были удивлены, когда услышали нашу песню. Я говорю – нашу, потому что она наша. Всех землян. И за последние два века она ни разу не звучала вот так – для всех... Все вы знаете, зачем мы летим на Йэнно Мьюри. Мы летим, ребята. Не англичане, не русские. Мы летим. Земляне. Мы собрали вас здесь, чтобы сказать то, что вы все, надеюсь, и так понимаете. Космос велик и равнодушен к слабым. Мы летим туда доказывать, что мы сильны. Так получилось, что нашим народам есть в чем обвинять друг друга... Но теперь представьте, с каким удовольствием вцепятся в нашу слабость наши враги. Как будут разочарованы друзья. Как будут испуганы те, кто за щитом Земли нашел себе спасение от хищников со злым и мощным разумом – все вы знаете этих хищников в лицо и по именам... – Адмирал перевел дыхание. – Мы летим туда воевать. Это будет особая война. Война без объявления, война с улыбками и рукопожатиями, со словами о мире и разуме. Но в ней любой из нас может погибнуть. И проигрыш на ее полях будет, пожалуй, страшнее проигрыша в схватке космических эскадр. Так пусть же не будет меж нами розни! – Он медленно вытянул из ножен златоустовский палаш и, держа его на руках, как ребенка, четко повернулся к англосаксу. – Я, флота русского воинского адмирал и Империи Русской дворянин Ознобишин Виктор Егорович, на этом клинке честью своей клянусь, что не изменю ни в мыслях, ни в делах матери нашей – Земле! И в том присягаю и вручаю клинок и присягу брату моему...

Среди лицеистов побежал изумленный шепот – англосакс потянул из ножен шеффилдский клинок... Почти такой же, как у русского, тяжелый и прямой, только увенчанный головой льва, а не медведя...

Игорь встретился взглядом со стоящим чуть наискось слева англосаксом. Мальчишки как сцепились взглядами. И родилось тихое-тихое касание, при котором не важно – знаешь ты язык или нет, потому что все на свете воины думают и понимают одинаково...

«Ну?»

«А ты?»

«Ага, и я».

«Идешь?»

«Иду!»...

Мальчишки шагнули друг другу навстречу одновременно, доставая из прилегающих к бедру парадных ножен ножи – Игорь свою полевку, англичанин – длинный обоюдоострый дирк. И голоса их зазвучали синхронно... и тут же утонули в голосах других ребят...

5. Поле чести

Ох, как же Игорю не хотелось вставать этим утром...

Вчера вся флотилия праздновала День Жатвы⁸. Мальчишки были от восторга – когда еще увидишь, как капитан линкора копает картошку?! Вообще, конечно, старшему в семье полагалось в этот день жать, но хлеб любого вида отказывался расти при искусственном освещении, как ни изощрялись ученые; картошка оказалась не столь требовательной. А уж что при этом распевали мичмана – это было не для женских ушей. Впрочем, на корабле женщин в экипаже не было, поэтому пассажиров ритуально загнали в спешно переоборудованный под гумно отсек для хранения образцов, где вся эта толпа гулко митинговала – вопреки, кстати, правилам, предписывавшим сидеть тихо, чтобы не разгневать ревнивых полевых летуний. Концерт, как и все самодеятельные концерты, тоже был полон бурного энтузиазма. Но и утро вспоминалось, и слова того же капитана – вечные слова про силу золотых колосьев и веру в животворящую Мать-Землю. Игорь знал эти слова наизусть, и все равно они каждый раз его волновали. И он видел, что и всех вокруг они волнуют, даже тех, кто прожил на свете уже много десятилетий и видел не один такой день. Да и как не волноваться – если именно День Жатвы приобрел почти религиозный (насколько это было применимо к землянам) оттенок – после Безвременья с его, казалось, навечно умершей природой – некогда такой прекрасной? Ее возрождение для землян было практически мистическим...

* * *

Вот только загулялись они, конечно. К «вечеру» полковник Макаров начал, ругаясь, вылавливать хохочущих лицеистов в самых разных местах корабля при помощи наряда из экипажа. Это так всегда бывает под конец Дня Жатвы – немного дураковатое веселье. Именно оно заставило Даньку Залова и Марьку Вишневого залезть в вентиляционную систему, ползать там и выть задыхающимися от смеха голосами... Их отловили последними и притащили в каюты в завязанных мешках, из которых торчали только головы. Развязывать мешки Андрей Данилович мстительно отказался.

Игорь улыбнулся в темноте, перевернулся на бок и испытал сильнейшее желание поспать еще – тем более что общей побудки, скорей всего, не будет. Это уже освоившийся организм поднял его в обычное время. Но потом мальчишка вспомнил, что они уже вышли из гиперпространства, а на саму Йэнно Мьюри прилетают завтра.

Завтра!!! Игорь сел, пробормотал ругательство. Хлопнул в ладоши, зажигая свет, – в таких помещениях, где постоянных хозяев не было, почти никогда не настраивали голосовые системы. На столе лежал так и не отключенный со вчера комбрас, в воздухе плавали строчки лекционного материала – Игорь вчитался:

Калмы:

Представители этой примитивной расы были завоеваны тысячу лет тому назад империей Сторкад. По сравнению с большинством других поработанных Империей рас калмы адаптировались в обществе сторков намного лучше, и сегодня лишь незначительная их часть все еще находится в рабстве. Большинство калмов торговцы и ростовщики – эти занятия, к которым сторки исторически относятся с неодобрением и презрением, все-таки крайне необходимы для их общества. Единственный открытый для калмов путь в

⁸ 25 августа – в Русской Империи – символический день начала уборки урожая. Праздник в своем начале очень торжественный и даже суровый, но уже с середины дня, как правило, переходящий в полумаскарад. У англосаксов ему соответствует Сайклз Ринг.

продвижении по нелегкой социальной лестнице Сторкада – накопление огромного богатства, которое хотя и не дает им особых прав, но по крайней мере заставляет считаться с собой как с грязной, но неотъемлемой частью «механизма». Поэтому для большинства калмов главным является получение выгоды. Для них самое важное в жизни – заботиться о себе и о своей собственности. В то же время скупыми назвать их нельзя.

Мужчины: пронырливы, хитры и нещепетильны. Они не очень любопытны, стремятся в жизни к стабильности и любят чувствовать себя в безопасности (старая поговорка сторков: «Ну, это калмский воин!» – означает что-то невероятное, небывалое и невстречающееся).

Женщины: обладают соблазнительными и очаровательными манерами поведения. Несмотря на их кроткий нрав, женщины калмов так же проворны и хитры, как и мужчины их народа...

Игорь тычком пальца отключил комбрас, переместился на пол и занялся гимнастикой, поглядывая на экран над дверью.

Нет, похоже, что сегодня их и правда не станут будить. Захотелось снова прилечь – да что ж такое, он и проспал-то всего три часа! Но Игорь напомнил себе, что от такого недосыпа еще никто не умер, а вот отсутствие побудки может быть просто-напросто провокацией: ну-ка, кто там решил заняться накоплением жировых отложений? Отмечаем галочками и вечером даем им вместо свободного времени свободный выбор – заниматься рукопашным боем или силовой гимнастикой.

На фиг-на фиг, не фиг-не фиг. Ищите ленивых добровольцев в других местах, а тут живет очень собранный и энергичный молодой человек.

Мальчишка от души скорчил рожу отражению в зеркале – металлическом полированном листе на двери...

Игорь уже принял душ и влезал в спортивный костюм, когда в дверь постучали и голос Яромира заинтересовался:

– Спишь?

– Заходи, – стоя на одной ноге, Игорь затыкнул захлест кеда.

Дверь Яромир открыл, но внутрь не полез, спросил из коридора:

– Завтракать идешь?

– Иду. – Игорь переступил порог и тряхнул руку Яромира. С чехом за две недели полета они сдружились крепко. Яромир был большим специалистом по экономике иных миров и обладал инстинктами саблезубого енота с Закатной – то есть рассматривал все новое в пределах досягаемости как потенциальную добычу для пытливого ума и крепких лап и зубов. Но если енот приспособливал добытое исключительно в желудок, Яромир был озабочен благом Русской Империи. Личность совершенно неромантическая по меркам начала III века Г.Э., чех хорошо дополнял Игоря, чья русская душа требовала широты и размаха, из-за чего полковник намекал уже, что при подлете к цели их просто сбросят на поверхность как идеальную диверсионную группу – и мьюри головная боль, и Земле какое-никакое, а облегчение... Яромир промолчал, а Игорь не удержался и спросил, дадут ли им скафандры, или все будет как обычно, в результате чего провел целый час личного времени за чисткой этих самых скафандров дезинфектантами. Провел бы и больше, но после десяти минут одиночества на помощь его паре рук явились еще четырнадцать, а к концу работы прибежал дежурный офицер отсека – узнать, что случилось в «раздевалке» и откуда такие дикие звуки? На самом деле это всего лишь Антошка Валишевич показывал, как ревет дюнный рогач с его родной Нова-Гоби... Кто же был виноват, что он ревет так громко и – прямо скажем – довольно противно?

...В столовой отсека кроме них никого не было. Из людей. За столиком у экрана сидели и чинно ели двое офицеров-нэрионов, стажировавшихся у артиллеристов линкора. За воротники их мундиров с пышными эполетами были аккуратно заткнуты салфетки. У Игоря всплыли в голове строчки из повторенного как раз позавчера вечером материала.

Нэрионы

Вот уже два века союзники землян в каждой войне, трехпалые нэрионы ловки, трудолюбивы и очень ответственные. Из-за полного соответствия темпераменту землян нэрионы часто добиваются руководящих постов как в администрации, так и в военном деле. Очень неохотно воевавшие против Земли в годы П.Г.В. даже в моменты наибольших успехов ее врагов, нэрионы массово благодарны землянам за спасение своих планет, которые Чужие собирались «покарать за предательство» (еще до официального перехода Нэриана на сторону Земли вместе с землянами против Чужих активно сражалось несколько сот тысяч нэрианов – бывших военнопленных, откровенных перебежчиков, жителей колоний)...

Мужчины: обычно высокого роста, подтянуты, с лисьими чертами лица и подвижными чуткими ушами. Отличаются безупречными манерами и сдержанностью в общении.

Женщины: опрятны и уравновешенны, обладают мрачным юмором и трезвым взглядом на жизнь.

Впрочем, о нэрионах он и так знал немало, и не сухих строк пособия – он переписывался с двумя братьями, с которыми познакомился два года назад в пионерском лагере на Океаниде. Правда, Ю-Ас-Су и Та-Ас-Су родились и жили не на Нэриане, а на Атодаке, одной из колоний нэрионов, и в их метрополии не были ни разу. Страстные любители охоты, не обладавшие даже зачатками чего-то хотя бы отдаленно похожего на страх, нэрионы были помешаны вдобавок и на аквастрое, который, к удивлению Игоря, находился на очень богатом водой Атодаке в рудиментарно-смешном состоянии – на этой почве они и сошлись с Игорем и первоначально под его руководством просто разрабатывали проект подводного спорткомплекса. Потом выяснилось, что оба нэриона – на самом деле пионеры (на Нэриане уже давно то тут то там появлялись пионерские отряды), а не просто отдыхают в пионерлагере, потом было приключение во время похода – в подводных лесах на Рогах Дьявола...

– Ты чего застыл, садись, выбирай, – дернул Яромир Игоря и сунул карточку меню.

– Угу, выбор обалденный, – буркнул Игорь, садясь. – У тебя знакомые нэрионы есть?

– У отца сослуживцы, – ответил Яромир. – Неинтересные они какие-то. Сами не знают чего хотят.

– Зато ты очень интересный, – оскорбился за нэрионов Игорь и в знак протеста выбрал тушеную капусту с сосисками. – Из мешка вылез? – поинтересовался он у вошедшего в столовую Вишневого (Залова не было видно).

Мариан передернул плечами:

– Не напоминай, это было страшно. Темная пустая каюта, я лежу посредине в мешке, совершенно беспомощный, и слышу по углам шорох чудовищ...

– Это у него опять вентиляция барахлила, – услужливо пояснил появившийся следом Андрюшка Ворожеев. Мариан ухитрился посмотреть на Андрея с высоты пятого этажа – Ворожеев изобразил «а мне наплеватеньки!».

– А Даньки так и нет, – отметил Игорь.

– Да был он, – усмехнулся Андрей. – Прибежал, покидал в трюм две нормы и убежал. Ему обещали, что отведут в ходовую рубку, и он почему-то решил, что это экскурсия. Помоему, там просто уборщик понадобился.

– А неплохо бы все-таки в иллюминаторы глянуть, – вздохнул Мариан. – Наверное, Таллар уже близко совсем.

– Газовый гигант, – согласился Яромир. – Должно быть, грандиозное зрелище. Я пробовал экран в зале на внешний обзор перенастроить – глухо, отрубается, и все тут.

– Наверное, чтобы мы не отвлекались от процесса подготовки, – предположил Тиудир, он тоже, видимо, решил позавтракать. – А то будем там дневать и ночевать... Кстати, этот Таллар интереснейшая штука. Первый раз вижу такой фокус: планета – газовый гигант, типа

нашего Джупа, у нее обитаемый спутник, и все это вращается так близко к обычной звезде класса G.

- Этот Таллар – поменьше нашего Джупа, – напомнил Яромир.
- Меньше или нет, а поток излучения в его радиационных поясах, я думаю...
- А не надо думать, возьми и посчитай – ничего особо страшного.
- А вот сейчас и посчитаю...

Игорь рассеянно ковырялся вилкой в капусте, вполуха слушая мгновенно завязавшийся спор и разглядывая лица ребят.

«Может быть, они не ощущают того, что я? О чем они говорят? Спектральный класс... гигант... Они и правда не ощущают того, что там – за броневыми стенками – с бешеной скоростью приближается наше Поле Чести – мое и их? Или они ощущают то же, что и я, а все эти разговоры – просто дежурная маска? А под ней – нетерпение, ожидание, гордость, может быть, даже страх? Просто мы должны быть мужчинами, и мы надели эти маски... Или не только о нас речь, и все – все, все, все! – ощущают то же, что и мы? Но разве это может быть? Кто мы – и кто капитан Жаров, кто – Его Высочество?! Как сложно разобраться... Ощущаю себя персонажем интересного кино. Но разве это кино?! Или так всегда бывает, когда происходит что-то на самом деле важное, на самом деле громадное – человек ощущает себя слишком маленьким, и ему легче, если представить себе, что все это – ненастоящее?»

Перестаньте болтать о каких-то глупостях, – захотелось крикнуть ему, – ну же, хватит! Вы что, правда ничего не понимаете?!»

Он столкнулся взглядом с глазами Андрея. И ощутил, как вздрогнули уголки губ. В глазах Ворожеева были нетерпение, ожидание, гордость...

Только страха – страха там не было.

Ни капли.

* * *

В зале было почти темно, только дежурное освещение над входом горело, да в глубине голографического окна переливались и сплетались в танце серебристые и голубые огненные струи. Макаров, тихонько остановившись, различил своих мальчишек – они сидели кто где, в полной тишине, неподвижные. Слушали, как... кто?.. Димка Беляев, точно – стоя возле стены с заложенными за спину руками, читает стихи. Негромко так, и слова – вспышками в темноте. Как трассирующие пули...

...И поднялись с живыми
Трупы в единый ряд.
Мертвые пальцы сдавили
Верный свой автомат.

Мертвый наводчик ищет
Цель для гранаты своей.
Ужасны бесстрастные лица
Однажды погибших людей!

И вновь из мертвых восставший
Смотрел командир, как враг,
По склону обратно бежавший,
Не мог одолеть свой страх...

Эндорфины, подумал полковник. Он знал много таких случаев и знал конкретно этот случай – древнюю «Оборону Мертвых», когда в одном из пограничных фортов «РА» во

время Серых Войн сражались, не пропуская большую банду людоедов, воины, получившие по три, пять, а то и семь смертельных ран. Все объяснимо. Эндорфины, биоопиаты и прочее.

Он продолжал стоять неподвижно и слушать мальчишеский голос в темноте – четкий, ясный, только самую чуточку дрогнувший на строчках о том, как

...словно в Средневековье,
Чтоб победить до конца,
В ужасе вбили колья
Витязям павшим в сердца...

Эндорфины... да.

Только это не важно сейчас. Вот этим мальчишкам – на хрен не важно. Они и сами все знают – про эндорфины. И те бандиты тоже, наверное, знали.

Вот только каждому трупу витязя они и вправду вбили в сердце осиновый кол. И ни одного не посмели сожрать. И не пошли дальше...

...А в зале было совсем тихо. Совсем-совсем, хотя Димка умолк. Через очень долгую минуту кто-то пошевелился, еще кто-то сказал нарочито-беспечно:

– Кто споет, раз уж вместе сидим?!

– Давайте я, – отозвался Володька Немиров. – Эй, кто там ближе – дайте гитару.

– Держи, – ему перебросили инструмент.

Полковник Макаров прикрыл глаза... Осталась темнота с гаснущими огненными кольцами – и голос мальчишки с бешеным ритмом гитары:

Ветер – опора мне! Падаю в звезды.
Сердце не выдержит? Выдержит воздух!
Память моя – жестокая плеть...
Бойтесь не гибели – бойтесь стерпеть!
Бойтесь не судей – бойтесь не сметь!
Синее небо —
черная смерть...
Синее небо —
черная смерть...
Синее небо —
черная смерть...⁹

Раздался стук – угасающий стук по корпусу гитары.

Полковник оттолкнулся от косяка и ворчливо сказал в темноту:

– Свет включите, ну?

Быстрая беготня, возня, вспыхнуло освещение. На Макарова смотрели пятнадцать мальчишеских лиц, даже чем-то одинаковых. Но за последние два с лишним месяца Андрей Данилович изучил своих подопечных очень и очень хорошо. Не были они одинаковыми. И именно поэтому составляли отлично функционирующий организм с молниеносными реакциями, отличной хваткой и мощным коллективным разумом.

– Так. – Макаров прошел к выдвинувшемуся из стены столику, положил на него оттянувший руку металлический кейс. – Удачно, что я вас тут застал, не надо ни за кем бегать по каютам... Завтра мы прибываем. Готовьтесь вволю погулять по совершенно новой не то что для вас – для всех землян планете.

Оживленное шевеление, шепоток, блестящие глаза.

– Андрей Данилович, разрешите вопрос. – Игорь Сурядов поднял руку. Полковник

⁹ Стихи Элхэ Ниэннах.

кивнул. – Что, вот так просто *пойдем погулять* ? Или это вы, так сказать, фигурально выражаясь?

– Во-первых – да, пойдем, и что в этом плохого – увидеть новую планету? – спокойно ответил полковник. – А во-вторых... конечно – нет. Вы будете гулять под прицелом. На вас будут смотреть, и будьте уверены, если вам приспичит плюнуть в плевательницу – ваш плевок оттуда выскребут и изучат на субатомарном уровне. На вас будут смотреть, смотреть очень внимательно – и совсем не дружелюбно, потому что друзей там у нас нет. *Пока* нет. – Полковник выделил голосом это слово. – Поэтому ваша задача – произвести впечатление. Такое, чтобы оно оказалось посильней любого военного флота на орбите... – Офицер подождал, пока мальчишки переварят сказанное, потом продолжил как ни в чем не бывало: – Это не значит, что вы должны лезть в драки на пустом месте, вызывать на дуэль из-за косого взгляда, как считают кое-где у наших соседей некоторые придурки, знающие земных дворян лишь по скверным местным фильмам. Нет. Но и спускать явных оскорблений тоже нельзя. Негодяй должен получить по заслугам – так, чтобы желающих повторять не нашлось. Только... – Полковник замолчал, и пауза нехорошо затянулась. Мальчишки тоже молча ждали. Игорь ощутил, как где-то в глубине души сгущается напряжение. Это была уже совсем не игра. Даже не соревнование, пусть сколь угодно жесткое и жестокое, на какое они настраивались. Это была... да, это, пожалуй, была и правда – война. – Ребята, вы должны быть очень осторожны, – наконец закончил свою мысль полковник. – Вы просто не представляете себе, что это за общество. Никакой симулятор не может дать точного представления об этом. Уровень преступности на Йэнно Мьюри очень высок. Но, что еще хуже, там хватает психопатов, готовых открыть стрельбу – просто так, в приступе безумия, – швырнуть в толпу бомбу, распылить ядовитый газ или даже сделать кое-что похуже.

– Что значит – хуже? – прямо спросил Игорь. Услышанное не укладывалось у него в голове с точки зрения элементарной логики, считавшей, что все действия человека должны иметь под собой рационально объяснимую и понятную основу – поиск нового, защиту своих... Зачем, например, распылять среди собственных сограждан ядовитый газ? Мальчишка вспомнил, как в прошлом году они бурно обсуждали историю на Сумерле, где один из местных деловых людей, Карев, помог агрессивным туземцам устроить взрыв около школы¹⁰. Все единодушно решили, что Карев был генетически неполноценным, даже странно, как его прозевали до родов...

– Хуже – это, например, использовать вот эту штуку. – Полковник выложил на стол странное устройство – бредовый гибрид гигантского шприца и кустарно сделанной винтовки. Выглядел он омерзительно. – Это ручной метатель кислоты. На Йэнно Мьюри находятся психи, которые поливают прохожих вот из этого – в «знак протеста» или просто для потехи. Поэтому вы должны быть всегда вооружены.

– И нам позволят везде ходить с плазмой? – с сомнением спросил Яромир.

Полковник усмехнулся.

– С армейскими плазмометами, конечно, не позволят – их ношение там запрещено. Запрещено вообще носить оружие – открыто, разумеется. Так что... надеюсь, что пистолеты у всех у вас с собой? – Мальчишки согласно закивали. На Земле не было нужды носить с собой оружие, но пацан без оружия, да еще и лицеист, это не мальчишка, а недоразумение. Совсем недавно они получили право иметь собственное оружие в постоянном владении и, согласно традиции дворянства, закупили каждый тот образец, какой хотел.

– Хорошо. Не расставайтесь с ними. Нигде. Никогда. Кроме того, я бы посоветовал вам носить виброножи.

Игорь поморщился. Он не любил этого оружия – да и мало кто его любил. На вид вибронож мало чем отличался от обычного, но в его рукоятке скрывался генератор ультразвука, заставлявший лезвие вибрировать с невероятной быстротой. Такой клинок без

¹⁰ См. : Верещагин Олег. Новая родина. СПб.: Лениздат, 2010.

особого нажима разрезал надвое шестидюймовый сосновый брус, а любого живого противника буквально разваливал. Виброножи не любили отчасти поэтому – эффект их применения был слишком уж... грязен – но в основном потому, что генераторы ультразвука могли отказать или исчерпать заряд, а без них любой, привыкший рассчитывать лишь на проникающую мощь виброножа, становился практически беспомощным. Дворяне изучали вибронож, но лишь по обязанности.

Андрей Данилович обвел взглядом хмурые лица мальчишек.

– Ребята, вам действительно лучше взять виброножи. На Йэнно Мьюри это любимое оружие всякого рода отребья, и если вы считаете, что использовать против них такое же оружие бесчестно, то вы ошибаетесь. Урок должен быть ясен и нагляден. Возьмете пластунскую модель на складе.

Он вновь внимательно оглядел мальчишек. На сей раз возражений не было – серьезностью момента прониклись все.

– Хорошо, теперь пойдем дальше. – Полковник вывалил на стол связку браслетов, как две капли воды похожих на обычные комбрасы последней модели.

– Вы замените свои браслеты вот этими. Вы с ними уже знакомились, и знаете, что в них... м... особая начинка. На Йэнно Мьюри это будет совершенно нелишне. Кроме того, в них установлены датчики жизнедеятельности. Постоянный сигнал с них поступает непосредственно на флагман. Пока браслеты на вас, мы будем видеть, где вы и что с вами. Снимать их не рекомендуется. Так мне сказали на Земле, но вы можете считать это прямым запретом.

– Но... – попытался возразить кто-то.

– Никаких «но»! – отрезал полковник. – Вас могут попытаться убить. Или похитить. А Русская Империя не вступает в переговоры с бандитами. Нигде и никогда. Понятно?

– Но нас-то зачем похищать? – удивился Андрей. – Ну что мы такого знаем?

– Вы знаете уже достаточно много, – отрезал полковник. – И если вы думаете, что вас там, в плену, ждут только пытки, то вы ошибаетесь. У мьюри есть машины для считывания памяти – таких мы не используем даже для работы с пленными, потому что рост некротического поля Вселенной при некоторых... ммм... действиях разумных – не шутка, вы сами это знаете. Попутно они разрушают мозг – после первого же «сеанса» вы умрете или превратитесь в клинических идиотов. Но мьюри получают почти все, что вы знаете, а такого допускать нельзя, – полковник обвел взглядом притихших мальчишек.

– Кроме того, очень многие там не откажутся купить землянина-раба. Да, рабовладение на Йэнно Мьюри запрещено, но лишь для тех, у кого нет на это денег. Или для тех, у кого есть совесть. А совесть и деньги в этом мире сочетаются плохо. Не то чтобы совсем не бывает такого сочетания, но бывает достаточно редко.

Эта новость вызвала возмущенный шум. Смысл его сводился к тому, что пытаться превратить землянина, да еще русского, в раба – занятие безнадежное и крайне вредное для здоровья неумного оптимиста-рабовладельца. Больше всех шумел Раймар, и сидевший рядом Игорь шепотом уточнил:

– Ты чего разорался? Ты же немец. Может, на вас там и спрос-то нулевой.

– Я за компанию, – пожал плечами фон Вайрау.

– Я не сказал, что вас сделают рабами, – с нажимом повторил между тем полковник. – Но могут попытаться сделать – и, поверьте мне, у мьюри есть крайне мерзкие способы... дрессировки. Конечно, вас будут вытаскивать до последней возможности – до конца, – но лучше не испытывать свою стойкость таким вот образом. Очень легко говорить, что оружие не делает человека свободным, что силы духа достаточно, чтобы не стать рабом, но такие вот болтуны никогда не бывали в застенках, они не знают и тысячной доли способов, которыми человека можно превратить в скота. Так что мой совет прост: не попадайтесь!

– Пусть попробуют только меня похитить, – нехорошо усмехнулся Яромир. – Я их мигом провожу.... в верхнюю тундру.

По мальчишкам легкой искрой пробежал злой и веселый смех:

– В места доброй охоты!

– Ага, точно!

– Может быть, и проводишь. – Полковник внимательно посмотрел на мальчишку. – А может, и нет. – Он выложил на стол еще один предмет – пластмассовый, похожий на игрушку пистолет – даже без дула на конце корбочатого ствола.

– Это микроволновый мазер, или тазер, как их называют на Йэнно Мьюри. То, что вы видите, – это армейская модель очень высокой мощности – зона поражения достигает пятидесяти метров, а на дальности меньше десяти метров выстрел из такого оружия может причинить ожоги второй и третьей степени и даже смерть. Батареи хватает на десять выстрелов, а заряжать ее можно от любой энергетической сети – с помощью не слишком сложного устройства. Ношение такого оружия на Йэнно Мьюри категорически запрещено, если кто-то пустит его в ход – полиция может просто застрелить его на месте. Тем не менее эта милая игрушка часто попадает там в руки маньяков и психопатов. Так что, если вы видите, как в вас целятся из такой вот штуки, стреляйте сразу, не раздумывая. Тазер оглушает всего на несколько минут, но этого вполне хватит, чтобы утащить вас в место, выбраться из которого вы уже не сможете. И вряд ли кто-то из окружающих вступится, если они и будут, эти окружающие. Это понятно?

Мальчишки молчали. Понятно было всем, да и давно, еще на Буяне, а полковник сейчас лишь повторял некоторые новые детали, но вот поверить в то, что такое общество существует, было трудно. Почти невозможно. Игорь вспомнил, как удивлялся на вводных, что не может в моделированной «толпе мьюри» ментально определить источники угрозы. Мысли окружающих были хаотичны, желания, симпатии и антипатии – неопределенны; возникало ощущение, что причиной для неадекватных действий любого против любого в этой толпе может быть просто косо брошенный взгляд, неосторожно заданный вопрос или какая-то нитка на твоей одежде. Нет, полковник был прав – если в такой ситуации кто-то решит пальнуть в тебя, то рассчитывать можно только на свои глаза и уши, намерений не проследишь толком. А глаза и уши тоже несовершенны, особенно если вокруг масса народу...

– Надеюсь, вы понимаете, что вам не следует гулять там в одиночку, – продолжил полковник. – Как минимум парами, а лучше втроем. Да, вот еще... – Андрей Данилович выложил на стол цилиндр из молочно-белого полиэтилена. Полковник надорвал один из торцов, на стол увесисто вывалились, маслянисто поблескивая, золотые монеты. Мальчишки зашевелились, подались ближе. Это оказались не русские червонцы и не английские соверены. Монеты были побольше, на одной стороне отчеканен номинал – не слишком большой для такой монеты, надо сказать, на другой – претенциозный герб Йэнно Мьюри: стилизованная спираль Галактики.

– Это энге, – пояснил Макаров. – Мьюри намного меньше ценят золото, чем мы, потому что добывают они его гораздо больше. Поэтому золотыми монетами они пользуются в обиходе, и в определенной степени это считается шиком. Каждый из вас получит сотню таких монет. Это немало даже по меркам Йэнно Мьюри. Возможность погулять по планете и посмотреть ее у вас, как я уже сказал, будет, и было бы неправильно отпускать вас без денег... Конечно, стандартные кредитные карты вы получите тоже, – добавил полковник. – И на них сумма будет еще солиднее. Надеюсь, вы понимаете, что праздной прогулки у вас не выйдет. Это совершенно новый для нас мир – и нам важно все, каждая мелочь, даже совершенно незначительная, на наш взгляд. Образцы техники, оружия, произведения искусства – они очень нужны нам, чтобы понять мьюри. Одним словом – все, что покажется вам интересным. Экономить не надо – Империя покроет любые расходы, – но и транжирить тоже, потому что эти деньги заработаны не вами, и они должны быть потрачены с пользой. Ну вот, пожалуй, и все. – Полковник тяжело вздохнул и... вдруг улыбнулся: – А теперь спой еще, Володя... Доставай гитару, доставай, я все одно видел, как ты ее под диван пихнул...

...Ничего не отвечай,

Придорожная трава,
Да сплошная кутерьма
Необъезженных дорог.
Отцветает иван-чай, —
И зовет меня тропа.
Город мой – моя тюрьма,
Но закончился мой срок.
Ничего не говори,
Я такой же, как и был.
Только ветер в голове
Поседел да приутих.
Лучше чаю завари,
Чтобы не было беды,
Чтоб разбойник-соловей
Свистом не будил шутих.
Разведи меня, печаль,
На веселое словцо!
Пусть оно себе летит,
Как оброненный кремь.
Облетает иван-чай.
Запотевшее лицо
Обдувает, холодит
Ветер новых перемен.
Облетает иван-чай.
Запотевшее лицо
Обдувает, холодит
Ветер странных перемен¹¹.

6. Чужой и чуждый

Йэнно Мьюри. Планета-столица Федерации, объединившей шесть сотен миров. Цель самого дальнего в истории Земли полета.

Когда Андрюшка Ворожеев ворвался в каюту Игоря, глаза у него были совершенно сумасшедшие, и Игорь невольно подумал, что же могло так поразить его обычно спокойного товарища? Теперь же, выбравшись на наконец-то открытую для них смотровую палубу, он сам ошалело замер. Ему даже захотелось удивленно приоткрыть рот, но это намерение он благополучно подавил.

Йэнно Мьюри заполняла полнеба – уже лишь чуть выпуклая, голубовато-белая равнина, почти сплошь покрытая идущими смешной рябью полями облаков – под ними едва угадывались смутные очертания морей и континентов. Над ней парила невыразимо громадная, выпуклая, желто-красная сфера Таллара – газового гиганта, вокруг которого вращалась Йэнно Мьюри, опоясанная по экватору текучими, словно бы жидкими, вихрями. Над ними, волоча по тучам черное пятно тени, медленно плыла Утта Мьюри – безжизненная, с геометрически четким узором пятен и яркими белыми искрами автоматических заводов, рассыпанных по ним.

Картина была слишком яркая – словно бы из приключенческого стерео, да еще и видимая как будто сквозь цветные стекла. Но это были естественные цвета трех планет – и только фон для...

¹¹ Стихи А. Земскова.

Первым впечатлением Игоря было: хаос. Движение возле Земли тоже оживленное, но тут...

Космос буквально кишел кораблями – крохотные, побольше, просто громадные, похожие на футуристические небоскребы, сверкающие золотом гигантские безделушки, напоминавшие каких-то зеленоватых глубоководных гадов, насекомых, поделки из детского конструктора – и немалая их часть была Игорю просто незнакома, а ведь невеждой в ксенологии он отнюдь не был.

Сновали сверкающие мигалками полицейские катера – они агрессивно, едва ли не идя на таран, отгоняли стаи разноцветных, попугайски-пестрых корабликов, вероятно частных яхт, которые не менее настырно лезли вперед, стараясь поближе подобраться к гостям. За всем этим скопищем висел громадный, похожий на небольшую луну терминал, за ним, вдали – еще один, такой же, и еще к ним и обратно неторопливо плыли громадные, как горы, контейнеро- и рудовозы, истинная основа мощи Йэнно Мьюри – сюда свозилось самое ценное сырье с шестисот подвластных мьюри лун, отсюда едва ли не по всей Галактике развозились сделанные из него товары. Между терминалами и планетой сплошным потоком текли тяжелые гравибаржи и челноки – Игорь не представлял, как вся эта толчея обходится без аварий.

Большей части прибывших на Ярмарку кораблей не хватило места в доках, и они, словно настоящая туча, висели вокруг терминала – корабли десятков рас, с большей частью которых земляне еще никогда не встречались – о них слышали лишь высокочеловеческие специалисты-ксенологи, а о многих не слышал еще никто.

Игорь узнал похожие на короткие стрелы корабли скиуттов, тяжеловесные, словно сбитые из коробок, дредноуты нэйкельцев, невероятные зеркальные пузыри рейдеров дайрисов, а несколько в стороне висели девять узких, с продольными ребрами, пирамид, огромных, как мьюрские супердредноуты, тоже зеркальных, но они отливали не серебром и даже не ртутью, а мрачным, жутковатым блеском расплавленного свинца – закованные в нейтрид корабли аниу, гостей из Верхнего Края – они прибывали сюда только раз в десять лет, привозя гравиприводы, которые нельзя было сделать здесь, в Нижнем Крае, и забирая в оплату миллиарды тонн редкоземельных элементов. Ко всем обитателям Нижнего Края, даже к своим предкам-мьюри, аниу относились с непробиваемым презрением. Вокруг их кораблей царила пустота – приближаться к этим чудовищам никому не хотелось, расплата за лишнее любопытство была немедленной и страшной.

От строя аниу отделился... эсминец? Крейсер? Как бы ни называлась эта штукавина, она не уступала в размерах земному крейсеру, только была похожа на фрезу или какой-то жуткий цветок из острых, как бритва, игл и лезвий, такого же мрачного свинцово-зеркального цвета. Окруженный роем похожих на автоматные пули истребителей он, вращаясь, прошел над земной эскадрой воплощением холодной бездушной угрозы. Давящего гула в пустоте слышно не было, но Игорь все равно его слышал. Яхты и полицейские катера брызнули во все стороны, убираясь с его дороги, но мальчишка лишь погрозил кулаком. На миг он сам испугался своей дерзости, но никакой реакции не было, да ее, конечно, и не могло быть.

– Смотри, вон и почетный караул, – подошедший Яромир толкнул Игоря под руку, показывая куда-то вверх.

Мальчишка перевел взгляд – да, там, над ними, висел флот Йэнно Мьюри – пусть лишь малая его часть, но и она смотрелась весьма впечатляюще: плоские, как ножи, фрегаты, утюги крейсеров, похожие на плоскогорья своей тяжеловесной мощью, ограненные громады супердредноутов, крестовидные призмы ударных авианосцев – все тусклое, матово-черное, выстроенное в безупречном порядке, молчаливо-жуткое. Правду говоря, на почетный караул этот флот походил весьма мало – скорее на брошенный вызов: смотрите, дикари, чем мы будем вас бить! Слишком уж много тут было кораблей, слишком уж угрожающей была сама их форма – даже фрегаты походили на ножи убийц. Не приходилось сомневаться, что канониры пристально наблюдают за гостями и при первых же признаках угрозы затопят

пространство океаном огня.

Игорь вздохнул. Чего греха таить – он завидовал героям Первой Галактической, отразившим натиск древних и могучих рас и построившим Империю. Завидовал – потому что боялся: на его долю уже ничего не достанется, разве что ревниво оберегать построенное предками. А теперь оказалось, что Галактика безмерно велика и что земляне сделали лишь первый шаг по ее меркам. А идти дальше придется ему, Игорю, – ему и его товарищам, и будет это совсем даже непросто. Впрочем, он не боялся – скорее ему хотелось завывать от восторга. Сколько же всего впереди! Ну сколько!!! Нет, зря он жаловался, что ничего уже не осталось на его долю!!!

Мальчишки, стоявшие на смотровой палубе – когда над ними прошел корабль аниу, – обменялись десятком быстрых, холодных реплик на тему: как бить? Неподалеку несколько офицеров переглянулись – без насмешки, с одобрением больших волков, наблюдающих за волчатами, которые задорно обрыкивают валко идущего мимо медведя – погоди, бурый, подрастем – узнаешь, что такое стая, рвущая шерсть со всех сторон!

Игорь сразу ощутил, что на палубе появился полковник, и обернулся, хотя тот ничего и не говорил. Лицо у Макарова было серьезное.

– Все, собирайтесь, ребята, – тихо сказал он. – Мы летим туда.

* * *

К удивлению Игоря, их погрузили в земной штурмовой челнок, входивший в состав бортовой авиации линкора – страшноватый выпуклый клин с короткими, загнутыми книзу крыльями и двумя разваленными в стороны высокими киями. Скрытого под броней оружия вполне хватило бы, чтобы за пару секунд разнести до основания несколько городских кварталов и начисто уничтожить их население. На Земле летать на подобном не доверили бы даже близким союзникам, но тут дела обстояли иначе. Почти все корабли и челноки мьюри, даже торговые, были вооружены – и не воинственности ради, а из сугубой нужды: для защиты от рейдеров корпораций-конкурентов и просто разбойников – таких же мьюри, кстати. В материнской системе подобного не встречалось, нападение на чужой корабль здесь каралось немедленным уничтожением – но в других, дальних, системах стычки, иногда похожие на небольшие войны, не прекращались никогда. Знать о таком было дико.

Игорь попытался представить, что Русская и Англо-Саксонская империи ведут бои за месторождения, например на Марсе... да хоть на самой дальней луне!.. одновременно делая на Земле вид, что ничего не происходит, – и не смог. Ссориться из-за такой мелочи для землян было просто невыносимо – но здесь, похоже, это считалось нормальным. Так что даже тяжеловооруженный челнок в качестве дипломатического транспорта тут никого не удивлял. О своей безопасности местные заботились сами – очень разумно, на взгляд Игоря, но... но вот только каждый в этой заботе тут рассчитывал лишь на себя, а в соседе видел не друга, даже не помощника, но потенциального врага. А вот такое было уже невыносимо, дико для любого землянина...

...Катапульта ангара выстрелила челнок с глухим мощным выдохом. Окон в бронированном корпусе, разумеется, не было – но обзорные экраны с лихвой восполняли их недостаток. Вначале мальчишку ударила по зрачкам пугающая чернота и не менее пугающий свет здешнего солнца. Потом все это отсекали автоматически сработавшие фильтры – и он увидел под собой необозримую, тончайшую вязь облаков и рельефа, занимающую полнеба: Йэнно Мьюри. Это было столь красиво, что на какие-то мгновения мальчишка забыл про все. Потом... нет, конечно, его не колотило от волнения, но вот сердце забилося чаще: чего греха таить, Игорю было страшновато. Не за себя, нет – о таком смешно было даже думать. А вот подвести Империю, оказаться недостойным славы предков, построивших из ничего, из радиоактивных груд рухнувшего мира эту внушающую уважение десяткам рас громадину... вот это было бы попросту непереносимо.

Игорь сосредоточился, стараясь прогнать лишние эмоции – уж этому их в Лицее учили

на совесть, дворянин, не способный в нужный момент совладать со своими чувствами, – это и не дворянин вовсе. К его удивлению, хватило буквально секунды – нет, полностью он не успокоился, это было невозможно, но стал собран и внимателен.

Заработали двигатели – по корпусу прошла волна почти беззвучной вибрации – резко вдавило в сиденье. Ощущение давно стало привычным, но все же сердце на пару секунд замерло, потом забилось как прежде.

Торможение оказалось коротким, потом челнок заскользил вниз, быстро приближаясь к поверхности. Зрелище плывущей под ним, постепенно приближавшейся планеты поглощало все внимание Игоря. Неисчислимые стада облаков, дымчатый блеск морей, темные, почти не зеленые пятна лесов – все это было так красиво, что у мальчишки прямо-таки захватывало дух. Сначала поверхность под ним двигалась почти незаметно, но по мере снижения челнока все быстрее. Теперь Игорь мог оценить скорость, и ему опять стало страшновато. Потом он ощутил упругое сопротивление воздуха – челнок окружило мгновенно уносящееся назад сияние. Оно быстро уплотнилось, сделалось ослепительно-ярким. Челнок затрясло, Игорь вновь вдавило в кресло – на сей раз гораздо резче. Он сжал зубы, пережидая перегрузки, – привык к ним на тренировках, но все равно, приятного тут было мало.

Челнок встряхнуло с негромким хлопком – он прошел звуковой барьер, и изображение прояснилось, открыв простершийся внизу невероятный город. Это был город-монстр, город-страна... да черт побери, пожалуй, даже – город-континент! Узкие пирамиды, конусы, башни его разноцветных зданий пронзали облака, словно горы. Между ними и на их уступах зеленели парки, разделенные сложной сетью улиц, а в воздухе парило невероятное количество разнообразнейших машин. У Игоря просто голова пошла кругом от этого зрелища. Город под ним был невообразимо огромен – его башни поднимались из-за горизонта смутными пиками. Из-за них выплыл берег моря и расположенный на этом берегу космодром.

Снижаясь, челнок заложил над ним круг – один этот космодром был размером с колоссальный город. Большую его часть занимали похожие на каньоны доки – строительные и для тяжелых грузовых барж, ангары, плоские коробки складов... Все это было соединено многоэтажной паутиной дорог. Посадочное поле, правда, тоже было огромное, и при первом же взгляде на него в глазах у Игоря начало рябить от кораблей – большей частью небольших, вероятно частных яхт, но виднелись и корабли гостей. Кое-кто вроде скиуттов не мелочился и сажал их прямо на поверхность, где они возвышались, словно горы среди холмов. Да уж, идиоты, никогда им не стать настоящими звездоплавателями – тут нужно вызывающее зависть мастерство пилотов, но каждая такая выходка дорого обходится аппарату: две подобные взлет-посадки – и меняй двигатели... да и обшивку местами тоже.

Главное поле космодрома окружало несколько меньших, уже для местных транспортных средств, мало похожих на привычные Игорю самолеты. Антигравитация, с которой земная наука пока только билась, у мьюри плотно вошла в быт – и поле космодрома окружали не только посадочные площадки, но и целые парившие в воздухе дворцы размером с городской квартал.

В душе мальчишки шевельнулась зависть, но он тут же подавил ее, напомнив себе, что делать антигравы мьюри так не умеют – им их привозят аниу, грабя и надувая «дорогих хозяев» так, как самим того хочется. А Земля через десяток лет будет иметь свои антигравы – обязательно!!! Никаких сомнений!

Противный внутренний голосок, правда, тут же подсказал, что в «неумении делать» мьюри в целом не виноваты: делать антигравы не позволяла сама физика Нижнего Края, и даже уже готовые могли работать в ней только несколько лет.

Такое вот устройство мира вовсе не казалось мальчишке справедливым, но оно бросало вызов: чтобы стать вровень с сильнейшими, нужно было подниматься вверх, и не только в переносном, но и в самом что ни на есть прямом смысле, ломая вовсе не шуточное сопротивление часто сильнейших врагов. Но аниу, да и многие другие расы успешно прошли его – и Игорь не сомневался, что пройдет и его родная Империя. И он, Игорь Сурядов,

приложит все силы для этого. И разве он один?

Капля за каплей
Растят волну!
Вместе мы, люди, —
Сила! —

вспомнилась ему еще детская песня. Правильная песня.

Игорь усмехнулся, отметив, что мьюри и здесь не забыли о демонстрации своей силы – в воздухе висели фрегаты, а на дальнем краю поля бездушно-угрожающими рядами выстроились сверхтяжелые танки – каждый размером с заводской цех, и было их... было их, прямо скажем, много. Пожалуй, здесь стояло их больше, чем было у Русской Империи вообще. Десять рядов по тридцать или сорок машин в каждом – это впечатляло. Впрочем, толчея воздушного транспорта впечатляла куда больше – казалось, что нет ни формы, ни цвета, которые местные конструкторы не могли бы использовать. И размер у многих парящих штукovin был... впечатляющим – многие из них сами вполне могли бы сойти за немаленькое здание.

В уши впился свист посадочных двигателей – челнок выдвинул опоры и словно провалился вниз. Игоря резко вдавило в кресло, но вот момента посадки он не ощутил. Пилотировавшие челнок офицеры были мастерами своего дела. Просто защелкали уравнильные клапаны, резко зашипело, внутрь хлынул густой, жаркий воздух – давление на поверхности тут было заметно больше земного, а вот тяжесть ощутимо меньше, Игорь чувствовал себя неожиданно легким.

У него резко, до боли, заложило уши, но ничего страшного в этом не было: несколько несложных упражнений – и все прошло.

К некоторому огорчению мальчишек, сразу выходить они не стали – вокруг садились другие челноки землян, и соваться под их плазменные струи определенно не стоило. Челноков было много – такие же десантные, другие, еще больше – грузовые; наконец Игорь заметил бело-красно-золотой челнок Его Высочества Цесаревича. Вот теперь пора было выходить.

К некоторому огорчению Игоря, церемония Первого Ступания на чужую планету торжественностью не отличалась – быстро отстегнуть ремни, сумку с нехитрыми пожитками на плечо и вперед – сначала по узкому проходу между креслами, потом вниз, по не менее узкому и крутому трапу и даже не вдохнешь, не осмотришься толком – за тобой тоже идут ребята, а устраивать сутолоку определенно не стоит – слишком уж много за землянами следит внимательных чужих глаз.

Снаружи оказалось жарко и влажно, как в тропиках, воздух пах пылью и озоном – наверное, все космодромы Галактики пахнут одинаково. Под ногами оказался самый обычный бетон, а вот вокруг...

Увы, глазеть на происходящее вокруг пока что было некогда – делегация строилась, мешкать в таком деле не следует – и на лицейском плацу стыдно опозориться, а уж тут... Неподалеку шустро строились англосаксы, и Игорь хотел уже помахать Дику Шелтону, тому парнишке, с которым они обменялись клинками, но вовремя одумался. Не вовремя «помашешь маме ручкой» – и вылетишь с почетного места намыленной пробкой...

К счастью, их место – и правда почетное? – оказалось на самом краю общего строя, так что, замерев в нем, Игорь мог осматриваться в свое удовольствие. Кораблей тут было... множество, в основном – плоские, массивные коробки орбитальных паромов, ничуть не похожих на земные шаттлы, да маленькие крылатые челноки, вероятно частные. Дальше виднелись похожие на бронированные многоэтажки корпуса тяжелых грузовых лихтеров. Поле окружали площадки с гигантскими фермами-кранами и не менее гигантские здания без окон, оплетенные трубопроводами и балками – казалось, что каркасы и все коммуникации у них выведены наружу. Уже где-то возле них, вдали, виднелись пулевидные серебристые

челноки аниу. Они не касались поверхности, а парили невысоко над ней, словно не желая осквернять себя прикосновением к грубой почве. Справа же стояло нечто очень странное – выпуклая сверху, овальная штукавина величиной с земной линкор – то есть метров двести пятьдесят в длину. Она возвышалась надо всем, словно холм, – Игорь в первый раз вблизи видел на земле корабль таких размеров. Массивный сегментированный обод овального основания, плоский параболический свод, перекрывающий всю переднюю часть. На их стыке блестела прозрачная броня смотровой галереи. Заднюю часть корабля составляли скошенные стальные массивы. Дюзы были наглухо закрыты, все плоское дно занимала серая, похожая на резину подошва, – должно быть, весило это чудо техники очень и очень много. Даже неясно, на кой черт его посадили на атмосферную планету? Конечно, с гравистатическим приводом на нее можно опустить хоть целую гору, вот только зачем? Гордыню свою тешить?

– Кто это, Андрей Данилович? – тихо спросил он, пользуясь тем, что команды «смирно!» еще не было. Чужой корабль выглядел, мягко говоря, впечатляюще.

– Это личная яхта Его Высочества, Принца-Наследника Империи Джангра, – усмехнувшись, ответил полковник. – Эта Империя – союзница Йэнно Мьюри. Одна из восьми.

– Ничего себе... – Мальчишка помотал головой. Слов нет, о престиже государства надо заботиться. Но представить себе, что Цесаревич решит завести себе такую вот громадину, он не мог. Это было попросту немыслимо. Зачем? Человека красят его дела, а вовсе не размер его собственности. Хотя... у других рас иногда очень странные, с точки зрения землянина, правила. Игорь вспомнил шэни, зимой гостивших у Сурядовых, – и то, как они могли буквально часами расправлять складки наряда. Но не ради красоты – нет! Добиваясь того, что на их языке выражалось одним словом, а на русский переводилось – очень приблизительно! – как *«наибольшее соответствие внутренней гармонии, сочетающейся с глобальной гармонией вовне и, следовательно, не нарушающей плавного течения всеобщего равновесия»*. С другой стороны, скиуттов, например, смешило стремление землян унифицировать снаряжение бойца – разве не смешно, что разные существа вынуждены пользоваться одинаковыми вещами, да еще в таком вдохновенном деле, как Битва?

Еще раз взглянув на массивную тушу «яхты» – было видно, что на броне строители не сэкономили, да и скрытого под ней оружия наверняка хватило бы как минимум на крейсер, – мальчишка попытался представить себе ее владельца. Наверняка он низкий, жирный и плешивый, с крючковатым носом и противным бабьим лицом, как глупый, жадный и злобный восточный царек в историко-приключенческой ленте, вроде «Дорога Ашторет» или «Где мертвые правят мертвыми». Бр-р-р! Осталось только найти отважного героя, который победит царька и освободит... ну, рабов там или даже пленную княжну... Не то попробовать?

От этих плодотворных размышлений его отвлек Андрей, стоявший рядом и довольно-таки чувствительно и незаметно ткнувший Игоря в бок.

– Смотри, мьюри почетный караул выставили!

Игорь сморгнул и переключился на новое зрелище – в самом деле, мьюри подкатали передвижную трибуну, на которую взобралось несколько упитанных мужчин в золотых... очевидно, тогах – должно быть, какие-то важные чиновники. А вот по обе стороны от них построились уже обычные солдаты – много, никак не меньше полка. Зрение у мальчишки было очень острое, так что расстояние не играло для него никакой роли. Солдаты-мьюри, в отличие от своих чиновников, выглядели – чисто внешне – довольно-таки симпатично, совсем непохоже на надменных и каких-то... угловато-негнушихся, что ли... сторков. Но и от землян они отличались куда больше сторков. У мьюри были гладкие, видимо вообще не знающие растительности, словно точеные, лица с длинными глазами и красивыми изгибами – любая девчонка позавидует! – дважды изогнутых, словно лук, губ. В руках солдаты держали лазерные винтовки – совсем не страшные на вид, но Игорь уже достаточно знал о возможностях этого оружия. Все они были в коротких, отделанных золотом черных куртках,

черных шароварах с высокими ботинками и круглых шапках с козырьками. Парадная форма на Игоря впечатления не произвела, в ней не было торжественности. Или это даже не парадная? Брони у солдат не было, да, но ее заменяли небольшие генераторы силового поля, которые помещались у мьюри за спиной, в компактных плоских металлических ранцах. Несерьезного вида штучки, но эффективные – это Игорь уже знал.

Мальчишка заметил, что многие мьюри тоже разглядывают землян с откровенным любопытством. Несмотря на суровые лица, они походили больше на переодетых актеров, чем на воинов. Да уж... торговцы. Нет, наверное, все-таки мьюри не потомки Рейнджеров. Те на сохранившихся скульптурах и картинах больше напоминали землян. А в мьюри было что-то от легендарного – или даже сказочного – народа эльфов, который вроде бы населял Землю в вовсе уж незапамятные дочеловеческие времена. Игорь отметил по внешнему виду, что у мьюри проблемы с генетической вариативностью. Странно – при шестнадцати миллиардах населения, – но, похоже что у них физическое вырождение. Неявное, в начальной стадии – и все-таки... Наверняка рождается много близнецов и мало вырабатывается тестостерона у мужчин...

Саму церемонию встречи он запомнил плохо – да и ничего интересного тут не было. Обход почетного караула, речи хозяев, ответная речь Цесаревича (он говорил на мьюрике, но по здешним понятиям явно коротко и сухо). Игорью оставалось только косить глазами вокруг, гадая об окружавшей его странной здешней жизни. Он оживился только в самом конце, когда здешние девушки поднесли Цесаревичу цветы. Общемировой обычая подносить гостям хлеб-соль¹² здесь то ли не знали, то ли не сочли нужным соблюдать. Громадные, ярко-пестрые букеты почему-то показались похожими на охапки сена – слишком уж их было много. Девушки, впрочем, понравились ему куда больше. Гибкие, высокие, очень красивые, они были одеты во что-то яркое и разноцветное – нечто вроде коротких платьев или туник с большими накладными карманами. У сторков и землян могли быть общие дети. Насчет мьюри пока не было известно. Проверить, что ли, усмехнулся про себя Игорь. Поймал взгляд одной из девиц, когда она отходила от Его Высочества и скользнула глазами по мальчишкам – с любопытством, – и послал ей короткий импульс желания. Не сине-черно-алого, откровенно-животного, которое чаще всего просто отпугивает на первом этапе, да и вообще рекомендуется лишь в определенные моменты и только между хорошо друг друга знающими и понимающими мужчиной и женщиной, а окрашенного в голубовато-золото-белые тона романтики. Девчонка споткнулась и приоткрыла рот – кажется, даже жалобно пискнула. На ногах удержалась, но, уходя, несколько раз оглянулась на земных мальчишек затуманенными глазами. Явно искала, от кого накатила такая сладостная волна...

Игорь опять хихикнул про себя.

Наконец надоевшая и чересчур длинная по земным меркам официальная часть кончилась. Как оказалось, под бетонными плитами поля скрывался целый лабиринт ярко освещенных галерей, ведущих к окружающим аэродромам, и землянам пришлось отправиться туда – использовать челноки и в качестве постоянного атмосферного транспорта мьюри таки запретили, что в целом свидетельствовало, что они народ не такой уж беспечно-неосторожный. Да пусть их, они дома и в своем праве... Но вот в туннелях, к разочарованию Игоря, оказалось пусто – должно быть, их перекрыли для встречи земной делегации. Так когда-то поступали и на Земле, если приезжал кто-то важный – и это было одним из признаков трагичного раскола «народ-власть»... Пусто оказалось и на взлетном поле – точнее, на отведенной землянам его части.

Как оказалось, оставленная Белозерцевым на планете делегация под руководством действительного статского советника Коробишина постаралась на совесть – транспорта хватило всем, а для лицеистов был арендован купленный у аниу прямо на месте челнок –

¹² Его считают исконно русским, но между тем подношение хлеба и соли распространено – или было распространено – у очень многих народов, как родственных славянам (немцы, англичане), так и нет.

ртутно сияющий овал, около десяти метров в длину и трех в диаметре. Он висел над землей на высоте в половину роста Игоря – казалось, ни на что не опираясь, – но, подойдя еще ближе, мальчишка ощутил мягкое, воздушное прикосновение силового поля и даже погладил его рукой. Невидимое, оно было шелковистым, упругим и податливым, однако чем сильнее он нажимал – тем сильнее становилось сопротивление. Игоря удивило, что этот физический феномен оказался таким... нежным на ощупь. Как конский нос, подумал мальчишка и еще раз с удовольствием пихнул силовое поле – конские носы ему нравились с самого детства.

Входом в челнок служил узкий прямоугольник в задней части корпуса – откинувшись, он превращался в закрепленную на двух тягах лестницу. Такая привычная конструкция неожиданно удивила Игоря – он уже привык к необычному в этом мире, а тут на тебе – простейшая десантная аппарель. Салон был не очень большим – переднюю и заднюю части машины занимали гравиметрические двигатели, и в нем помещалось всего одиннадцать кресел – три впереди и по четыре с каждой стороны. Кресла были обиты темно-синей кожей, большие и очень удобные. Игорь устроился в переднем ряду, слева, откинулся на спинку кресла и осмотрелся внимательней.

Здесь не было никаких приборов, кнопок, но зато были экраны – один громадный впереди и два по бокам, длинные и узкие. Они казались просто окнами, причем незастекленными – склонившись к одному, Игорь заметил, что оно напоминает очень густую дымку, на которую направлен луч проектора. Вблизи изображение расплывалось, и глаза начинали болеть – но едва мальчишка откинулся в кресле, иллюзия окна вернулась.

Как только все они устроились, челнок взмыл в воздух и...

Изображение закрыл плоский, словно составленный из нескольких сросшихся цилиндров корабль, судя по окнам многочисленных палуб, пассажирский – на его выпуклых золотисто-коричневых боках промелькнул похожий на водоворот черный символ – Галактика, герб Йэнно Мьюри. Корабль пролетал перед ними добрых полминуты, а когда, наконец, кончился, челнок поднялся уже высоко, и Игорь невольно замер в кресле: от открывшегося вида у него захватило дух.

Они летели очень быстро, и поверхность – темно-зеленые равнины металлических крыш, которые он поначалу принял за парки, – лежала далеко внизу. Их неправильные многогранники, окаймленные мохнатыми шпилями антенн, разделяли провалы узких отвесных ущелий улиц. Оттуда пробивался темно-синий, мертвенный свет фонарей. Непоздним вечером! Наверное, улицы-ущелья были так глубоки, что на их дне царила вечная ночь...

Над этой технологической равниной вздымались исполинские темные башни, неровные и угловатые. На них горели редкие зеленовато-белые огни. Верхушки самых высоких из них терялись в коричневато-рыжих облаках, вызывавших у землян дрожь – именно так выглядели постыдные облака Безвременья. Небо на востоке стало уже лилово-темным, и силуэты башен там светлели на его фоне. На западе они казались островерхими силуэтами – ближние резкими и темными, дальние – едва заметными призраками, тонущими в палевой дымке. Их было так много, что они казались какой-то фантастической горной страной.

Высоко в небе, за тучами, парили угловатые террейны, летающие дворцы – одни еще рыжие от света уже ушедшего за горизонт солнца, другие, нижние, синевато-темные. Их неровная поверхность походила на перевернутые города – и их тоже было так много, что настоящее небо лишь кое-где проглядывало между ними. Один из них челнок миновал всего метрах в пятидесяти – его тускло отблескивающий борт медленно и бесшумно проплыл перед окнами.

Это не просто не было похоже на города Земли – это словно бы нарочито (хотя Игорь и понимал, что это смешно так думать, не к их же прилету построили все вокруг!) строилось в расчете на то, чтобы оскорбить, подавить, перечеркнуть все то, чем живет любой землянин. На Земле, например, давно не было жилых многоквартирных зданий...

Гостей и тут не оставили в покое – хотя всю колонну сопровождали полицейские флаеры, за ними толкалось множество других летающих машин. Игорь заметил и свупы –

летающие мотоциклы, больше похожие, правда, на обычные земные гидроциклы. Один из них нагло начал подбираться поближе. Полицейский флаер попытался оттеснить его, но неудачно – водитель вдруг сделал мертвую петлю и на миг оказался совсем рядом.

Игорь увидел, что за рулем сидит мальчишка лет максимум пятнадцати, одетый лишь в пестрое парео на бедрах – край этого, с позволения сказать, одеяния и длинные черные волосы трепал ветер. Мальчишка помахал рукой – улыбка у него была ну совершенно земная, искренняя, веселая, в тридцать два (у мьюри, правда, в двадцать восемь) зуба – а потом вновь заложил резкий вираж и исчез прежде, чем ошеломленные полицейские успели как-то среагировать.

– Ничего себе, – пробормотал сидевший впереди Андрей, провожая его взглядом. – Видел? Ловко он... Я себе куплю такую же штуку и буду на Земле кататься, вот!

– Она там работать не будет, – предположил Игорь. Хотя мысль о покупке подобного транспорта показалась и ему привлекательной. Жаль, что его не соберешь сам, как он собрал дельта-амфибию... Может, тут удастся на таком погонять? Не все же местным...

– Да будет работать, не волнуйся. Помнишь, что Андрей Данилович говорил? Антигравы только делать у нас нельзя... пока. А работать они аж до Медленной Зоны могут.

Игорь вздохнул. Нет, любой мальчишка ради такой штуки на уши встанет, тут и говорить нечего, но его больше поразил сам факт, что мальчишки есть и здесь. Умом он все это понимал – раз мьюри рождаются, то бывают и детьми, в конце концов дети в том или ином смысле есть у всех рас, сколько он их видел-то! – но вот так, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, увидеть почти ровесника, да еще и ведущего себя ну совершенно по-земному... Это не то чтобы сняло камень с души, но определенно подняло ему настроение – он уже почти убедил себя, что все мьюри – алчные, бездушные торгаши, одержимые лишь мыслью урвать побольше, но нет. Оказалось, что люди здесь тоже есть – те самые люди, на которых в конечном счете все держится... Вряд ли этот парнишка по ночам, озираясь, считает золотые монеты в чулке при свете свечи (при слове «торгаш» Игорю упорно лезла в голову такая вот совершенно ненаучная ассоциация).

– Эй, о чем задумался? – толкнул его в спину сидевший сзади Яромир. – Как с ним познакомиться и подружиться?

– Ну, что-то вроде этого, – отмахнулся Игорь. Сама идея дружбы с потенциальным врагом казалась ему все же... несколько странной, но познакомиться определенно стоило, как же без этого? Он хорошо и давно понял, что личные отношения людей нужно отделять от интересов нации и государства. Ведь часто бывало так, что твои друзья в мирное время во время войны становились врагами твоей страны. В прошлом из-за этого было много человеческих трагедий. Сейчас – легче, люди не воюют с людьми, а главное – они поняли и усвоили твердо: вражда государств не обязательно должна становиться враждой людей, дружба людей вовсе не обязывает к измене своему государству. Принимай мир в этом отношении таким, какой он есть...

...А город внизу казался бесконечным, но на самом деле он вовсе не был таким – неожиданно быстро внизу потянулось сплошное море зданий и – наконец-то! – растений. Вот только все растения здесь были сужавшимися спиралями из колоссальных темно-зеленых листьев, а здания – металлическими, серебристо-серыми, огромными, и что-то в них – облицовка из броневого плит, сложные перистые антенны, широченные окна с толстыми стеклами – напомнило мальчишке боевые корабли. Здесь, на окраине, размещались резиденции богачей и роскошные гостиницы, одну из которых и арендовали земляне: левое крыло – англосаксы, правое – русские. Сопровождавшие и полицейский эскорт отстали – тут был район, закрытый для обычных полетов. Сиреневые и голубые полотнища силовых полей и недвусмысленно торчавшие кое-где зенитки вполне подтверждали это.

Игорь увидел ожидавшую их резиденцию – громадное, похожее на дворец здание, окруженное узким кольцевым садом и высокой металлической стеной с тонкими башенками. Оно здорово походило на крепость, но по-другому здесь было нельзя. Миссия Белозерского и англосаксы вообще-то купили его под будущее посольство, однако в сущности земляне

только что прибыли, и работы предстоял непочатый край.

Челнок опустился прямо на крышу – она нарочно была оборудована как посадочная площадка, так частенько делали и на Земле – и мальчишки, потягиваясь, разминаясь и переговариваясь, выбрались наружу. Лифт, похожий на парящее блюдце, понес их вниз плавно, с мягким, приятным звуком, а вот первый же коридор, мягко говоря, оглушил. Гостиницы Земли могли выглядеть сколь угодно разнообразно, но все их объединял отпечаток временного жилища. А тут... тут все скорей напоминало дворец. По потолку волнами катился светящийся туман, отливавший расплавленной медью и золотом. Шершавый упругий пол покрывали подвижные живые узоры, они струились и переливались под ногами. Толстые стены оказались сплошными экранами – сейчас на них темнели джунгли, сумрачная глубина зелени с редкими пятнами ослепительно ярких цветов звала и манила внутрь себя. В том же, с позволения сказать, стиле оказались оформлены и отведенные мальчишкам комнаты, а точнее – комплексы комнат. Каждый из них включал в себя небольшой зал, вполне подходивший для приемов, ванную, похожую на рубку космического корабля, и спальню – очень уютное, хотя и напроочь непривычное помещение, с цветами, нарисованными на потолке, и похожим на тарелку бассейном, наполненным нежно-розовыми силовыми полями – в них мьюри, очевидно, и спали. Это до такой степени не походило не то что на стажерские каюты на линкоре, но и на комнаты в лицее и даже на комнаты дома, что вызывало удивленный и почти неприлично громкий смех мальчишек.

– У меня то же самое. Сдохнуть можно от этого, – заключил Яромир, который, обзрев свои новые владения, заглянул к соседу. Игорь был вполне с ним согласен – например, самым близким к нормальной постели тут был массивный блок из биопластика – его гладкая поверхность была прохладной, но не твердой. Подобные составы были и на Земле, но использовались они в основном в медицине, в коррекционной хирургии, например, или в военно-полевой... Биопластик мягко подавался под его весом, повторяя все изгибы его тела, и снова твердел. Здесь можно было уютно развалиться в любой мыслимой позе – биопластик тянулся за телом и тотчас мягко подхватывал его, едва оно расслаблялось. Впрочем, просто лежать тоже было очень удобно, но спать на этой почти живой дряни Игорь не стал бы.

– Еще удавит во сне на фиг, – озвучил он свои опасения.

– Или надругается в особо извращенной форме, кто ж его знает, на что оно запрограммировано, – предположил Яромир, после чего оба ржали примерно с минуту, пытаясь представить себе это.

– Вообще-то об этом и правда стоит подумать, – отсмеявшись, заметил Игорь. – Что и на что тут запрограммировано.

– Забудь, – покачал головой Яромир. – Служба безопасности миссии знаешь сколько отсюда выгребла разных подслушивающих-подглядывающих фигнюшек? Я слышал, офицеры говорили, один с нами прилетел, а второй тут уже давно... Контейнер целый набрался. Наши не удержались – торжественно передали его хозяевам: мол, ваши вот тут кое-какие вещи забыли... Мьюри эти мило извинились – сказали, что это у них обычная практика, просто хозяева гостиницы и правда забыли, что тут будут жить земляне. Свалили все, как всегда, на стрелочника.

Разговаривая, мальчишки продолжали осматриваться. Как оказалось, стены тут служили не только элементом интерьера, но и телеэкранами. Правда, выяснить, сколько тут каналов, земляне не смогли. Содержание передач при обилии самих каналов не отличалось особым разнообразием – какие-то совершенно дурацкие фильмы с бесконечной стрельбой и взрывами, похожие на них концерты – казалось, создатели всех этих зрелищ считали главным, чтобы с экрана беспрерывно палило, гремело и сверкало. Глаз отдыхал лишь на биржевых котировках и других похожих новостях, но они были совершенно непонятны мальчишкам, да и просто откровенно скучны – сама идея о том, что можно «торговать воздухом», какими-то акциями, облигациями, процентами, была для землян совершенно дикой. Ну и, конечно, бесконечная, агрессивная, бьющая по мозгам реклама вещей, которые были мальчишкам либо совершенно незнакомы, либо откровенно не нужны любому

нормальному, по их мнению, человеку. На Земле уже давно не демонстрировали по общим видеоканалам ни художественных лент, ни тем более реклам – только новости, важные чем-то документальные ленты, редкие обращения властей, спортивные состязания и прочие конкурсы... Зачем навязывать людям что-то, если каждый может найти в информаториях художественные новинки, сведения о технике, посуде, мебели, одежде, обучающие лекции, песни, музыку? Себе по вкусу... Кроме того, мальчишки легко уловили глубоко запрятанные почти в каждом сюжете здешнего телевидения вставки нейропрограммирования. В основном, правда, относительно безобидные – «всего лишь» стимулировавшие опять-таки покупать, покупать и покупать все новые и новые вещи, отличавшиеся от старых лишь какими-то мелочами, но мелочами, поданными как эпохальные изменения.

Изображение здесь сопровождалось не только звуком, но и запахами, как в мощных смелфидерах Земли, нужных многим профессиям для работы – и после того, как Игорь попал на канал с дешевой порнографией, его едва не стошнило. В бешенстве он вырубил сразу все... и мальчишки замерли посреди сразу потемневшей комнаты, освещенной лишь тусклыми, розовато-белыми прямоугольниками «дежурного света». Без спецэффектов роскошный номер превратился просто в пустой ящик с мебелью, темными стеклянными стенами, мутно-серым пластмассовым полом и откровенно металлическим потолком, где среди сплетения труб, кабелей и балок молочно белели прямоугольники проекционных матриц. Глухо загудел кондиционер, вытягивая приторную сладковатую вонь, и температура в комнате упала сразу градусов на десять. Мальчишки сидели прямо на полу, оглушенные.

– Ну ничего себе, – сказал наконец Игорь. Им показывали похожее на уроках истории, но тут все мерзости были наложены друг на друга и усилены в десять, в сто раз. К эротике, которой они оба учились с начала сознательного возраста, это не имело никакого отношения, скорей наоборот – противоречило всему учению об Эросе и тем более Ладе. Казалось, что одни люди стремятся вывернуться погаже, а другие что – на это смотрят, выходит?

– Неудивительно, что тут столько психов, – ответил Яромир. – Я бы тоже от такого зрелища свихнулся уже на второй день и стал во всех брызгать кислотой.

– А я сейчас как раз подумал... эти, которые брызгают, может, и не психи? – хмуро сказал Игорь. – Может, они как раз и есть нормальные, только им просто тошно оттого, что у них такое на родине творится. Мне тоже захотелось бомбу в этот гадюшник швырнуть, в самый центр. Кобальтовую. Старую такую, надежную...

– А пес их разберет, психи, не психи... – Яромир зевнул и вдруг спросил: – Интересно, если вот так во всей их жизни разом все спецэффекты выключить – что мы увидим? – Игорь, все еще переживая отвращение, пожал плечами молча, и Яромир предложил: – Вот что, друг мой, давай-ка спать. Я к себе пойду, и ты ложись, пока Макаров обход не начал – он грозился, между прочим.

– Где спать, на полу, что ли? – спросил Игорь. – Я на эту дрянь не лягу. И в это блюдо дурацкое с силовыми полями тоже. Я там себя чувствую как килька на тарелке!

– Ляжешь, как миленький, – ответил Яромир.

– Это почему же? – с искренним интересом спросил мальчишка.

– Потому, – уже серьезно ответил Яромир, – что завтра мы будем нужны бодрые и отдохнувшие, с ясной головой, а на полу ты не выступишь, да и просто смешно это... Представь, что они о нас подумают, если наши все-таки прозевали какие-нибудь шпионские штучки и хозяева нас сейчас видят? Или просто утром зайдет Андрей Данилович, а мы на полу спим; мол, извините, господин полковник, мы в кровать лечь побоялись, она шибко колдунская! Еще надо не забыть костер в углу развести и круг начертить на полу – от злых духов. Чего уж там мелочиться, знай наших!

Игорь вздохнул. Вот умеют же некоторые говорить так, что возражать им не хочется – просто потому, что глупо. Яромир, впрочем, был прав – а уж говорить себе «надо» Игорь привык достаточно давно. Это было просто-напросто частью жизни любого дворянина.

Он разделся и осторожно забрался в приторно-розоватое светящееся блюдо. Ничего особо страшного тут, впрочем, не оказалось, напротив – он словно парил в свежем теплом

воздухе. Спать, впрочем, совершенно не хотелось, но Игорь еще раз сказал себе «надо». И мгновенно уснул.

7. Мир мал, а Россия – велика!

В школах Земли любили приводить в пример ставший хрестоматийным случай времен самого начала Первой Галактической. Во время нападения сторков на колонию Луна-11 их десантники ворвались в школьный класс. Преподаватель жестами объяснил Чужим, что тема урока очень важная и им придется подождать окончания объяснения. Некоторые говорили, что после краткого ступора сторки перебили весь класс. Но большинство придерживались версии, что они – то ли обалдев от наглости землянина, то ли из уважения к его спокойствию – ждали в коридоре, пока закончится урок.

Этот случай был далеко не единственным подобным примером такого хладнокровного отношения к окружающему: «Гори оно огнем, а мы будем жить как заведено!» Скорей – просто первым на Галактической войне. Или наиболее врезавшимся в память по каким-то несохранившимся причинам. Игорь не знал, хотя, в шесть лет услышав эту историю, не раз представлял себя на месте того учителя – класс, учеников, врагов и свой собственный абсолютно спокойный голос, предлагающий вооруженным сторкам подождать. Именно из-за того рассказа он, кстати, и выбрал в качестве одной из своих специализаций педагогику.

Но сейчас он думал, что, скорей всего, и Андрей Данилович этот случай хорошо знал. И, возможно, имел его в виду как жизненный ориентир и пример. Во всяком случае, мальчишки пробежали вокруг здания посольства уже около пяти километров, время от времени пересекаясь с так же неспешно и уверенно бегущими англосаксами. Они были точно так же босиком и одеты в трусы (что на Земле в январе, например, было не особо приятно, но тут, в здешней паровой бане, оказалось почти благословением), и возглавлял их подполковник ван Карьё, англосаксонский вариант Макарова, который, кстати, тоже бежал вместе с лицеистами, точнее, то впереди, то позади, то нарежая вокруг них – бегущих! – круг.

Ну а что такого? Обычная зарядка лицеистов. Утренняя. Окружение, правда, не особо приятное – чужой сад выглядел непривычно и темновато, но бегать за стеной было бы еще хуже – там, собственно, и не было ничего, лишь разделяющие ограды резиденций широкие, стерильно чистые бетонные дороги, по которым, впрочем, давным-давно никто не ездил – все пассажиры и даже грузы доставлялись сюда по воздуху. К тому же эти дороги вдоль и поперек были под совсем недобрым прицелом сторожевых камер – часто спаренных с автоматическими пулеметами, а получить в грудь «случайную» плазменную очередь как-то не хотелось. У мьюри бытовала поговорка: выживают только параноики – и лишь теперь земляне начали понимать, как это выглядит на практике. И уже через какой-то час, даже меньше, им предстояло выйти в этот мир... Точнее – прыгнуть в него.

Тем не менее страха Игорь не чувствовал – он воспринимал любую угрозу как брошенный вызов, а вызовом землянина напугать было трудно. Скорее, он чувствовал возбуждение и азарт – вот пусть только попробуют задеть его, посмотрим, что получится! Но больше всех иных чувств его разбирало обычное мальчишеское любопытство.

* * *

Перед вылетом полковник придирчиво оглядел короткую шеренгу лицеистов, не поленившись обойти кругом каждого и потребовать предъявить комбрасы и оружие. Оружие – виброножи и аккуратно спрятанные старые пороховые пистолеты – было у всех, а форма сидела так, что хоть сейчас на Императорский смотр. Не найдя к чему придраться, Макаров удовлетворенно крикнул, еще раз критически осмотрел шеренгу и сказал:

– Повторяться не буду, все вы не маленькие и знаете, как себя вести. Но вашего же спокойствия ради напомню: по своему почину драк с местными не заводить, держаться как минимум парами и не лезть ни в какие закоулки. Всем понятно?

Ответом было сосредоточенное молчание. А вот что мальчишки думали по этому поводу – оставалось тайной...

* * *

На сей раз они были одни – в том смысле, что их челноки – русский и англосаксонский – оказались в одиночестве. Большинство взрослых уже разлетелись по своим важным и очень важным делам, и Игорь ощущал некую не вполне понятную ревность по этому поводу – для взрослых работа началась сразу, без раскачки, и только им, мальчишкам, выделили целый день для знакомства с этим миром. Правда, как и вчера, челнок преследовало немало различных машин и машинок – видимо, это были опять-таки любопытные и репортеры местных средств массовой информации, твердо настроенные ни в коем случае не упускать ничего из действий гостей.

Солнце уже взошло, и город внизу был виден куда лучше, чем вчера – неровная мозаичная равнина металлических крыш, над которой возвышались такие же неровные жилые башни. К одной из них – вполне приличной, как уверяли хозяева Ярмарки, – челнок и направлялся. Мальчишки глазели в дымчатые окна и шумно договаривались кто с кем пойдет и кто что будет смотреть в первую очередь.

Челнок опустил на небольшой частной площадке, арендованной специально для этого случая – привлекать лишнее внимание землянам не хотелось. Мальчишки сразу высыпали наружу, прилипнув к перилам, – высота здесь была приличная, добрых полкилометра, – а шпиль башни поднимался над ними еще километра на два, словно гора. Игорь посмотрел на плавно скругленную арку входа и невольно повел плечами: он знал, что теперь все начнется уже по-настоящему.

– Пойдем? – Яромир мотнул головой, подойдя. Они договорились, что отправятся на прогулку вдвоем. – Смотри, наши уже расходятся.

– Пошли, – Игорь выдохнул – для решимости.

* * *

В первый миг мальчишкам показалось, что перед ними настоящая улица – шириной шагов в двадцать, вымощенная гладкой коричневой плиткой. По обе ее стороны тянулись два бесконечных фасада двухэтажных домов, облицованных другой плиткой, светлой. На вторых их этажах были балконы с узорчатыми чугунными перилами, на первых – небольшие витрины и арки поперечных коридоров. На свод из матового стекла словно светило солнце.

Вдоль улицы дул теплый, свежий ветерок. Она тянулась в обе стороны насколько хватало глаз и была заполнена самыми разнообразными существами. Большинство, конечно, были мьюри – девушки в сложных пестрых нарядах, состоявших из множества отдельных частей, гибкие юноши в коротких куртках. Но прочие... Одни шли на двух ногах, на трех и на пяти или сразу на трех парах рук, мотали головами на длинных шеях и какими-то длинными хлыстообразными отростками, похожими на щупальца. Другие напоминали пони – только с неправильным количеством ног и щупальцами на спине, третьи походили на здоровенных росомх или лемуров со страшными черными глазами и шестью длинными конечностями... вооруженными устрашающими когтями, четвертые представляли собой прямоходящих ящеров высотой в человеческий рост, с огромными фасеточными глазами и длинными, изогнутыми пастями, усаженными множеством кинжалообразных зубов. Требовалось усилие, чтобы осознать: это – разумные существа, причем скорей всего вполне мирные и цивилизованные. Попадались и вовсе несуразные создания – цилиндрические, похожие на цистерны тушки на шести коротких тумбообразных ногах, с невероятно длинными, кончавшимися раструбами шеями – местный вид роботов-пылесосов, благо, мусорили здесь много и охотно, что Игоря поразило. Поначалу улица вообще показалась мальчишке бредом, и Игорь даже с силой царапнул себе руку. Из царапин немедля

выступила кровь. Нет, это не бред. Это самая настоящая реальность. Ни Игорь, ни Яромир, знавшие множество рас по лекциям и немало их представителей видевшие воочию, все-таки не могли представить себе такого почти пугающего разнообразия.

– Буду ксенологом, как ты, – прошептал Яромир, замороженно наблюдая за этой сутолокой. – Никогда без работы не останусь... и скучать точно не придется...

Игорь хихикнул.

Они шли, глядя во все стороны, наверно, минут десять. Больше всего мальчишек поразили прически здешних девушек – у многих были темно-синие, блестящие и очень густые волосы. У одной из них волосы были синевато-зеленые, отливающие металлом, кожа – фиолетовой, радужка – серебристой, и глаза светились, как матовый алмаз. При том ее лицо было самым красивым и в то же время странным из всех человеческих лиц, какие Игорю доводилось видеть. Он долго размышлял, что это – какой-то народ или ухищрения этой... как ее... косметики? Или, может быть, метаморфинг, к тайнам которого на Земле только подбирались масштабно? В его Лицее двое мальчишек были метаморфами, но – от природы... В общем, он не оглянулся вслед этой девушке, только сделав над собой усилие...

Бесконечная длина улицы оказалась иллюзией – весь ее торец занимало громадное, безупречно гладкое зеркало, и Игорь едва не налетел на него. Яромир увлек его в боковую арку – они, как малыши на прогулке в незнакомом месте, держали друг друга за руки, чтобы не потеряться в толчее. Толпа казалась равнодушной, а все идущие существа – нелогично одинокими в этой чудовищной сутолоке. Игорь, конечно, бывал в самом большом городе Земли – Лондоне, столице Англо-Саксонской Империи, но там не было и сотой части этих живых текущих масс...

Миновав короткий, широкий туннель, мальчишки попали в заставленное множеством застекленных стеллажей огромное пространство – как оказалось, гигантский магазин. Мысль о том, что нечто могут продавать в таких размеров помещении (зачем? почему вещи не продают прямо там, где производят? для чего отвлекать на такое неинтересное дело, как торговля не тобой произведенными вещами, людей и занимать такие площади?), землян удивила и позабавила. Но сам зал был, слов нет, грандиозным. Игорь не смог разглядеть ни стен, ни потолка – казалось, он в долине, окруженной заснеженными горами. Над головой было синее небо, однако почему-то без солнца, бросающего резкие тени на снега. Неожиданно что-то изменилось – небо с пугающей, неестественной быстротой потемнело, на нем зажглись звезды, и среди них поплыли корабли сторков. Какое-то время они пробивались сквозь стену огня кораблей мьюри, вспыхивая один за другим и ярко освещая зал, потом повернули и обратились в бегство, панически удирая от фаланги йэнно-мьюрского флота. На миг стало темно, потом горы выплыли из мрака – и все повторилось сначала. Игорь, запрокинув голову, глазел на это зрелище. Очевидно, оно отражало неудачную войну Империи Сторкад с мьюри.

Яромир вновь отвлек его, подергав за рукав. Они наугад побрели среди прилавков и витрин, разглядывая выставленные на них вещи. Большая их часть была Игорю совершенно незнакома – блестящие ртутью шутовины, похожие на гибрид подшипника с шестеренкой, плоские приборчики из серого пластика с множеством кнопок и индикаторов, браслеты из металла, также сплошь состоявшие из кнопок и крохотных экранчиков – на каждом их было не менее дюжины. Потом они забрели в отдел с радужными дисками всех размеров – от маленьких, с ноготь, до громадных, едва ли не в обхват. Большая их часть была упакована в яркие цветные коробки. По картинкам на них Игорь заключил, что это фильмы или игры, или и то и другое сразу – очевидно, на материальных лазерных носителях, которые и на Земле еще кое-где применялись сейчас (даже в комбрасах некоторых моделей еще встречались устройства для их приема). Дисков здесь было очень много – наверное, десятки тысяч различных сюжетов, – и у мальчишки от попыток вообразить их содержание по обложкам закружилась голова. На некоторых, правда, присутствовали группки нагих юношей и девушек или даже подростков. В отличие от вчерашних передач, тут они не делали ничего неприличного, и, может быть, поэтому мальчишки смотрели с интересом –

скорей, правда, чисто анатомическим. Потом, усмехнувшись и помотав головой, Яромир потащил Игоря обратно. Интересно, мьюри вообще знают, что такое настоящая эротика, или все сводится вот к таким примитивно-половым сюжетам, подумал Игорь.

Миновав этот отдел, они наткнулись на стену – вернее, на ряд заменявших ее гигантских экранов. Крутившиеся на них ролики, должно быть, служили рекламой для дисков и повторялись каждые несколько минут. По большей части там шло яростное взаимное уничтожение каких-то механических тварей, явно ненастоящих – их нелепость сразу бросалась в глаза. Но были там и какие-то романтические, очень красиво нарисованные – хотя и более примитивные по исполнению, чем земные стереофильмы, – истории, привлекавшие даже не сюжетом, – попробуй что пойми за полминуты, – а именно каким-то приятным настроением.

Игорь не отказался бы посмотреть на все это – его поразило богатство фантазии, обилие тщательно отделанных деталей и игра цветов, – но Яромир нашел кое-что более интересное – громадную цветную схему всей Местной Зоны Галактики. На фоне миллионов звезд сияло сложнейшее цветное сплетение – как Сурядов догадался, карта трасс, соединяющих планеты Федерации. Волны разноцветной мути накатывались на него и, казалось, вот-вот затопят – однако они рассеивались, а сплетение Федерации вспыхивало еще ярче. Очевидно, это изображало борьбу мьюри с какими-то другими расами – разумеется, условно. Игорь не заметил, чтобы кто-то еще смотрел на экраны – в том числе и на тот, который заменял свод.

– По-моему, Йэнно Мьюри здесь. – Яромир показал на центр сплетения, сиявший, как алмазное солнце. Игорь отметил, что при этом жесте, естественном и сделанном как бы невзначай, Яромир выполнил безупречную съемку схемы комбрасом. На всякий случай... – Но где Земля, интересно? Эта карта, похоже, включает империи многих рас... – нахмурившись, он вглядывался в схему. – Мы, должны быть, где-то у периметра... – Присмотревшись, Игорь заметил тусклую, едва видимую паутину, в нескольких местах выступавшую за четко очерченную границу живого сияния. Похоже, сравнивать достижения иных рас со своим великолепием мьюри не желали. Вдруг он заметил у нижнего края карты темную полосу Медленной Зоны – именно к ней примыкала одна из тусклых паутин – и толкнул Яромира.

– Смотри! Вот тут мы!

Тот вздрогнул и с минуту разглядывал схему. Его палец двигался в воздухе, следуя светящимся линиям.

– Не могу сказать точно, но Русская Империя, должно быть, здесь, – он ткнул в узелок на схеме. – Маловата будет, – добавил он с сожалением. – Но вот тут... – В самом центре узелка светилась крупница, подобная центральному светилу, крохотная, в сущности, просто искра, – Земля.

Что ж, усмехнулся про себя Игорь. Из искры – возгорится пламя.

* * *

Обход магазина занял самое большее минут пятнадцать, но мальчишкам казалось, что прошли часы. От разнообразия выставленных здесь вещей и смотревших на них посетителей у них кружилась голова, и они чувствовали себя так, словно спали на ходу – шум и все остальное доносились словно из-за стекла. Нет, когда что-то вдохновляло, Игорь мог работать сутками напролет, но сейчас он чувствовал усталость. Не то чтобы он был физически измотан, просто в его голове накопилось слишком много впечатлений, и мозг настоятельно требовал сна, чтобы разложить их все по полочкам, а еще лучше – отсеять шелуху, уж слишком много тут было наносного и откровенно показушного... Причем назойливо-показушного.

В этот момент Сурядов заметил, что навстречу им идут четверо рослых молодых людей, одетых в пушистую массу длинных белых нитей, кончавшихся яркими, как звезды,

разноцветными искрами. Она открывала лишь ладони словно отлитых из металла рук и ступни босых ног, перехваченных на запястьях и щиколотках тяжелыми серебряными браслетами со сложным фрактальным узором. Выющиеся черные волосы этих созданий являли собой странный контраст с белизной их одежды. Их лица были гладкими, словно золотые маски с прорезями длинных, густо-синих глаз. Кто это – юноши или девушки, невозможно было угадать, и Игорь ощутил какой-то брезгливый, пришедший из глубин подсознания толчок.

Все торопливо убиралось с их дороги, и, только заметив это, Игорь понял, что видит аниу – гостей с Верхнего Края. Они шли прямо на землян, словно не замечая – привыкли уже, что им уступают дорогу. А вот я не уступлю, вдруг решил мальчишка. Яромир покосился на него, одобрительно кивнул и тоже замер, сложив руки на груди.

Аниу, впрочем, решили доказать, что репутация их вполне оправданна – они остановились, встали полукругом... и направили на мальчишек пистолеты. Эти серебристые устройства с узкими соплами казались смертельно опасными, и Игорь не сомневался, что первое же резкое движение будет стоить ему головы. В самом буквальном смысле.

В животе у него словно запорхали бабочки размером с лису – стоять под прицелом оказалось очень страшно. Аниу выхватили оружие так быстро, что он – сам вовсе не бездарь в таких делах! – даже не успел заметить, откуда. Это не торговцы и не солдаты даже. Это – воины, и отступать они привыкли не больше землян, а это значило... значило...

Как-то лениво промелькнула мысль, что глупо умирать из-за такой вот мелочи – тем более что и не узнает никто...

Один из аниу едва заметно пошевелил стволом, указывая вбок, молча предлагая сойти с дороги. Да щазззз, вдруг ехидно подумал Игорь. В какой-то миг он понял, что... наслаждается своим страхом. Нет, не совсем так – смотрит на него как бы со стороны и смеется над этим испуганным мальчишкой. Смерть из-за ерунды? Ну так он все равно однажды умрет, вся разница – когда, и еще – с честью или без. И эта вот разница была для него очень важна. А все остальное... да просто не имело смысла.

На лице аниу отчетливо отразилось недоумение. Он – явно растерян! – оглянулся на остальных, они все переглянулись – не просто так, Игорь уловил тень стремительного обмена мыслями! – потом первый аниу пожал плечами... и они так же быстро убрали оружие, парами обходя землян сразу справа и слева и старательно делая вид, что ничего такого не случилось.

Яромир длинно выдохнул – похоже, он все это время не дышал. Один из аниу обернулся и очень даже земным жестом покрутил пальцем у виска – мол, фигли хвост поднимать, нам с вами делить нечего. Игорь возмущенно открыл рот, чтобы высказать ему все, что он о нем думает, но аниу уже отвернулся, и вся их компания скрылась в одной из арок, что-то возбужденно обсуждая.

Игорь осмотрелся. И вдруг заметил, что вокруг них... никого нет. То есть совсем. Только что кишачий зал буквально вымер за какие-то секунды. И вот тогда он испугался уже по-настоящему.

* * *

Яромир опомнился первым. Понимая, что сейчас сюда сбежится толпа – она сбегалась тут на любое происшествие, – он схватил Игоря за руку и потащил куда-то вбок, к каким-то раздвижным дверям из зеркального стекла. Миновав их, они попали в просторное Т-образное помещение, залитое ярким желтым светом, совершенно пустое. Полы тут были из мрамора, до потолков – добрых метров шесть. Между кофейного цвета панелями облицованных деревом стен зияли ниши громадных витрин. В них, на литых стеклянных полках, стояли огромные роскошные вазы из золота и хрусталя, а в боковинах «Т» Игорь увидел две фантастические многослойные конструкции из матового, полупрозрачного стекла. Подсвеченные изнутри множеством разноцветных ламп, они походили сразу на башни и на

цветы, высотой метра по четыре. Мальчишка замер перед одной из них, удивленно приоткрыв рот, – невероятная красота многоцветного застывшего сияния будоражила душу, вызывая непонятную, совершенно необъяснимую тоску по какому-то высшему, нездешнему миру. Это была чистой воды абстракция, вроде популярных на Земле «мобилей» – структур для аутогипноза, создающих иллюзию движения.

Яромир прислонился к стене, насмешливо поглядывая на него. Игорь отвернулся от витрины – в конце концов, ему вовсе не хотелось выглядеть глупым провинциалом из исторического фильма. Хотя – пес бы с ними, вокруг столько интересного...

– Офигел? – обманчиво мягким голосом спросил Яромир. – А если бы они нас там и положили?

Игорь усмехнулся:

– Ну не положили же! Зато теперь они знают, кто такие земляне.

– Ага, и в следующий раз будут стрелять сразу.

Игорь покачал головой.

– Не думаю. Думаю, теперь они будут нас... уважать.

– Толку-то нам с их уважения? Они-то на Сторкад нападать не собираются, да и на нас тоже.

– Друзей много не бывает. – Игорь сладко потянулся. – Встретились, плечами потолкались, да и разошлись – все как у настоящих людей получилось.

– Ага, хороший способ познакомиться – сунуть голову под дула, – ехидно заметил Яромир. – Вот он я, стреляйте!

– Что-то ты на себя не похож, – заметил Игорь. – Это ты должен всех в друзья Империи затаскивать, а я тебя отговаривать должен.

– С такими друзьями зачем нужны враги? – ответил Яромир. – Уж больно они странные, словно и не люди вовсе. Я так и не понял, например, какого они пола.

Игорь задумался. В самом деле, аниу вели себя, мягко говоря, необычно, но он знал о них слишком мало, чтобы решить что-то определенное. Мальчишка пообещал себе, вернувшись, подробно расспросить Андрея Даниловича на этот счет.

Яромир толкнул его под бок. Задумавшись, Игорь испуганно дернулся и опустил голову. Друг молча указал куда-то вбок, и Игорь мысленно ругнулся: неожиданные знакомства продолжались.

К ним быстро и целеустремленно направлялась группка местных мальчишек – человек пять, довольно разношерстная компания, лет так тринадцати-пятнадцати. Возглавлял компанию... Игорь удивился такой встрече – это был тот самый поразивший их мальчишка, который вчера облетал их челнок на свупе. Сейчас он был одет в легкие штаны из тускло блестящей светло-серой ткани и черную футболку, на груди которой блестел огромный красно-сине-золотой государственный герб, больше похожий в таком исполнении на произведение искусства. Блестящий черный ремень туго, почти по-военному, стягивал узкую талию, а на босых ногах были легкие сандалии с ремешками.

Не доходя до них трех шагов, мальчишка остановился. Смущенно и в то же время с любопытством глядя на землян, он сунул руки в карманы, что придавало ему удивительно независимый вид и одновременно странное сходство с англосаксом – с их манерой заталкивать руки в карманы даже военной формы. Лицо у юного мьюри было хмурым и серьезным, но, поймав ошарашенный взгляд Игоря, он улыбнулся ему – обыкновенной мальчишеской, дружелюбной улыбкой. Яромир так же дружелюбно улыбнулся в ответ и даже поклонился по-здешнему, прижав ладони скрещенных рук к груди. Надо же, выучил обычаи...

Мальчишка повторил это приветствие – торопливо и неловко, и в итоге получилось смешно. Они чуть не рассмеялись – все трое, но в последнее мгновение приняли невозмутимый вид. Остальные мьюри откровенно разглядывали землян. Их черные и блестящие волосы были спутаны крупными кольцами, лохматыми шапками венчали головы и касались плеч – на таком фоне коротко подстриженные (лишь спереди челки) русоволосые

земляне выглядели странно. Из-под волос внимательно смотрели большие, широко расставленные темно-синие глаза. Казалось, что эта компания явилась сюда с пляжа: сандалии были на всех, но в остальном они выглядели весьма легкомысленно – один в чем-то вроде легких джинсов, голый по пояс, остальные вообще в парео. Среди мьюри оказался даже сторк – вроде бы сторк, потому что таких сторков земляне еще не видели: с тяжелой гривой темно-золотых волос, небрежно падавших на плечи, с темной от загара кожей и неожиданно скуластым лицом. Глаза у него были длинные, как у мьюри, но темно-зеленые, сторкадские, на запястье левой руки болтался браслет из нескольких ниток блестящих разноцветных галек, явно собранных просто-напросто где-то на морском берегу. На Земле мальчишки, жившие на берегах морей, тоже любили делать такие вещи.

Игорь, как всегда в неопределенной ситуации, опомнился первым. Он тоже широко улыбнулся, прижал ладони скрещенных рук к груди и сдержанно, слегка, поклонился.

– Игорь Сурядов, русский дворянин, – церемонно представился он и толкнул друга локтем.

– Яромир Шомберг, русский дворянин, – торопливо произнес тот.

Вожак компании повторил их приветствие – вновь излишне старательно и торопливо, но, как теперь понял Игорь, от избытка дружелюбия, а не от неловкости, улыбнулся им снова и, наконец, представился:

– Вайми Анхиз.

– Очень приятно, сударь, – ответил Игорь. – Чем обязаны?..

– Вы не боитесь аниу, правда? – Глаза Вайми блестели, и Игорь ощутил, что тот буквально сгорает от любопытства.

– Нет, не боимся, ничуть. – Игорь умолчал, что испугался и что этих аниу они сейчас впервые увидели вживе, так сказать.

– Правда? Совсем? А вы что, тоже бессмертные?

– Тоже? – спросил Игорь. Он малость ошалел от этого натиска.

– Ну, говорят, что аниу бессмертные, по-настоящему – возвращаются, даже если их убить! – Щелк, отложились в голове Игоря на полочку информация. – Как на самом деле, тут никто не знает, конечно. А правда, что вы все владеете Силой?

– Правда. – Игорь протянул руку и осторожно толкнул Вайми в грудь, не касаясь его.

Мальчишка тихонько охнул, его глаза удивленно расширились. Игорь уже знал по отчетам, что у мьюри эти способности очень редки – он, собственно, никого и не встречал пока с таковыми. Правда, он пока что знал мало мьюри...

– А я могу этому научиться? – спросил Вайми.

Игорь печально вздохнул и помотал головой.

– Нет. То есть я не знаю, есть ли у тебя способности, – поправился он. – Это надо такого учителя найти, который видит, а это совсем непросто. Нас учат этому в Лицеях.

– А правда, что там дворянам только военное дело преподают и больше ничего? – спросил еще один мьюри, невысокий, коренастый парнишка.

– Чушь собачья, – возмутился Яромир. – Кто тебе это сказал?

– Джет сказал. – Мьюри мотнул головой в сторону юного сторка. – Он говорит, что все земные дворяне техники боятся, потому что толком не знают, как она устроена.

Игорь фыркнул и смерил сторка взглядом. Тот был хорошо сложен и гибок, но в драке против землянина он не устоял бы, и сам явно знал это.

– Мне так отец рассказывал, – смутился мальчишка. – Сам-то я живых землян в первый раз вижу.

– А кто твой отец? – спросил Вайми.

Игорь нахмурился. Ему не слишком-то хотелось отвечать на такой вопрос, но и не отвечать было совершенно невозможно – все равно что предать память отца.

– Был военным, капитаном корабля. Он погиб за Империю в стычке с фоморами, – это прозвучало как-то казенно, но точно и емко отражало суть.

– Ха, фоморы! – фыркнул кто-то из мьюри. – Да от нас они как тараканы разбегались! –

Вайми с явным удовольствием ткнул его локтем в бок, и дружок замолчал, обиженно и удивленно глядя на него.

– А мой отец – пилот джампфрейтера, – с гордостью заявил Вайми.

– А что такое джемфрейтер? – спросил Яромир. Он уже явно опомнился и решил направить беседу в деловое русло.

Вайми снисходительно посмотрел на них.

– Джамп. Не джемп. Фрейтер – это такая штукавина, чтобы перевозить грузы, любые – хочешь, контейнеры, хочешь, модули станций. А джампфрейтер – это то же самое, но с гиперприводом. На нем даже небольшие корабли перевозить можно, которые без гипердрайва. Очень удобно – собираешь кораблики торговцев и везешь их в другую систему, а потом обратно. Корабль с гиперприводом – он большой и дорогуший, мало кто может себе такой позволить, а тут всем выгода – и торговцам экономия, и нам доход. Знаешь, сколько мой отец получает? У-у-у! – Мальчишка даже прикрыл глаза от важности. – У нас даже свой террейн есть... правда, маленький, – самокритично заключил он после короткой заминки.

– И ты тоже хочешь быть пилотом? – спросил Яромир, и Игорь понял, что он попал в точку – глаза мальчишки блеснули.

– А то! Только не гражданским, а военным. Я хочу стать капитаном супердредноута, вот!

– Зачем? – машинально спросил Игорь. Он все-таки представлял себе мьюри несколько другими, не такими... непосредственными, что ли.

– Чтобы победить вас, когда будет война, – как ни в чем не бывало заявил Вайми, и Игорь даже глазами хлопнул от такого заявления.

– Победить нас? – удивленно переспросил он. – А что мы тебе сделали? Зачем нам воевать?

Вайми задумчиво прикусил губу – было видно, что до сих пор эта мысль явно не посещала его ни разу и оказалась неожиданной и новой.

– Потому что вы дикари, вот, – нашелся он наконец. – У вас нет демократии... и потому вы все нищие.

– Из-за этого с нами надо воевать? – спросил Яромир. Было видно, что логика мьюри сразила его наповал, но в то же время позабавила. Глаза чеха сузились, он смотрел на мьюри как на интересную задачу в учебнике.

– Нет, мы же не убить вас хотим! – искренне возмутился Вайми. – Мы вам помочь хотим, чтобы вы жили как мы. Так же богато. А ваш Император этого не захочет. Он деспот и тиран.

– А что ты знаешь про нашего Императора? – с нехорошим прищуром спросил Игорь. – Я вот его видел, ну вот как тебя. Говорил с ним. И он никакой не тиран – он очень, очень хороший человек.

Вайми замолчал. Было видно, что система мироздания юного мьюри дала изрядную трещину, но это все-таки не слишком его смутило.

– Все равно, я хочу быть военным, – упрямо заявил он. – И победу... то есть побегу... то есть побегу... – он сердито посмотрел на землян и победно закончил: – ...сторков!

Джет тут же дал ему леща. Вайми увернулся с очаровательной непосредственностью и попытался ответить пинком, но юный сторк уклонился не с меньшей легкостью. С секунду мальчишки смотрели друг на друга – видно было, что им хотелось продолжить явно старый спор, но тут же оба вспомнили о землянах.

– Ну тогда фоморов, – решил Вайми. Эта идея ни у кого не вызвала возражений – фоморов в пределах слышимости не было, как легко можно было догадаться, и добрых чувств к ним никто тут не испытывал.

– А почему ты хочешь стать военным? – спросил Игорь. Он чувствовал, что ответ на этот вопрос очень важен.

– Понимаешь, – Вайми смутился, – я хочу защищать свой мир. Просто жить и деньги зарабатывать, когда наших где-то убивают... ну, просто нечестно это.

– А что у вас защищать-то? – Игорь обвел рукой вокруг. – Мешки с деньгами?

– Это мой мир, – сказал Вайми уже таким тоном, что желание продолжать в том же роде у Игоря пропало сразу – он чувствовал, что иначе они сразу поссорятся и очень сильно. В голосе мьюри сейчас звучала такая же уверенность в своей правоте, как в голосе Игоря, когда он защищал Императора. Да Игорю и не хотелось продолжать. В самом деле, Родина у любого одна – будь он человек, мьюри или сторк. И защищать ее – надо. А тот, кто думает иначе... он просто не человек. Не человек – и все тут.

– Ладно, прости, – пробурчал он, чувствуя, как подозрительно теплеют уши. В голове мелькнула мысль, что неплохо было бы завести такую же прическу, как у мьюри, – под ней ушей не видно, и никто не знает, краснеют они или нет. А что? На Земле очень долго носили длинные волосы, некоторые народы носят и до сих пор. Но не в Лицеях, конечно...

– А как вы нас нашли? – спросил Яромир. Он-то сразу понял, что встреча их далеко не случайна – похоже, что эта компания следила за ними уже давно и подошла, едва представилась возможность.

– Ну, это-то несложно, – снисходительно заявил Вайми. – Видишь, у меня скорпупки есть? – Он коснулся легких очков без оправы – такие были на всех пятерых мьюри, только задранные на лоб. – Я системе слежения запрос даю, и она любого нужного человека находит, если он в публичном месте где-то. Это дорого, конечно, зато быстро. А по аугментам его сразу можно узнать.

– По чему? – спросил Игорь. Сейчас он и в самом деле ощущал себя дикарем.

– Аугментам. Ты знаешь, что такое аугментированная реальность?

– Нет, – честно признался мальчишка.

Вайми снисходительно хмыкнул, но тут же протянул ему свои «очки».

Игорь осторожно надел их. Это вроде бы были совсем обычные защитные очки – мир сквозь них виделся совершенно без искажений, но почти над каждым человеком в толпе теперь плыли какие-то надписи, рамки, значки, а направление взгляда отмечала маленькая красная точка. Это оказалось очень похоже на шлем-дисплей тяжелого пехотинца или даже на голопроектор комбраса, только, пожалуй, намного сложнее; в частности, Игорь обнаружил, что если навести точку на какой-то значок и моргнуть, то он раскрывался в полупрозрачное окошко, в котором можно было прочесть имя и профессию человека, меню ресторанчика или цены на какой-то товар. Он развлекался с этим примерно с минуту, потом у него начало рябить в глазах, и он торопливо вернул «очки» владельцу.

– Как вы тут живете? – спросил он хмуро. – У меня от такого крыша поехала бы уже на второй день.

– Это потому, что ты дикарь, – снисходительно и непосредственно, даже обидеться не получалось, заявил Вайми и тут же, без перехода, спросил: – Постой, а у вас что, такого нет?

– Такого – нет, – ответил Игорь. – Совсем.

– А как же вы узнаете тогда, как кого зовут и что сколько стоит?

– А мы спрашиваем, – просто ответил мальчишка.

Было видно, что эта идея поразила Вайми до глубины души и его товарищей тоже.

– И у вас компьютеров совсем нет? – спросил кто-то из них.

– Нет, почему, – ответил Игорь. – Есть... и очень даже хорошие, не хуже ваших – вот компьютер, например. – Он показал, вытянув руку, свой комбрас. – Просто мы пользуемся ими лишь тогда, когда это действительно нужно. А голову мусором забивать зачем?

К его удивлению, мьюри промолчали, задумавшись и даже явно нахмурившись. Вайми крутил в руках «очки», так и не решаясь их надеть, и вдруг решительно сунул их в карман. Осмотрелся, прищурившись. Потом вдруг улыбнулся – несмело, но все же...

– Странно, – сказал он, – но мне без аугментов легче думается, что ли...

– Это еще что, – снисходительно заметил Игорь. – Вот когда ты по Алтаю автономным походом пойдешь, где не только компьютеров нет, а надо еду самому добывать – вот тогда ты поймешь, что такое настоящая жизнь!

– А как это? Без компьютеров? – удивленно спросил Вайми. – А новости как узнавать?

А как самому добывать еду? А как...

Яромир начал рассказывать – Вайми слушал его, буквально развесив уши. Это, впрочем, не мешало ему тащить их за собой, показывая город, и Игорь понял, что по крайней мере один друг у них тут уже есть. На один больше нуля. То есть – много.

* * *

Как и другие интересные дни, этот растянулся, казалось, до бесконечности. Игорь с некоторым удивлением понял, что все мальчишки во Вселенной одинаковы – мьюри трещали без устали, засыпая их вопросами, часто совершенно дурацкими, по мнению землян, вплоть до: «Есть ли у вас девчонки?» – и одновременно непрерывно хвастаясь, словно все вокруг не только принадлежало им, но и было сделано лично их руками. Стоило Игорю неосторожно упомянуть, что их интересует местная техника, и землян потащили по магазинам, наперебой объясняя и ожесточенно споря, что лучше. Правда, многие вещи – вроде аналога земных комбрасов, но с дюжиной маленьких экранчиков – для общения сразу с кучей собеседников, казались Игорю бесполезными: ну в самом деле, какой смысл таскать на руке целое болтающее без умолку созвездие друзей? Хотя местные мальчишки-таки таскали и находили это интересным. Станный народ...

Другие вещи – такие, как личные генераторы силового поля, – не военные и не для особо важных персон, а для повседневного ношения простыми гражданами! – вызывали некоторую оторопь. На Земле даже идея такой штуки никому просто не пришла бы в голову, а здесь их носили многие, даже не слишком богатые мьюри!

Попадались, правда, вещи и полезные – вроде телефонов с многослойно зашифрованным сигналом – покруче иных систем военной связи! Земляне, не удержавшись, купили сразу несколько штук, хотя Вайми и отговаривал их, уверяя, что разработчики таких игрушек сплошь и рядом продают секретные ключи от своих шифров. От этой новости Игорь несколько обалдел. То, что на Земле каралось отправкой на газ – в теории, на практике нужды в таком не возникало уже века два! – здесь было «просто бизнесом». Чушь какая-то.

По ходу дела компания расширилась: к ним присоединилась еще одна парочка землян, довольно-таки необычная, надо сказать: Славка Макаров и англосакс Фрэнк Фитц-Рой, тоже пирокинетик, можно сказать, нашли друг друга и теперь почти не расставались.

Наконец мальчишки добрались и до оружейного магазина. Оружия здесь было море – от газовых баллончиков и миниатюрных шокеров до лазеров, но весь этот набор неожиданно разочаровал Игоря. В дизайне холодного оружия мьюри предпочитали сугубую функциональность, будь Игорь клинком, он бы обиделся на здешних до глубины души: едва ли не все выставленные на продажу мечи и ножи представляли собой просто косо срезанные толстые полосы бритвенно заточенной стали, а то небольшое, что выглядело лучше, было так усыпано украшениями, что годилось только для коллекции какого-нибудь не слишком разборчивого богача. Пороховые пистолеты в большинстве оказались такого калибра, что проходили скорее по разряду карманных гаубиц, и были к тому же увешаны кучей разных малополезных в реальном бою фишек, вроде фонариков, лазерных и даже оптических прицелов – не то что стрелять, таскать такую дуру с собой было бы жутко неудобно. Тем не менее в конце концов Игорь-таки высмотрел и купил один идеальный (по мнению продавца) лазерный пистолет – понятно, не армейский, а гражданскую модель, для самообороны.

Выглядело это чудо-техники потрясающе и невероятно удобно ложилось в руку, но весило едва ли не килограмма два и скорострельностью отнюдь не отличалось, хотя одно точное попадание и могло уложить на месте почти любого противника. Игорь уже знал, что лазерное оружие невероятно просто в прицеливании – луч настигал цель мгновенно, с легкостью пробивая почти любую броню, а силовые поля просто не замечал. Но оно было очень сложным и очень дорогим, мальчишка ощутил это на примере своего счета, который уменьшился весьма существенно. Ни о каком ремонте этой чуда-техники в полевых условиях не могло быть и речи – к тому же любой лазер был бесполезен против целей со специальным

отражающим покрытием, а дым и пыль в воздухе – обычные спутники боя! – уменьшали радиус эффективного поражения почти до нуля. В общем, Игорь не сомневался, что в настоящем бою он бы спокойно вышел со своей плазмой против бойца с лазером – и победил...

...В конце концов он устал окончательно – не физически, укатать легкой прогулкой земного мальчишку-лицеиста было очень даже непросто! – а от царившего вокруг шума, постоянного мельтешения рекламы и бессмысленной, по его мнению, суеты. Заметив это, мьюри затащили землян в подростковый клуб, как Игорь понял сперва, аналог земных молодежных центров отдыха – чтобы «развлекаться». Но один вид этого полутемного, полного дыма, невероятно шумного помещения едва не сразил Сурядова наповал. Здесь было полно подростков обоего (а то и вовсе непонятного) пола – как в ярко-ядовитом, как здесь говорили «кислотного цвета», тряпье, так и почти совсем голых. Центр зала занимала сцена, на которой какие-то тощие девчонки дергались так, словно их било током.

Судя по одежде, собрались здесь не самые бедные обитатели Йенно Мьюри и развлекались они тут всю. Некоторые – явно пьяные или принявшие наркотики, *дурь* (как тут это называется?), но большинство все-таки казались достаточно вменяемыми. Что землян на самом деле поразило, так это как их тут встретили: буквально валом хохота и презрительных насмешек. Большинство собравшихся были воспитаны отвратительно, а скорее, не воспитаны вообще. На Земле мальчишки и девчонки были очень любопытны, но никому из них не пришло бы в голову нарочито громкими и презрительными замечаниями в адрес гостей скрывать зависть и комплексы неполноценности. Открыто оскорблять даже того, кто тебе не нравится, при первой же встрече вообще считалось настолько дурным тоном, что позволивший себе такое в компании мальчишек рисковал надолго стать изгоем. Если кто-то вызывал у тебя неприязнь, ему можно было просто предложить подраться, но не оскорблять – да еще из толпы, понимая, что ответить тебе не могут.

Особенно усердствовали двое на удивление толстых пацанов с крашенными в разный цвет волосами, которые даже влезли на декоративную решетку, словно обезьяны, чтобы их отовсюду было видно. Они изощрались в оскорблениях и сравнениях, заходясь хохотом над своими же дурацкими шутками, так, что у Игоря появилось здоровое желание допрыгнуть до них (с упором и кувырком можно) и показательно набить обоим морды. Но это намерение – к счастью для шутников – так и не дозрело до решимости. Оба малолетних нахала вдруг с воплями соскочили с решетки и грохнулись на пол, подвывая и тряся обожженными руками, а ее часть, за которую они держались, неожиданно приобрела красноватый цвет раскаленного металла.

В зале воцарилось удивленное и испуганное молчание, а потом снова раздался смех. Смеялись на этот раз не над землянами – еще двое ребят, ровесники первых, стоя плечом к плечу чуть в стороне, высмеивали обжегшихся, которые принялись – на взгляд Игоря, слишком уж надрывно – плакаться над своими ожогами. Эти мальчишки были одеты вполне нормально – в местные джинсы, футболки и легкие сандалии – и смотрели на землян с явным интересом. Игорь помахал им рукой – чего, мол, стойте, подходите и знакомьтесь, и мьюри подошли. Теперь их было уже одиннадцать – достаточно большая компания, чтобы не задирать ее, и все оставили их в покое.

Земляне и мьюри как ни в чем не бывало заняли два свободных столика. Еду им подали такую, что Игорь ее только попробовал – слишком уж тут все отдавало дешевой химией, причем со сногшибательной явностью. «Их» мьюри тоже не слишком на нее налегали – как рассказал Вайми, в таких вот заведениях только перекусывали, да и вообще, в общественных местах тут питались лишь те, кто не мог заказать на дом нормальную, но и дорогую – еду. Теперь Игорь понимал, откуда тут столько не по годам упитанных малолеток и настоящих маленьких толстяков – зрелище отвратительное до тошноты. Впрочем, хватало и крепких, подтянутых ребят, которые явно заботились о себе. Правда, какова цель этой заботы? Игорь рассматривал свое тело как нужный инструмент, но из разговоров с мьюри успел понять, что тут очень многие больше озабочены «формой», позволявшей получить работу попрестижнее

да прожить подольше. Убогие задачи...

Вечер определенно удался, хотя отдыхом его Игорь не назвал бы. Вопросы на землян сыпались буквально градом, и большая их часть была, увы, порождена таким дремучим невежеством, что подошла бы живущим в глухом лесу пятилеткам, а не почти взрослым парням, чуть ли не в три раза старше. В самом деле, разве стал бы даже такой малыш спрашивать, сколько рабов имеет каждый земной дворянин? Или сколько дворяне содержат наложниц? У землян такие вопросы вызывали лишь хохот, но вот от того, какой образ Земли рисует местная пропаганда, смеяться Игорю совсем не хотелось, и он видел, что Яромир все это скрупулезно запоминает. Ночью будем писать отчет, понял Игорь. Надо, надо... Да, это все дикая чушь, разоблачить которую пара пустяков, но здесь к каждому-то не подойдешь, не объяснишь, что к чему – а если бы Игорю рассказали про такое государство, каким представляла здесь Русская Империя, он сам пошел бы воевать с ним с большим удовольствием... И считал бы, что уничтожает гнездо разврата, нищеты, деспотизма и темных сил... На Земле давно не лгали в отношении инопланетян, даже потенциальных или реальных врагов – исключением была военная пропаганда, направленная на самого же врага. Какой смысл во вранье, если бездны информации доступны любому, только руку протяни? Конечно, землянин мог удивиться какому-то странному обычаю, посмеяться над ним, а то и искренне возмутиться, и даже «принять меры воздействия», но только после пристального знакомства: так ли уж нелепо это для этой расы?

Под конец юные мьюри упростили землян показать им «фокусы», и теперь со столика на столик перелетали огненные спирали и шары, то распадаясь на струи пламенного дождя, то свиваясь в бурные потоки. Славка и Фрэнк обменивались «приветами», стараясь изо всех сил. Игорь подумал, что утром их придется поднимать с постелей домкратами, после чего за завтраком они станут трудиться как пищесборники. Пирокинез в таких масштабах штука захватывающая – и очень и очень выматывающая. Мьюри наблюдали – в зал набились целая толпа, в которой уже было немало и взрослых, привлеченных зрелищем с улицы.

Игорь поморщился – вот и такого на Земле не может быть. Ну прилетели. Ну чужие. Ну фокусы разные показывают, которые, кстати, и не фокусы совсем... Но стоять, раскрыв рот, и глазеть на них беззастенчиво – бестактно, а главное – просто глупо... Впрочем, он знал, что подобное распространено на многих планетах, и делегаты некоторых, из «значительных лиц», прибывая на Землю, просто-напросто оскорбляются поведением хозяев – а где зеваки, где постоянное внимание, где толпы на улицах?! В то же время когда один из лучших – и пока что немногих! – звездолетчиков-шэни, Сааваро Садго Тридцать Шестой, побывал на Земле, обставив свой визит с привычной для этой расы скромностью, то был удивлен, что его встречали повсюду множество людей, узнававших отважного шэни в лицо, спешивших сказать ему несколько слов ободрения, восхищенных им мальчишек (и девчонок!), взрослых, готовых прямо сейчас отправиться на его родную Брэссудзу и помочь отстаивать идею звездоплавания словом и делом... «Я убежден, – говорил потом Сааваро Садго Тридцать Шестой у себя на родине, – что в известной нам части Галактики нет народа, более гостеприимного и в то же время тактичного, чем земляне. Никто не сочетает этих качеств так органично, как они, и я уверен, что такими сделала их мечта о звездах – невозможно оставаться унылым интровертом либо превратиться в назойливого глупца, если тебя ведет их свет!»

Игорю всегда нравились эти слова, и он гордился, что слова были сказаны о его земляках. Но ведь и мьюри летают к звездам... И что? Может быть, шэни ошибался, как ни приятно для землян звучали его слова?

* * *

– Ну как, орлы, порезвились?

Мальчишки промолчали, опуская глаза. К челноку, а с ним в посольство вернулись все и вовремя, но форма на некоторых была в сильном беспорядке, а нагружены покупками

оказались все. Приключения разного плана тоже были почти у всех. Тиудира и Раймара попытались ограбить двое местных отморожков – земляне, естественно, не пострадали, зато местные «разбогатели» на три сломанные руки, восемь выбитых зубов и нудно прочитанную Раймаром лекцию (на немецком!!!) на тему, «как следует вести себя в общественных местах с благородными носителями шпаги» (судя по сделанной Тиудиром записи, избитые грабители-неудачники решили, что нарвались на сумасшедших, и только послушно кивали, прижавшись друг к другу). К Данчо и Мариану пристал с назойливыми и денежными предложениями какой-то извращенец – его пришлось поместить в клинику для основательной реконструкции лица («Раз ему денег девать некуда, пусть на свое здоровье потратит», – пояснил Данчо, а Мариан гордо заявил, что приставали к нему, потому что он красивей). Мирослав и Белозерский Андрей триумфально притащили тяжеленную снайперскую винтовку, купленную где-то на черном рынке – черт знает, где им удалось найти продавца и как их с этой дурой не замела вездесущая здешняя полиция. Антон и Андрюшка Ворожеев ухитрились разбить гоночный свуп, который взяли в аренду покататься. (Ворожеев никогда не оставлял исполнение мечты надолго.) Федор и Владимир близко познакомились с местными девчонками и не допустили перехода событий в горизонталь лишь благодаря могучим усилиям воли. Многим пришлось-таки иметь дело с корреспондентами. Ну а сам Игорь...

– Решили аниу попутать? – обманчиво мягко спросил Макаров. – А вы знаете, что они сегодня убили двадцать семь мьюри – просто потому, что кучка местных, пацанов совсем, обкуренных – не убралась с их дороги? Пополам порезали, а заодно и тех, кто стоял за ними. Лицеист Сурядов, вы считаете, что ваша безвременная кончина принесет пользу Империи?

– Никак нет, Андрей Данилович, – спокойно ответил Игорь. – Но моя трусость принесла бы ее еще меньше.

– Дорогу уступить – не трусость, а простая вежливость, – ответил полковник. – И ссоры с незнакомцами заводить, да еще и на пустом месте – не дело. Еще вопросы есть?

– Есть, Андрей Данилович, – сказал Игорь.

Полковник хмыкнул, глядя на мальчишку сверху вниз.

– Интересно. Задавай.

– Андрей Данилович, а почему аниу это делают? – спросил Игорь. – То есть не так: почему – я как раз понимаю, если бы у меня на родине такое вот творилось – у меня тоже нервы не выдержали бы. Но вот почему мьюри это им разрешают? Пусть убитые сами виноваты, пусть они гады, но они же свои, а своих надо защищать.

– Защищать... – Полковник прошелся перед строем. – Да не хочет тут никто таких вот... защищать. Полиция – точно, ей от таких вот кадров одна сплошная головная боль, а другие бандиты – ну так на луч им нарываться неохота, они только с беззащитными храбрые. А корпорациям ссориться с аниу – страшно. Вы корабли их видели? А это ведь транспорты, это даже не боевые – те сейчас болтаются на окраине системы, их там двенадцать штук. Каждый такой корабль весит больше триллиона тонн, а его мощность... ну, скажем так, на полном ходу его реакторы превращают в энергию свыше тридцати тысяч тонн материи в секунду. Я полагаю, лицеист Сурядов, вам не составит труда пересчитать, сколько это будет в киловатт-часах или в джоулях?

– Не составит, – ответил мальчишка. Он уже прикинул – цифра получалась впечатляющая, с двумя десятками нулей.

– Все корабли аниу оснащены фотонными двигателями – причем крейсер способен сфокусировать всю эту мощность в суперлазерном луче, поражающем цель на огромном расстоянии. Сверх того, этот крейсер закован в нейтрид, а значит, почти неуязвим. И таких крейсеров у аниу – не дюжина, даже не сотня, но около трех с половиной тысяч.

– Но я все-таки не понимаю, – пожаловался мальчишка. – Вот была Первая Галактическая Война. Разве нас, землян, тогда останавливало, что противник сильнее?

Полковник вздохнул.

– Нет. Нас – нет. Но у мьюри – цивилизация выгоды. А сотрудничество с аниу им очень

даже выгодно – вся экономика мьюри построена на их гравиприводах. Кроме того, влиятельные... люди от выходок аниу не страдают – они либо ведут себя сдержанно, либо не пересекаются с ними вообще. А судьба отдельных отморожков, как я уже сказал, тут никого особо не волнует.

– Андрей Данилович, а почему между мьюри и аниу такая разница в развитии? – спросил Игорь. – Ведь один же народ, у них и государства всего пятьсот лет назад разделились...

– Это, лицеист Сурядов, – полковник покачался с носков на пятки, – общественный строй. У мьюри – капитализм, причем самый дикий. У аниу – коммунизм. Надеюсь, что вам не нужно объяснять, какой строй эффективнее?

– Не нужно, Андрей Данилович, – ответил мальчишка. В самом деле, ежу было понятно, что общество, которое главным приоритетом поставило развитие – причем как в личном, так и в общественном смысле, – в два счета обгонит общество, которое почти все силы тратит на борьбу с самим собой, а долговременной стратегии развития не имеет в принципе.

– Хорошо, – согласился полковник. – Раз уж ты такой любопытный, завтра утром представишь мне доклад о расе аниу. Источники можешь использовать любые. Понятно?

– Понятно, Андрей Данилович! – Игорь щелкнул каблуками и вытянулся. Ну что ж, это дело интересное, и есть законный повод сказать Яромиру, что отчет о настроениях местных – не самое приятное, надо сказать, занятие – он будет писать один...

– Так, с этим покончили. Лицеист Шомберг!

– Я! – Яромир тоже вытянулся.

– Боюсь, что я переоценил ваше благоразумие, сударь. Вы уверены, что, хвастаясь достижениями вашей Родины – не вашими достижениями, сударь! – вы не сказали ничего такого, что бы пошло ей во вред?

– Уверен, Андрей Данилович!

– Гм... ну ладно, – смягчился полковник. – Интересных вы ребят нашли, весьма интересных... Лицеист Макаров!

– Й-й-й-йа! – лихо проорал Славка, озорно сверкая зелеными глазами под фыркание друзей.

– Устроенная вами демонстрация была весьма показательна, но на нее смотрело слишком много не слишком дружелюбных глаз. Для профилактики – два рабочих часа в личное время!

– Ййййесть двабочсавлчинэремя! – оттарабанил мальчишка.

– Теперь все. Свободны. Разойтись!

* * *

После ужина Игорь завалился спать в силовые поля, которые его вчера так нервировали, заказав себе проснуться через четыре часа – хватит, чтобы отдохнуть. Проснулся, как и уснул – незаметно и мгновенно, не скажешь, спал или нет. Но воцарившаяся тишина говорила – спал, и сейчас ночь.

Он поднялся, сходил в душ, потом тщательно размялся, прогоняя остатки сна из каждой мышцы. Высунулся в коридор, поблуждал по нему, убедившись, что не спят во многих номерах. С нижнего этажа его непреклонно завернул преображенец – Игорь успел заметить, что там работают практически во всех помещениях. По сравнению с этим этаж мальчишек казался сонным царством, и Игорь, в очередной раз убедившись, что взрослый мир несправедлив, вернулся в номер. Он хотел открыть окно, но никаких окон тут не было и в помине, все наружные стены из глухой брони, словно в танке. Недобрым словом помянув здешних строителей-параноиков, Игорь поднялся на крышу.

Ночной воздух был теплым, насыщенным влагой и дурманными ароматами здешних цветов. Почти никакого шума сюда не доносилось, по небу переливалось что-то похожее на

земное северное сияние – полосы холодного света. Игорь подышал как следует и, сделав еще несколько энергичных движений руками перед грудью, уселся на полу со скрещенными ногами – писать отчет. Правда, сказать по чести, сначала он взгрустнул по дому и по маме. Грусть пришла незваная, и гнать ее не хотелось. Закрыв глаза, мальчишка попытался представить себе то расстояние, которое их разделяет, – и вздрогнул. Нет уж, лучше про это и не думать. Это все-таки слишком для человеческого сознания. Да и сама Земля все-таки такая маленькая – даже со всеми колониями, со всеми союзниками...

«Игорь, а ну-ка, соберись!» – услышал он строгий голос Велины Целимировны и заозирался изумленно.

Конечно, вокруг никого не было. Но... он слышал ее голос!

– Понял, мама, – серьезно сказал он. И включил в комбрасе, среди любимых старых музыкальных записей, одну – не слушал уже давно...

Задорный мальчишеский голос возник в каналах направленного звука... А потом появилось и изображение, которое Игорь смоделировал сам, как представлял себе – курносый мальчишка помладше него, Игоря, плохо одетый, с сумкой на плече, шагал босиком по летней полевой дороге и весело распевал:

Кто бы что ни говорил там —
Выход есть наверняка
Из любого лабиринта,
Из любого тупика!
Есть неведомая сила —
Чтобы нам, беде назло,
Все прощалось и сходило,
Удавалось и везло!

Голос менялся на мужской:

Лишь одно меня пугает,
Лишь одно мешает спать —
Вдруг да то, что помогает,
Перестанет помогать?!
Может, с нами силе этой
Вдруг возиться надоест,
Вдруг она заклинит где-то
Иль откажет наотрез?

Мальчишка, насмешливо кивавший все это время, врезался своим пением в опасения невидимого взрослого:

Кто бы что ни говорил там —
Выход есть у нас пока
Из любого лабиринта,
Из любого тупика!
Ну и пусть заклинит где-то,
Ну и пусть откажет чуть!
Мы-то знаем, что и это
Обойдется как-нибудь!

Игорь открыл рабочий файл и сосредоточился...

Золотой Народ/аниу/айа

Гуманоиды, средний рост около 1,8 м. Стройные создания неземной красоты и как правило неопределимого пола, с тяжелыми гривами черных блестящих волос и длинными зеркальными глазами, одеваются в переливчато-разноцветные «облака» (состоящие из силовых полей), носят множество украшений. Общественный строй – коммунистический. Из-за постоянных нападений Богомоллов и других машинных рас на населенные планеты обитают в основном в космическом пространстве. Общая численность расы – 24 миллиарда.

Пройдя ряд генетических и нанотехнологических модификаций, аниу стали весьма сообразительны и превосходно развились физически. Уникальная биотехнология позволила им достичь индивидуального бессмертия и вечной юности, однако она не может обеспечить им неуязвимость. Они стараются любой ценой избежать личной встречи с врагом, для чего создали множество автоматических боевых механизмов. У аниу также прекрасно развита технология защитных полей и других оборонительных приспособлений.

Государство: Союз Многообразий:

Формально представляет собой равноправное объединение 208 разумных рас общей численностью в 960 миллиардов особей, но одна из них (аниу) неизмеримо сильнее всех прочих. Цель создания Союза довольно трудно понять: он не приносит аниу ничего, кроме забот и расходов. Упоение деспотизмом здесь отсутствует тоже: если младшие расы ведут себя как аниу, то могут делать буквально все, что придет им в голову – в точности, как их хозяева. Отказы чрезвычайно редки: главным оружием аниу в отношении младших рас является обещание (всегда и неизменно выполняемое) бессмертия в обмен на верность и покорность.

Армия аниу:

Официально – Объединенная армия Союза аниу. Традиционно делится на 5 видов: Милиция, Пастухи, Миротворцы, Звездный Флот и ОсНаз.

Милиция – формирования, следящие за порядком на борту кораблей и в поселениях аниу. Набираются из морально устойчивых особей. Общая численность – 80 млн. Их основной задачей является пресечение излишне буйных или непристойных забав, причем скучать им не приходится.

Следует отметить, что любой аниу снабжен силовым щитом и системой квантовой связи, и то, что представители других рас принимают за украшения, часто является элементами этих полезных устройств.

Личные щиты аниу неуязвимы для большинства видов ручного оружия и оснащены интеллектуальным управлением, т.е. их можно носить постоянно поднятыми и даже не замечать. Они заменяют аниу теплую одежду (и одежду вообще), при необходимости – обувь, а также постель, палатку и т.п.

Пастухи – «контора глубокого бурения», следящая за неизменностью политического курса аниу и других членов Союза. Традиционное вооружение – парализатор и ласса (генератор ощущений). Общая численность – 144 млн.

Несмотря на свое революционное прошлое, современные аниу очень социальные. Их общественная структура столь подвижна, а рамки личной свободы столь широки, что само понятие оппозиции становится у них весьма расплывчатым. На любое вмешательство Пастухов аниу смотрят косо, как на нечто излишнее, и в основном те «окучивают» младшие расы. Следует также отметить, что аниу владеют техникой перестройки сознания и могут изменять его в любом направлении, так что никаких наказаний у них нет – только «лечение».

Миротворцы – отряды для наземных боевых действий, официально именуются «гуманитарными силами». В бою носят сандалии на босу ногу и короткие туники из коричневых композитных пластин, разделенных светящимися полосами. Они одновременно являются броней и генераторами защитного поля. Вооружены тяжелыми бластерами, мультилазерами, парализаторами и парящими щитовыми генераторами Мини Гет (один на 12 аниу). Организованы по армейскому образцу, основные единицы – батальон (360 аниу),

бригада (3600 аниу) и дивизия (10 800 аниу). Основная их задача – насаждение культуры Союза в слаборазвитых мирах, где раздача «гуманитарной помощи», пропаганда, разного рода обучение и т.п. несравненно эффективнее, чем боевые действия. Имеют свой флот из 102 десантных кораблей, несущих по 740 «миротворческих» дивизий. Обычно Миротворцы действуют в составе множества автономных отрядов по 72–180 аниу. Их общая численность достигает 820 млн.

Стратегия аниу основана на войне в космосе и из космоса. Их наземные силы практически не ведут боевых действий, ввиду чего их подготовка оставляет желать много лучшего. Несмотря на мощное вооружение, Миротворцы трусоваты и умеют сражаться лишь достаточно большими группами, что, ввиду их многочисленности и превосходства в защите, т.е. установок Мини-Гет и надежных личных щитов, как правило, неплохо им удается. Первая же потеря, как правило, ведет к паническому бегству (и к тому, что по врагу начинают бить часто неадекватно сильными средствами). В одиночку, как бойцы, аниу не стоят почти ничего, но если дело доходит до крайности, отдельные их особи могут проявить невероятную хитрость, соединяя ее с природной дикой яростью в совершенно убойную смесь. Попад в плен, аниу обнаруживают невероятную изворотливость и (опасаясь пыток) могут очень неприятно удивить врага своей готовностью погибнуть вместе с ним.

Звездный Флот – высокопрофессиональная гильдия, объединяющая экипажи и строителей космических кораблей. Фактически – единственный вид вооруженных сил аниу, обладающий реальной (и очень большой) боевой мощью. Впрочем, аниу очень ценят свои жизни, и потери, даже самые небольшие, скорее всего приведут к панике и бегству с поля боя. Общая численность Гильдии – 488 млн.

ОсНаз – официально не существует. Занимается внедрением культуры Союза в те миры, где официально это невозможно, а также уничтожением культур или частей культур, существование которых вызывает у аниу особое раздражение. Имеет свой звездный флот (12 тяжелых крейсеров) и специально подготовленные наземные отряды. Они набираются из тех, кто всегда готов убивать во имя светлой цели или без нее. Они отличаются коварством и фанатичной беспощадностью. Каждый боец ОсНаз в дополнение к личному щиту имеет парящий генератор Мини-Гет, вооруженный к тому же смертоносной дисрапторной пушкой. Общая численность – 20 млн.

Флот аниу насчитывает 6800 кораблей-разведчиков, 3964 легких и 3409 тяжелых крейсеров, 2241 жилой корабль класса «Тайат», 80 легких и 17 тяжелых авианосцев, 102 десантных транспорта, 82 мобильные базовые станции. Также аниу имеют 18 союзников...

... – Держи! – подкравшийся сзади с видом заговорщика Андрюшка Ворожеев метнул Игорю бутерброд – два куска хлеба с горчицей и полтавским соленым салом. Игорь поймал неожиданный подарок, а Андрюшка, насвистывая и шлепая босыми ногами, подошел и уселся рядом. – Мы с поручиком Волошиным покупки сортировали, – сообщил он, – не представляешь, сколько всего натащили за день, половина вообще непонятные вещи... А потом я воздухом подышать сюда пошел, вижу, тут ты сидишь, работаешь... Что делаешь-то, отчет по аниу?

– Угу. – За время этого короткого рассказа Игорь успел проглотить весь бутерброд и сейчас широко дышал открытым ртом, смагивая с глаз слезы. – Ты где горчицу взял?!

– Там же, где все остальное, – хихикнул Андрюшка. – Внизу на кухне стирал, все равно поварам не до таких мелочей, они на завтра презентацию готовят во весь парадный стол. Кое-что из этой еды, – он трагично понизил голос, – даже ползает и пищит. Неужели прямо так есть будут – у кого, интересно, такие вкусы?!

– А нам не все равно? – хмыкнул Игорь. И добавил: – Мир мал, а Россия – велика! – а потом чувствительно толкнул Ворожеева в плечо.

И разлегся на полу, глядя в сумрачное чужое небо.

8. Калейдоскоп миров

Когда Игорь увидел сверху Ярмарку, то был поражен.

Территория размером с Великий Новгород была покрыта сплошной шевелящейся массой гостей. Тут и там – кольцами, овалами, ромбами – располагались цирки, арены, стадионы. В воздухе было посвободней, чем обычно у мьюри, зато на земле бесконечно змеились на нескольких уровнях, взметываясь на многометровую высоту и пропадая под землю, бегущие дорожки. Над Ярмаркой плясали, сталкивались, искрили, взрывались и сыпались огнепадом рекламы.

Лицеистов предупредили, что вначале в течение нескольких дней на Ярмарке демонстрируются, так сказать, «культурные программы» гостей и хозяев, потому желающие могут остаться в посольстве. Но это было чистой формальностью – во-первых, из числа мальчишек кое-кто тоже участвовал в этих программах, и для них сегодняшний день был первым рабочим днем, а во-вторых, глупо было бы сидеть в четырех стенах среди назойливых голограмм, когда можно увидеть выступления обитателей пол-Галактики! Проще говоря, на Ярмарку прилетели все. Не только мальчишки – все, кто был свободен (среди взрослых, если не считать выступавших, таких оказалось немного, и Игорь подозревал всерьез, что их «свобода» – тоже работа, только тихая).

На этот раз никто даже не стал ни о чем мальчишек предупреждать – им просто предоставили полную свободу искать себе «хлеба и зрелищ». Игорь и Яромир вообще-то договаривались с Вайми и его компанией, что «где-нибудь там» встретятся, но Яромира Игорь потерял почти сразу и не очень искал. Особых опасностей в отличие от улиц городов Ярмарка не таила – тут и там среди толп шагали по трое охранники-мьюри, и не «для престижа». Когда собирается такое количество разумных, среди которых множество готовых порвать друг другу глотки (или что там жизненно важное есть?) за старые обиды, лучше сделать так, чтобы подобной возможности – а с нею новых обид – просто не возникло. Власти мьюри честно предупреждали всех, что в случае конфликта охранникам дан приказ применять любые меры к участникам такового. Поэтому Игорь вполне мирно разошелся с двумя джаго, посмотревшими на юного землянина глазами гиен – трусливо, зло, несыто. Кажется, они смотрели еще и вслед, готовые при первой возможности разорвать землянина в клочки. Уходя, Игорь ощущал их взгляды спиной и вспоминал, как по строчкам читал:

Джаго

Джаго – гуманоиды и выглядят весьма похоже на людей. Ясно видимых анатомических отличий, за исключением голых черепов, нет. На уровне строения и расположения внутренних органов различия также мало заметны, однако анализ ДНК показывает, что к мьюри, сторкам, джангри и людям, т.е. к потомкам Рейнджерсов, джаго не имеют никакого отношения: это существа совершенно иного генетического происхождения.

Морфологически джаго отличаются от людей большим ростом и весом (2 м/100 кг), а также черным (с оттеночными вариациями) цветом кожи. Внешне они весьма похожи на ныне вымерших высокорослых коренных жителей Африки, но туловище джаго напоминает туловище крупного примата из семейства горилл. Соответственно, у джаго типично обезьяний нос с «вывернутыми» ноздрями и другие поразительно схожие анатомические признаки крупных земных приматов.

Психологически джаго также достаточно схожи с людьми, однако в начале Галактической Эры (до начала активной эволюции Человека Космического) несколько превосходили их по силе и умственным способностям (за счет большей массы мозга) и относились к своим «младшим братьям» с брезгливым презрением.

Джаго – холодные и расчетливые эгоисты, превыше всего ставящие личную выгоду. Их культура – капиталистическая, основанная на жесткой конкуренции. В обществе джаго все продается и все покупается. Они имеют свой аналог наследственной аристократии,

однако большая часть народа стоит на весьма низком уровне развития. Они часто грубы, распутны, злы и имеют в целом очень мало положительных качеств с точки зрения землянина.

Джаго – одна из самых многочисленных рас Местной Зоны: они населяют тридцать планет, а их общая численность достигает двадцати миллиардов. Для их общества характерно безудержное размножение, постоянная перенаселенность – и, как следствие, очень малая цена жизни любого представителя низших слоев общества. Во время войны джаго предпочитают изнурять противника непрерывными атаками, буквально заваливая его своими трупами. Также с определенного момента Первой Галактической Войны они стали печально известны беспощадным истреблением любой разумной жизни на всех планетах, которые им удавалось захватить.

С древнейших времен джаго также известны жесточайшей враждой с Империей Сторкад, отношения с которой представляют собой почти непрерывную череду войн, фактически прекратившихся лишь в период Первой Галактической. В настоящее время эта раса находится в союзнических отношениях с Йэнно Мьюри, однако отношения между союзниками весьма натянутые, а отношение к джаго у мьюри презрительное и часто откровенно враждебное, что связано во многом с торговой конкуренцией рас и неприязнью мьюри к внешнему виду джаго...

Джаго действительно превосходные торговцы, лишенные, однако, земных представлений о морали. Они агрессивны, но нападают, как правило, только в тех случаях, когда могут получить выгоду и уверены в превосходстве над жертвой. В других ситуациях откровенно трусливы. В принципе, с джаго вполне можно общаться и вести дела, однако следует делать поправку на их корыстный менталитет и жесткую культуру. При наличии взаимного интереса и особенно при явном перевесе сил общение с джаго не представляет сложности...

Но он быстро выбросил встречу из головы – слишком много вокруг было настоящего интересного. К удивлению Игоря, иномирянам было что показать, но мальчишка иногда не знал, смеяться ему или плакать оттого, что они нередко считали самым ярким и выразительным в своих культурах. Увиденное воочию, это все привлекало куда больше самых совершенных фильмов. Джангри, например, придали сцене вид роскошного луга своей планеты на закате. На нем кружились десятка два рослых, крепких девчонок, всего лет по семнадцати. Внешне джангри почти ничем не отличались от мьюри, то есть были не по-земному, но очень красивы. Тяжелые черные волосы танцовщиц доходили до поясов, светлая кожа серебрилась в коричневатом сиянии поддельного заката. Их головы были увенчаны большими венками из ночных цветов – даже издали Игорь чувствовал одуряющий аромат, похожий на аромат земных магнолий (от которого, как известно, можно не проснуться, если уснешь в одной комнате с таким букетом). Круглые лица с пухлыми губами, широковатыми, плоскими – не как у мьюри – носами и длинными, косо посаженными глазами хранили высокомерное выражение. Зыбкий серебристый свет отблескивал на их округлых плечах, высокой и крепкой неприкрытой груди, мускулистых гладких животах. Единственное одеяние танцовщиц составляли бисерные браслеты на запястьях и щиколотках и такие же пояски, низко лежавшие на крутых бедрах. С них до середины икр свисали пестрые цепочки бус, не скрывавших ни сильных стройных ног, ни тугих изгибов ягодиц, ни даже темных треугольников внизу живота. Узкие, изящные босые ступни словно ласкали пышную холодную траву.

Мальчишка, словно замороженный, смотрел на них. Да, вот это было красиво! Странно, если тут умеют так танцевать – кому нужна та – как ее? – порнография? Или на Джангре как раз ее нет? А девушки грациозно покачивали бедрами, сомкнув руки над головой, кружились парами, вдруг крепко прижимаясь друг к другу и резко расходясь в стороны. Их танец казался текучим, бесконечно рассыпавшимся и вновь рождавшимся узором – и этим, как ни смешно, в чем-то напоминал русские танцы. Игорь готов был смотреть на него до утра, но

выступление, к сожалению, закончилось... и ненасытное мальчишеское любопытство потянуло его в павильон хозяев Ярмарки.

Мьюри решили не заморачиваться с декорациями – оставили лишь эллиптическую сцену, закрыв ее, правда, силовым щитом. Там беззвучно кружились и танцевали босые девушки – смугло-золотистые, ловкие и крепкие. На них были лишь серебряные браслеты и пояски со свисающими на бедра цепочками. Игоря поразило совершенство их пропорций – груди у них были высокими и полукруглыми, изгибы широких бедер – безупречно выпуклыми. Гривы тяжелых волос метались, словно черное пламя. Под слабо колебавшейся поверхностью поля их танец казался каким-то древним видением. Однозначно чужим для русского – но не чуждым, красивым... Чем дольше Игорь смотрел, тем больше ему казалось, что он, черт побери, уже видел такое... когда-то, где-то, во сне?!

Несколько ошалев, он разглядел, как на сцену вышли аниу – тоже, разумеется, девушки. Они со смехом кружились по ней, то ли танцуя, то ли играя в прятки друг с другом. Одеты эти новые выступающие были в украшенные узором сине-белых светящихся линий просторные туники, состоящие из сложно вырезанных матовых и полупрозрачных сегментов. Казалось, что девушки не обращают ни малейшего внимания на зрителей.

Одна из девушек вдруг прыгнула, сжавшись в тугой вертящийся комочек, и ловко приземлилась на ноги – вроде бы ничего особенного, если не считать, что прыжок вознес ее на высоту второго этажа, и она перекувырнулась в воздухе дюжину раз за две секунды. Приземление с такой высоты тоже не заставило ее ни на миг сбиться с безупречного ритма танцевальных движений, вслед за ней прыгать так начали и другие.

Игорь поежился – он не хотел бы сойтись в поединке даже с одной такой девчонкой. Сила и скорость реакции аниу намного превосходили человеческие, но он уже знал, что все эти качества аниу получили с помощью генных модификаций, а также вживленных в тело наноботов, которые и формировали в нем магнитную силовую сеть. Телам это никак не шло на пользу – каждые десять лет их приходилось заменять – а представить, что станет с аниу, если наноботы выйдут из-под контроля, было совсем несложно. Несложно. Но страшно. Игорь ни за что не согласился бы на такие «улучшения» – не хватало еще, чтобы в нем жило что-то столь откровенно чужое! – да и не хотел он достижений, в которых не было его личной заслуги. Аниу получили свое превосходство готовым, сразу, а доставшееся даром не стоит ничего, как известно. Тем не менее он не удержался от восхищенных аплодисментов, которые поддерживали не только люди, но и инопланетяне – из тех, кто был знаком с этим земным обычаем.

– Землянин! Игорь! Эгей!

Он обернулся на оклик и ответно замахал рукой, улыбаясь. К нему пробирались через толпу старый знакомый Вайми и еще двое мальчишек и две девчонки – все улыбающиеся во весь рот.

– Привет! – Игорь протянул руку. Вайми крепко ее сжал, тряхнул первым, старательно сказал по-русски:

– Срррауустууй, – и полез обниматься с явным намерением поцеловать землянина.

Игорь со смехом увернулся:

– Я прочитал, что у вас так здороваются, – обиделся мьюри. – В серьезной книжке! – и добавил честно: – Очень удивился, правда.

– Здороваются, если старые друзья, – пояснил Игорь. – Мы только что прилетели, а вы тут давно?

– С самого утра, – сказала одна из девушек. – Столько всего обошли и объехали, а почти ничего не видели.

– Я хочу скиуттов глянуть, – предложил Игорь, и ему никто не возразил – скиутты так скиутты, почему нет?

Они зашагали дальше вместе. Довольно странная вообще-то компания: лохматые, весьма вольно одетые мьюри – и земной лицеист: коротко стриженный, в зеленом френче с черно-алыми обшлагами и петлицами и черным ремнем, зеленых штанах с алым тонким

лампасом, начищенных черных ботинках и зеленой «марковке» с черным околышем и алыми выпушками. Впрочем, вокруг было столько намного более удивительных групп, что никто особо и не смотрел на шестерых ребят. Они просто сделались частичкой живых потоков, струящихся во всех направлениях.

– Вот тут скиутты выступают! – Вайми, поколдовав над какой-то схемой, воспарившей прямо перед ним в воздухе, ткнул большим пальцем в сторону – через плечо. Через арочный проем, в котором задерживаться было нельзя, – охрана следила, чтобы не возникало «пробок», – они вошли на галерею, по которой можно было двигаться вокруг всего амфитеатра. Но с краю галереи стояли зрители, и компания протиснулась к ограждению. Внизу как раз начинался один из номеров скиуттской программы. Игорь с интересом глядел на сцену, вспоминая, что знает о скиуттах...

Скиутты:

Скиутты – одна из самых многочисленных рас в Местной Зоне, но она разделена на множество частей. Официальное государство Скиутта включает лишь четверть всего народа скиуттов. Самая большая часть, почти треть, до сих пор служит Империи Сторкад, пятая часть проживает в пределах земных Империй и составляет мощный политический блок, который держит в постоянном напряжении отношения между Землей и сторками. Остальные скиутты проживают во всей Местной Зоне как граждане других империй. Многие – наемные солдаты, кочующие от одной системы к другой в поисках работы. Некоторые промышляют пиратством и контрабандой, многими крупными преступными группировками в Местной Зоне управляют именно скиутты – к таковым, впрочем, в отличие от «классических» пиратов и контрабандистов (эти занятия считаются «истинно мужскими»), их родные кланы относятся с откровенным презрением.

Хотя семья и играет важную роль в их обществе, скиутты предпочитают вести клановый образ жизни. Клан может иметь любое количество членов, но в основном его размеры диктуются их основной деятельностью. Одни из кланов занимаются сельским хозяйством и индустрией на планетах, другие, путешествующие по галактике, торгуют, грабят и т.п. В недавнем прошлом кланы постоянно воевали между собой. Однако сейчас скиутты прекратили междоусобицы и представляют единую империю, хотя все еще продолжают поддерживать свои клановые традиции.

Когда-то государство скиуттов было велико, они процветали, и уровень технологического развития был довольно высок. Но позже скиутты были разгромлены сторками, и на долгие столетия превратились в «пушечное мясо», они воевали и работали на благо захватчиков.

Народ:

Скиутты решительны и обладают огромным чувством индивидуальности. Они крепче и крупнее, чем представители практически всех других рас. Отдают предпочтение физическому превосходству перед техникой. В принципе, внешне скиутты очень напоминают волков-оборотней земных легенд. Скиутты суровы, но не жестоки. В годы Первой Галактической Войны многие земные раненые, женщины и дети были спасены от уничтожения некоторыми другими расами именно благодаря решительному – вплоть до угрозы применения оружия или даже применения его – заступничеству скиуттских наемников. Скиутты при первой же возможности переправляли спасенных землян к своим, когда же это стало невозможным – начали расселять их среди кланов, ничем не ущемляя ни обычаев, ни даже в какой-то степени свободы людей.

Мужчины: до того как Сторкад столкнулся с землянами, скиутты считались лучшими воинами в Местной Зоне. В течение Возвышения Сторкада наемные воины-скиутты были в первых рядах поработителей других рас. Хотя физическая сила и храбрость сегодня значат не так много, как раньше, скиутты все еще очень трепетно относятся к своим воинским традициям.

Женщины: образ жизни воина закрепился за мужчинами скиуттов с древних времен.

Женщины у них единолично управляют домашним хозяйством, что сделало их независимыми и находчивыми. Они никому не позволяют указывать себе, как вести дела, и всегда сами принимают все решения. Женщина-скиутт – хозяйка своей судьбы...

...У вышедших троих скиуттов – одетых в широкие куртки и штаны клановых расцветок – не было иного оружия, кроме длинных сабель-когтей на лапах. Игорь ощутил холодок – в первых рукопашных Галактической скиутты успевали уложить взмахами лап по три-четыре человека прежде, чем получали хоть одну рану – после которой, как правило, еще продолжали сражаться почти в полную силу. Над полем загремел дикий, аритмичный хорал-вой, от которого начинали шевелиться волоски по всему телу и шли по коже мурашки. Игорь поспешно включил в комбрасе устройство перевода, но поморщился – выданный текст не давал представления о песне как таковой и только мешал слушать...

И ночь пала на землю,
Ночь – время охоты.
Черные птицы летят над нами,
Черные птицы кличут смерть.
Черные птицы охоты,
Черные птицы судьбы.
Ночь пала на землю.
Ночь – время охоты...

Сцена в самом деле превратилась в ночные заросли древней прародины скиуттов – Скойу. Густая листва мрачно отливала коричнево-бронзовым в свете двух мчащихся по небосводу бурых больших лун. Игорь залюбовался мрачной красотой ночного леса и вздрогнул – впрочем, вздрогнул не он один, – когда из чащи с воющим ревом выметнулся на четырех лапах похожий на медведя зверь не меньше трех метров во вздыбленной холке. За ним выскочили еще два – немногим меньше. Это были не голограммы, а настоящие хищники, стремительные и разозленные.

Даже не пытаясь отступить, взывшие скиутты встретили чудовищ грудь в грудь. Схватка была яростной, но короткой. Игорь покачал головой – все три зверя были убиты в какие-то секунды, причем он мог поклясться, что никаких подвохов тут не имелось: скиутты победили силой и ловкостью. Не обращая внимания на полученные раны, все трое в убыстряющемся темпе закружились по поляне диким хороводом, прыгая через туши убитых зверей и перекатываясь друг через друга – под все убыстряющуюся музыку и вой хора... Вспыхнуло пламя костров, ночь стала непроглядной, черно-алой, и лишь три мощных тела скользили, скользили, скользили в охотничьем танце...

– Мурашки по коже, – сказала одна из девушек. – И ничуть не красиво.

– Что ты понимаешь, – высокомерно задрал нос Вайми. – Эй, землянин, – раз он назвал Игоря не по имени, значит, старался подколоть, – а ты бы смог завалить хотя бы одного из таких зверей... ну, ножом? – и он кивнул на висящий на поясе Игоря английский дирк.

– Нет, – покачал головой Игорь. – А ты?

Вайми смешался и, покраснев под взглядами друзей, что-то пробурчал. Честный и короткий ответ Сурыдова поставил его в глупое положение: сказать «смог бы!» значило просто и явно соврать, а признаться «нет, не смог бы...» мешало самолюбие. Вайми внимательно посмотрел на Игоря. Странно, а вот ведь он признался, что не смог бы, расписался в слабости – и совершенно не чувствует себя неудобно, а тот, кто с ним спорил, попал в глупое положение... Вот земляне, не поймешь их! Вайми мотнул головой в досаде и бросил:

– Да ну и ладно. Пошли на сторков поглядим, там Джет должен быть.

– Пошли, – охотно согласился Игорь. В конце концов, они затем и пришли на Ярмарку, чтобы увидеть как можно больше. – А Джет кто? Сын кого-то из посольства?

– Да нет, ты что! – вытаращил глаза Вайми под смех своих друзей. – Кстати, он вообще-то Джерд, просто произносить неудобно... И его отец не из какого не из посольства, он беженец со Сторкада. Ну, вроде как он был против тамошней власти, его хотели даже казнить, он и бежал сюда. А мать у Джерда наша, в смысле мьюри.

– Не видно его что-то, – заметил один из мальчишек.

– Найди в такой каше... – Вайми досадливо pokrивился. – Я аугументы пробовал надеть, но тут столько всего, что глаза ломит...

Да, народу было в избытке. На своих врагов мьюри посмотреть очень и очень хотели, кое-где над трибунами даже развернули какие-то антисторкадские лозунги, но не буйствовали – следила все та же охрана. Над сценой парили не меньше сотни разных аппаратов и аппаратиков, на взгляд Игоря, чудом не сталкиваясь.

Ухищрения голограммы превратили сцену в пологий песчаный пляж, сбегавший в густо-синюю воду. Росли деревья – с продолговатыми густо-зелеными листьями, с серебристой гладкой корой. Над деревьями поднимались коричневые башни замка; одна, самая высокая, вздымалась на высоту не меньше сотни метров.

Потом ударили барабаны, и появились сторки. Их было два десятка, мужчины, одетые в национальные костюмы – черные с золотой каймой куртки вроде земных вестов, под ними – белые рубахи, узкие белые штаны, черные высокие сапоги, длинные стилеты на поясах. Собравшиеся в квадратный строй, они маршировали по песку пляжа. Барабаны били сухо и четко, глухие мощные удары пересыпала раскатистая боевая дробь. Движение сторков поражало машинной отточенностью. Внешне не так похожие друг на друга, как были похожи мьюри, скорей напоминающие индивидуальными чертами лиц землян, сторки каким-то образом сделались похожи. Плотная коробка строя – бледные лица, широкие плечи идеальных механических солдат в черно-бело-золотом – двигалась как жутковатое живое существо, меняя направления, потом в какой-то момент развернулась в шеренгу – сторки замерли лицом к морю.

Послышалась и странным образом приглушила барабаны неожиданно нежная мелодия – какой-то дудочки, но многоголосая. Из воды – зрители от неожиданности примолкли все сразу – стали выходить женщины. Рослые красавицы в коротких, чуть ниже колен, платьях тех же расцветок, что одежда мужчин, с волосами, убранными под серебристые – по контрасту с рыжиной волос – сетки, в сандалиях с высокими ременными затяжками. Линия женщин застыла напротив мужского строя.

Музыка как бы резко переломилась, изменилась – и оба строя смешались, в общем движении рождая новый танец. Барабаны и дудочки пели вместе, в лад, ничуть не противореча друг другу. Игорь – он замечал все вокруг – увидел, как опали в руках зрителей-протестантов плакаты...

Сторки танцевали долго, и никто не мешал им. А в конце последняя фигура танца образовала снаружи плотный квадрат мужчин – стоя плечом к плечу, они смотрели на все четыре стороны света. Внутри же квадрата женщины, замерев в круге, лицами друг к другу, синхронно вскинули руки – и меж них взметнулся и закачался столб живого золотистого пламени, в котором неожиданно – Игорь даже дернулся, и не он один – закружились детские лица...

– ... А ваши где выступают?

Этим вопросом Вайми нарушил довольно долгое молчание, которым сопровождалось вполне бесцельное шатание всей компании по территории Ярмарки. Игорь мог бы поклясться, что все сейчас думают про выступление сторков. Кастовое общество, Высшие Роды, безродные, рабы... Но танец был хороший. Не потому, что просто красивый. Хороший, вот и все.

– Елки зеленые! – очнулся Игорь. – Рядом! И сейчас как раз наши выступают, в смысле, мальчишки наши! Бежим!

– А что такое зеленые елки? – на бегу спросил Вайми.

– Деревья такие, зеленые и колючие, как ежи... только не спрашивай меня сейчас, что

такое ежи!!! – пояснил Игорь. – Скорей сюда! Вот!

Они успели вовремя – площадки землян находились недалеко от сторкадских, и самого разного народу тут кишело чуть ли не втрое больше. Над прямоугольником сцены, к которой они выскочили, как раз зазвучала музыка – точнее, песня, без аккомпанемента, просто мужской голос:

Выйду ночью в поле с конем...
Ночкой темной тихо пойдем...
Мы пойдем с конем
По полю вдвоем...
Мы пойдем с конем по полю вдвоем...

Видеоинженеры постарались – на площадке встал лес, заколосилось золотое с червонными отблесками заката поле, за которое садилось большое солнце. И в это поле – такое реальное, что, казалось, рукой можно потрогать – выбежал рядом с идущим плавной рысью рыжим неоседланным конем держащийся за его гриву мальчишка...

Андрюшка Ворожеев был одет в чуть мешковатые штаны с тугим кожаным поясом, обут в узкие сапоги без каблука. Подчиняясь песне – в каком-то гипнотизирующем едином ритме с ее словами, – он начал показывать приемы верховой езды. Искусство, правильной сказать. Конь – без седла и узды, громадный, могучий – подчинялся мальчику мгновенно и охотно, словно угадывая желания юного всадника. Атот с невероятной легкостью, как другие дышат, проделывал то на рыси, то на легком галопе сложнейшие трюки, и казалось, что нет ни коня, ни мальчика – есть юный полкан из древних легенд Земли. Не было ни хозяина, ни покоренного животного. Было одно целое – Конь и его Мальчик, Мальчик и его Конь...

А голос певца поднялся почти угрожающе – казалось, шарахнулись даже мельтешащие вокруг шары камер, ведущих прямую трансляцию...

Будет добрым год-хлебород!
Было всяко – всяко пройдет!
Пой, золотая рожь,
Пой, кудрявый лен, —
Пой о том, как я в Россию влюблен¹³.

Эх, подумал Игорь, эх, как жаль, что тут почти никто не знает русского!!! Ну как же жаль!!! Но все равно... пусть слушают и смотрят! Пусть! Вон как притихли на трибунах...

А в руке Андрюшки сверкнул закатным лучом невесть откуда взявшийся меч. И завертелся, закрутился, полетел вокруг мальчика, неподвижно стоящего на спине идущего галопом коня, разбрасывая вокруг кроваво-серебряное сияние. Потом меч взлетел и, сверкнув, исчез, а Андрюшка, ловко упав на конскую спину, шагом направил рыжего в сторону заката.

То, что было потом, иначе как овацией не назовешь. Торопливо бросив вопящим мьюри: «Извините, я сейчас, быстро...» – Игорь начал проталкиваться туда, куда ушел Андрей – сказать ему, что все было здорово (он по себе знал, что во время таких выступлений не замечаешь сам, что делаешь). Это оказалось не так уж сложно – мальчишка понял, что перед формой землянина расступаются... Взгляды скользили по нему, прикасались – как руки. Разные, очень разные...

Выбравшись на чистое место, Игорь тут же увидел, что рядом с Андрюшкой, который поглаживал коня по широкому лбу, стоят две здешние женщины. Красивые, хотя и слишком,

¹³ Слова песни А. Шаганова.

как тропические цветы. Они о чем-то говорили с мальчиком – настойчиво, напористо, только что за руки не хватали. Тот улыбался и отвечал – коротко, покачивая головой. Одна из женщин даже ногой топнула – конь рядом с Андрюшкой фыркнул, прижал уши, оскалился. Андрюшка перестал улыбаться, положил левую руку на конский лоб и что-то сказал – по-прежнему коротко, но уже очень резко.

Игорь проследил, как женщины уходят – неспешно, рассчитанно-красивой походкой, всеми движениями выражая презрение к юному землянину. И только после этого подошел:

– Что им было нужно-то? – спросил он. Ворожеев хмыкнул:

– Приглашали меня и Лихого... – он поцеловал коня в храп... – В какое-то поместье. Выступать и заниматься сексом.

– С тобой или с конем? – усмехнулся Игорь.

Андрюшка чуть-чуть покривил угол рта, улыбнулся, ответил спокойно:

– Со мной, со мной... Втроем, но при коне. Обещали большие деньги и массу удовольствия. Но я сказал, что Лихому приятно смотреть на благородных кобылиц, а не на грязных самок. Мне же и вовсе они неинтересны. По-моему, они удивились, что я знаю мьюрик, сперва-то они говорили... – Андрей вдруг потер лоб и медленно продолжил: – А знаешь... сперва-то они говорили... по-русски. Одна плохо, очень, другая тоже очень – хорошо.

– Ничего себе... – Игорь задумался. – Надо сказать Андрею Даниловичу. Кто его знает, что им еще в голову придет и кто они вообще такие.

Андрей кивнул. Мальчишки, ведя коня, отправились на поиски полковника; правда, двигаться пришлось медленно, Андрюшка не успевал отбиваться от желающих сказать ему несколько слов или дотронуться до него и коня. Отхлынули они только потому, что на площадке, принявшей вид опушки дубравы, появились двое юных англичан, одетых в жесткую кожу – жилеты, штаны, краги, ботинки – и вооруженных длинными ножами, а с ними – два боевых пса, гудзонские овчарки, серебристо-белые, с короткими ушами и жемчужным оскалом. А с другой стороны выскочил, разбрасывая землю копытами, разъяренный бык. Угольно-черный, он громко фыркнул и повел лобастой головой – если бы кто-то из мальчишек улегся посреди лба, то раскинутыми руками как раз достал бы до концов жутких рожищ. Один из англичан громко свистнул – и бык молниеносно развернулся в их сторону. Хрипло выдохнул – «уфффаххх!» – и пропахал копытом борозду...

Ударили барабаны – упорной дробью, в которую впелся визг офицерских рожков: «Forward! Marsh on!». (Игорь отметил, что на трибунах кое-где прошло взволнованно-испуганное движение, и усмехнулся – ага! Кто-то услышал знакомую страшную музыку – вот такой визг, переключка рожков с флангов на центр – и волна техники и похожих на киберов солдат затапливает позиции Чужих... Ну, молодцы братья по планете!) Но голоса перекрыли музыку, сделав ее фоном...

There's a whisper down the field where the year
has shot her yield,
And the ricks stand grey to the sun,
Singing: «Over then, come over, for the bee has quit
the clover,
And your English summer's done».

Бык хрипло, жутко взревел, метнулся на мальчишек, целясь поддеть рогом. Они прянули в стороны, а овчарки, порскнув вбок-назад, атаковали зверя сзади...

You have heard the beat of the off-shore wind,
And the thresh of the deep-sea rain;
You have heard the song – how long! how long?
Pull out on the trail again!..

...Бык умирал, хрипя. Две раны – под лопатками – были смертельны. Но один из мальчишек – второй сдерживал ревуших с пеной на клыках псов – прыгнул, рванул за рог – и в пыль свистнула тугая струя крови из-под резко и глубоко пересекающего могучую черную шею ножа.

Ha' done with the Tents of Shem, dear lass,
We've seen the seasons through,
And it's time to turn on the old trail, our own trail,
the out trail,
Pull out, pull out, on the Long Trail – the trail that
is always new¹⁴.

Зрители не успели ни опомниться, ни выразить впечатление. На мгновенно изменившуюся площадку под плавные, льющиеся медленными волнами звуки «Вдоль по улице метелица метет...» поплыли одна за другой девушки из «Березки» – одинаковые в своей непривычной и невиданной тут неприступной красоте, недвижные и в то же время чудесным образом передвигающиеся. Игорь уже слышал, что видевшие репетиции чиновники-мьюри спорили: это андроиды или танцовщицы стоят на невидимых под длинными нарядами робоплатформах? Девушки смеялись до слез, когда эти слухи дошли до них. Это был слух еще из безобидных – куда интересней было заявление про ампутацию ног и замену на спецпротезы...

– Черт, я сегодня все время все забываю! – выругался Игорь. – Меня местные ребята ждут! Дойдешь до Андрея Даниловича один?!

– Дойду, – кивнул Андрей. – Потом меня познакомишь со своими друзьями?

– Да сколько угодно, – Игорь хлопнул его по плечу и зашагал через толпу, высматривая Вайми и других. На сцене между тем уже смешались мужской и женский хоры – они сплетались и выгибались кольцами и овалами под древнее заклинание-песню:

– ...Ой, Ладо, Ладо,
Ладо, мати, Ладо
Славослови, мати,
Весну закликати...
Зиму провожати,
Ой, Ладо, Ладо,

14

Шепот облетел тот край, где летом вызрел урожай,
И над стогом высок небосвод.
Напевает:
«Поздно, поздно, пчелы спят, и меркнут звезды,
Англичане, окончен ваш год».

Вы слышали гром на просторе морском,
И как дождь шумит в хладной мгле;
Вы слышали песнь: «Ну когда? Скучно здесь!»
Так вставайте на прежний след!

Не для нас старца Сима шатры, дорогая,
Безмятежная тишь, мирный кров;
Ныне время нам выйти на след, на наш след,
прежний след,
Снова встать, всем нам встать – Длинный След всегда
будет нов!

Дж. Р. Киплинг. Призыв. (Пер. Э. Ермакова)

Мерю провожати.
Леля да Полеля
Ой, да пили воду
Во великой Сварге
Пили – лили воду
Ой, да лили воду,
Славу пели Роду,
Ой, да славу пели
Диду, дубу, снопу...

– Ну куда ты делся?! – сердито спросил Вайми, облизывая пальцы от сладкой ваты. Остальные юные мьюри еще всю ее лопали. И тут же без обиды и всякого перехода сказал: – Отличные у вас артисты!

– Это не артисты, – улыбнулся Игорь, снимая фуражку и обмахиваясь ею.

– Как не артисты? – не понял Вайми.

– Ну так, не артисты. У нас нет такой профессии, я и знаю-то про нее потому, что на истории говорили, ну, на уроках. У нас каждый человек что-то такое делает – танцует, поет, картины рисует... Кто-то лучше, кто-то хуже. Но это не работа, это отдых скорей. Андрей, например – ну, тот мальчишка с конем – учится, как и я, в Лицее. Вообще он хочет стать зоопсихологом.

– Врешь, – недоверчиво сказал один из парней. Игорь пожал плечами:

– Да зачем мне?

– А как же собирали ансамбль? – спросила девушка.

– Да просто. Пригласили всех желающих пройти отбор по месту жительства. Потом отобрали по уездам, потом – по губерниям, потом – по Империи. А из них еще раз – самых лучших. Вот и все. Быстро, просто, честно, никому не обидно.

– А как же вы без артистов живете?! – почти возмутилась та же девушка. Игорь усмехнулся:

– А зачем они?

– Ну... развлекать... – смешалась девушка. Как видно, этот вопрос не приходил ей в голову.

– Человек, которого нужно развлекать, – это почти животное, – серьезно ответил мальчик. – Даже хуже животного – у животного времени на такие глупости нет. А если человек тратит свое время на развлечения... – Игорь pokrивился очень выразительно.

– Но ведь артисты всегда самые красивые, самые талантливые, самые...

– Да ладно тебе, – поморщился Вайми. – Знаю я, как в эти артисты попадают. Кто задницу или передок быстрее подставит, тот и артист. Его и тянут вверх, как на канатах. Даже если там ни голоса, ни слуха... Ну, так мне отец сказал, а он много чего видел.

– У нас тоже так было, – признался землянин. – Их «звездами» даже называли. Считали элитой, интеллектуальной, культурной там... А на самом деле вы подумайте – элита это ведь или защитники, или изобретатели. Те, кто или создает новое, или не дает разрушить построенное.

– Но ведь, например, композитор – он тоже может написать новую песню, – задумчиво сказал Вайми.

– О чем? – спросил Игорь. – Ну вот о чем он будет писать, если он больше ничего не умеет? Вот так и получают ваши «песни» про «вродекаклюбовь», их чаще всего такие композиторы и сочиняют. А вот у нас, например, был – очень давно – такой композитор: Агапкин. Он написал «Прощание славянки»... вот! – Игорь пустил с комбраса музыку, и с полминуты все ее слушали.

– Женщины провожают мужчин на войну, – тихо сказала вторая девушка, едва музыка затихла. Игорь хлопнул глазами:

– Точноооо... – Девушка смущенно улыбнулась. – А, ну вот. Он написал, и ее уже

сколько веков играют! А он, между прочим, был военный. И просто знал, о чем пишет. Поэтому музыка получилась такая – из души. Если человек «профессионально пишет музыку» – он такого просто никогда не напишет. Не сможет, потому что ему не о чем писать... Что он видел-то?! И лучше уж написать за всю жизнь одну мелодию – но такую! – чем сто, но... простите, как у вас. Или как у нас раньше, – примирительно закончил он.

– А эта песня настоящая? – вдруг спросил Вайми и кивнул в сторону соседней сцены, на которой в окружении ореола скрецающихся лучей, в ослепительном сиянии – такое рождается в кабине пойманного прожекторами самолета – рослый мужчина в пилотской форме пел, широко расставив ноги, одну из знаменитых песен времен Первой Галактической – «Марш Полярной Звезды»:

Кто умер рабом, тот не жил никогда.
Кто истинно жив, никогда не умрет.
Мы верим: Великих традиций Звезда
На небе полуночи скоро взойдет.

Умершим в удел достаются гробы.
Живые наследуют солнечный Трон.
И только живых собирает в ряды
Полярной Звезды штурмовой легион...

– Настоящая, – кивнул Игорь. – И пилот этот – настоящий... Ну что, пошли? Андрей с вами познакомиться хотел.

9. О мидах и кроссовках

И все-таки не обошлось без инцидентов.

Правда, произошли они не на территории Ярмарки, а за ее пределами – пользуясь тем, что не было прямого запрета, многие юные земляне шустро сунули носы в город, здраво рассудив, что Ярмарка не сегодня кончится, а если что интересное пропустят – можно посмотреть в записи. Ну а там покатилося-понеслось. Так, Тиудир не смог разойтись с каким-то невероятно толстым джаго в роскошных, расшитых золотом и драгоценными камнями одеждах – тот упорно не желал уступать дорогу, что-то кричал, брызгая слюной и страшно вращая и без того выпученными глазами, и, наконец, полез в драку, размахивая усыпанным драгоценными камнями кривым кинжалом – после чего Тиудир с чисто немецкой практичностью влил ему между глаз диск из допотопного кластерника, который носил вместо огнестрела. «Побоялся я с ним, ребята, в поединок вступать, – пояснил он под всеобщий хохот. – Вдруг его блохи на меня перепрыгнут? С ног сшибут и весом задавят, честное слово...»

Андрюшке Ворожееву повезло меньше – на него вдруг набросился какой-то шакалоподобный гуманоид с громадными ушами, поразительно похожий на древнеегипетского бога Анубиса. Эта тварь не имела никакой одежды, кроме собственного черного короткого меха и неприлично большого количества украшений, – но очень умело орудовала коротким мечом и упорно лезла в драку, даже будучи уже изрядно порезанной виброножом – окончательно ее утихомирила, увы, лишь отсеченная метким ударом голова. Никто, ни сам мальчишка, ни даже местная полиция, не смогли объяснить, что подвигло гостя из далеких миров на такую агрессию. Игорь предположил, что это месть какой-то из тех женщин, которых Ворожеев оскорбил отказом служить им игрушкой, но Андрей только отмахнулся – на вменяемую месть этот глупый поединок не тянул, а храброго чужака ему было даже немножко жалко. Мало ли какие могут быть у его народа обычаи и обеты? Андрюшка даже собирался поискать данные по этой расе.

Кто-то из англосаксов задержал двух вооруженных грабителей – парень зашел в

магазин сувениров, а они как раз вломились следом и помешали ему рассматривать какой-то половичок с массажером. В благородном гневе англосакс сильно ушиб обоих друг о друга раньше, чем они сообразили, что происходит, и даже согласился взять половичок бесплатно как подарок от благодарного хозяина магазина. Пистолеты он тоже хотел унести – на предмет ознакомления. Но не дала полиция...

Но самая веселая забава досталась на долю Мирослава и Федора – лучших в группе менталистов. Им повезло наткнуться на пикет из оглушающе безвкусно одетых и размалеванных тварей неопределимого пола, громко протестующих против угнетения на Земле «сексуальных меньшинств». На Ярмарку их то ли не пустили, что вряд ли – то ли они сами не пошли и бушевали возле одного из входов. Какое-то время мальчишкам понадобилось, чтобы понять, о каких «меньшинствах» идет речь. Но после того, как вопрос был выяснен, не прошло и секунды, как вся эта компания вдруг потеряла интерес к любым землянам вообще, да и к окружающей реальности в целом – потому что необычайно бурно, громко и синхронно обделалась в то, что заменяло им штаны. Причем мальчишки категорически отрицали свою причастность к этому инциденту, ссылаясь на промелькнувших где-то на заднем плане аниу, а у Андрея Даниловича не нашлось ни желания, ни времени разбираться в столь вопиющем попрании прав «меньшинств», как ни призывала его к этому вся здешняя «свободная пресса». Тем более что аниу и не отрицали своей причастности, а о землянах после этого начали высказываться несколько благожелательней – мол, дикие люди, конечно, но не без задатков...

В посольство многие земляне возвращаться не спешили. На территории Ярмарки были любезно выстроены удобные сборные домики – для тех, кто предпочитал далеко не отходить от мест выступлений или каких-то ценных вещей, аппаратов либо животных. Домики по роскоши далеко уступали гостиничным апартаментам, но Игорь рассудил, что вся тамошняя роскошь все равно голография, и остался в маленьком четырехместном номерке. Впрочем, тоже выдержанном в местном стиле.

Ярмарка не замирала и ночью, но все-таки становилась куда менее шумной и бурной. Открыв все окна и дверь, мальчишки отдыхали после трудного дня; надо сказать, что в номере их было вовсе не четверо. Ян Дэнфорд, Мирослав, Яромир и Андрюшка Вихорев играли в покер. Данчо и Джерри Вильбоу просматривали какие-то материалы, снятые ими для намечавшейся общей работы по ксенологии. Игорь просто сидел на подоконнике и рассматривал световые рекламы, размышляя о ребятах-мьюри, с которыми он и Андрей не расставались почти до конца ярмарочного дня. Димка перебирал гитарные струны и напевал:

Жил в городе Белфасте мальчик по имени Падди,
Ходил в детский сад и котенка по пузику гладил.
И в целом хороший был мальчик, но в голову била моча.
Ведь Падди с самого детства терпеть не мог англичан.
Увидит в песочнице англосаксонскую рожицу —
Ногами топчет и отбирает пирожные.
И часто стоял он в углу, ведь вел себя плохо...
Но Падди родился ирландцем, Падди все...

– Ты допросишься, русский, – буркнул Ян, рассматривая взятку.
– Ла-на-а, – покладисто согласился Димка, – я другое спою...

Блуждал по горам британский отряд,
британский отряд, неделю подряд.
И там их встретил, говорят,
Баран по кличке Барни.
Солдаты смелы, но баран смелей,
Они сильны, только он сильнее...

Вот так баран надавал люлей
Сраной британской армии...¹⁵

– Морально воздействуешь? – ухмыльнулся Ян. – Мимо, все равно игра моя.
– А, черт! – Вихорев бросил карты. – Точно!
– Гитару дай, – протянул руку Ян. – Спою балладу о том, как русские организовывали на Марсе колхоз. Сам сочинил. Нервным не слушать.
– Интересно, вы эти колхозы когда-никогда забудете? – задумчиво спросил Мирослав. Ян хмыкнул:

– Разве такое забудешь...
– А кто на Ньюфаундленде в Серые Войны всюду клепал сельхозкоммуны, не ваши? – невинно спросил Игорь, не поворачиваясь в комнату. Ян не смутился:

– Это было тяжелое время.
– А у нас оно всегда было тяжелое, – победоносно заключил Яромир. – В том числе и благодаря вам.

– Ну вот что мы чехам-то сделали?! – фыркнул Ян.
Под шумок Игорь плавно «выпал» за окно. Постоял за кустами – в ночи среди широких, казавшихся черными листьев распустились огромные, жадные белые цветы с золотыми мерцающими сердцевинами, вились рои зеленовато фосфоресцирующей мошки. По дорожке мимо прошли двое офицеров.

– ...приехали два часа назад.
– Ну и как они тебе?
– Здоровые. Здоровей наших и, по-моему, старше.
– Думаешь, готовят какую-то подлость?
– Почти наверняка. Сегодня наши выступления в числе лучших. Вот они и решили...
Голоса отдалились, стихли. За окном в комнате весело спорили мальчишки. А Игорь замер, пораженный мыслью – да ведь это же об их будущих соперниках, о мьюри! Значит, они как раз прибыли!

Качаясь с пятки на носок, Игорь кусал губы. В нем росло сильнейшее жгучее желание как можно скорее увидеть кадетов-мьюри. Ясно, что они не будут похожи на Вайми и его друзей. Потому-то и хотелось...

Оглядевшись внимательно, Игорь пригнулся – и канул в переплетение ветвей. Бесшумно, как плавно опущенный в воду камешек...

...Он, конечно, понимал, что поступает, мягко говоря, глупо – шляться одному по чужому тренировочному лагерю даже на Земле, в Лицее, было не принято, а здесь, на совершенно чужой и откровенно враждебной планете... нет, никаких законов он не нарушал, хозяева – это заранее оговаривалось – были ничуть не против осмотра лагеря, но все же бродить здесь одному определенно не стоило. Можно было нарваться и на неприятный вопрос, и на драку, и даже на такое, после чего в его личном деле напишут короткое «без вести». Игорь все это понимал, но удержаться не смог. Найдите на Земле четырнадцатилетнего мальчишку, который согласится ходить по чужой планете за экскурсоводом и, развесив уши, слушать его хвастливую и не вполне честную трепотню. Не найдете. Любой земной мальчишка решит попробовать этот мир на зуб. Игорь не был исключением. Все равно их послали сюда узнать как можно больше – вот этим он сейчас и занимался.

Пока что вокруг не попадалось ничего интересного – все те же стандартные сборные домики, посыпанные песком дорожки – если закрыть глаза, то и не подумаешь, что находишься не на Земле...

Из-за длинного дома донесся голос, игравший характерными интонациями, –

¹⁵ И в первом и во втором случае слова группы Green Crow.

инструктор распекал нерадивых кадетов. Игорь сначала не обратил внимания – уж чего-чего, а таких речей он наслушался в Лицее досыта – и вдруг с удивлением отметил, что понимает мьюрик, даже не думая об этом, – хватило пары встреч с Вайми и его друзьями, чтобы довести перевод до полного автоматизма. Он и сам не ожидал этого, но вот поди ж ты! Учиться в Лицее было тяжело, иногда очень, но учить там умели. Игорь не думал, что сможет так быстро овладеть совершенно чужим и притом не самым простым языком. Словарный запас у него был пока что маловат, от пацанов и девчонок много не наберешь, но, чтобы понимать бытовую речь, много и не требовалось.

Он повернулся в сторону голоса, уже чувствуя, что наткнулся на нечто интересное. Говорила женщина – он знал, что здесь было много женщин-инструкторов, и Игорю это казалось диким. Женщина-воин – еще куда ни шло, защищать себя должен уметь каждый, а мужчины бывают рядом не всегда. Но женщина, которая учит парней воевать?! Скажи ему кто на Земле, что он увидит такое наяву, причем скоро – рассмеялся бы. Ну чему она может научить? Мьюри, однако, думали иначе – правда, и женщины у них были часто не ниже парней, да и характером не слишком от них отличались. Такой тут был мир – каждый мог рассчитывать только на себя. Если бы тут еще и не считали главным врагом ближнего своего...

Игорь мотнул головой, выбросив из нее явно лишние мысли... и осторожно выглянул из-за угла. Ему повезло – он смог увидеть здешних лицеистов-кадетов в их естественной, так сказать, обстановке. На лицеистов эта не слишком ровная шеренга, торчавшая у входа в помещение, походила, правда, весьма мало: шорты, песочного цвета футболки, кроссовки на босу ногу, на головах – плоские круглые шапки с большими козырьками – словно вся эта компания собралась, например, на пляж. А уж представить у земных лицеистов пышные «хвосты», пропущенные под ремешки в вырезы на шапках, было и вовсе немыслимо. Но – здоровые. И правда здоровые. Даже слишком здоровые.

Перед шеренгой лицеистов стояла инструктор – рослая, крепкого сложения девица лет так двадцати пяти, в такой же круглой шапке и в сандалиях, одетая во что-то вроде туники. В руках она держала легкий деревянный шест, которым энергично жестикулировала.

– ...и запомните в конце: рукопашный бой – это крайнее, последнее средство. Эффективность невооруженной руки близка к нулю. Если у вас нет оружия, найдите любой предмет – какой угодно – и сражайтесь им. Если не найдете ничего, наносите удары ногами, это намного более действенно. Любой ценой избегайте прямого контакта с противником – ударили, отступили, посмотрели результат, атаковали снова. Ни в коем случае не увлекайтесь. Всегда трезво соизмеряйте свои силы. Если не уверены в победе – не атакуйте. Если чувствуете, что не можете победить, – бегите. Да, бегство позорно, но тогда у вас будет шанс вернуться подготовленным лучше, зная больше, и попробовать еще раз. А смерть – это навсегда. Она никому не принесет пользы – и прежде всего вам. Вопросы есть?

– Госпожа инструктор, у нас в отсеке кондиционер дребезжит, спать невозможно...

– Кроссовки выдали дурацкие, я вчера все ноги стер...

– Мидии в столовке несвежие, я чуть не отравился...

– Ти-хо! Разговорчики в строю! Те, кто сдаст сегодня норматив, поедут на полигон, смотреть танки. Несдавшие займутся генеральной уборкой территории. Еще вопросы есть?..

Игорь быстро отступил назад, оставшись незамеченным. Ну и порядочки тут у них – офигеть. Воспоминания о не таком уж давнем прошлом надвинулись, замелькали, поплыли...

...Не упасть. Только не упасть. Не сбиться с ритма. Не отстать. Боги, не видно же не зги... Поздняя ноябрьская ночь, по небу ползут быстрые тяжелые тучи, ветер хлещет ледяным дождем. По стиснутой лесом, насмерть разбитой проселочной дороге бежит отряд голых до пояса семилетних – всего лишь! – мальчишек. Сзади, невидимые, но осязаемые, бегут витязи. Только не сбиться с шага... только не отстать... волосы слиплись, все тело мокрое – от дождя и от пота. Кожа горит, босые ноги при каждом

шаге словно взрываются болью – под ними вязкая, перемешанная с битым льдом грязь. Как же тяжело бежать по такому... совсем нет света, лишь какие-то призрачные, обманные пятна, нет воздуха, он не проходит в сжатое от усилий горло... Нет, смотреть не надо, надо чувствовать. Глаза могут подвести, сила – никогда. Ты и мир – одно целое. И ноги легко переносят тело через шестиметровый ров, скрытый во мраке. Остановиться, соразмерить силы – значит, не решиться. Никогда...

– Страх убивает. Тот, кто боится, уже мертв. Дух не чувствует страха. Страх рождается в теле. Если дух владеет телом – ты непобедим. – В руке витязя стек. Забавная, почти детская игрушка, но стек раз за разом бьет по ушам, в лоб, в зубы... Лицо мальчишки – сплошной оплывающий кровью синяк, но большие серые глаза смотрят упрямо и зло. Не шевелиться. Не вздрагивать. Не моргать. Страх рождается в теле. Тот, кто боится, уже мертв...

...Мьюри ушли. Игорь стоял за углом здания, смотрел в небо.

И улыбался. Спокойно. Уверенно. Презрительно.

10. Троянский жеребенок

На экране опять говорили о землянах. С утра пораньше. Игорь выпался в номере – вчера днем их все-таки заставили вернуться в посольство, потому что мальчишки стали проявлять излишнюю ненормированную активность. Из интереса после зарядки и завтрака он включил какие-то новости – и вот здрасьте... Сурядов уже знал, что в передачах мьюри тема «земляне» стоит на первом месте, им посвящалось 56% от общего эфирного времени, уделенного инопланетянам, гостям Ярмарки. Правда, знал он так же и то, что большую часть этой информации составляет или откровенная ложь, или в лучшем случае до идиотизма некомпетентные искренние «исследования».

В данном случае трудно было понять, о какой разновидности брехни идет речь. Уже немолодой мьюри в деловой одежде – чем-то вроде обернутой вокруг тела серой простыни, скрепленной железными пряжками, выглядевший, с точки зрения землянина, страшно несолидно – обстоятельно раскрывал «секреты земного дворянства». Игорь зачарованно слушал горячо излагаемый бред о том, что так поражавшие мьюри возможности землян вообще и в особенности дворян получены путем безжалостного подстегивания организма. Дескать, в грудничковом возрасте каждому землянину делается укол некоей вакцины, резко повышающей порог физических возможностей. Дворянам, естественно, колют вакцину лучшей очистки и в большей дозировке, отчего они и становятся способны на «поразительные фокусы». Но у вакцины есть побочный эффект – от нее люди тупеют. Поэтому земные дворяне – накачанные безграмотные полуживотные, способные только подавлять всех как «болезненной психоэнергией», так и чисто физически. Техника землян – скопированная с трофеев времен Первой Галактической Войны – почти вся находится из-за неграмотного обслуживания в жутком состоянии, эскадру для прилета на Ярмарку едва собрали, причем на каждом корабле томятся в трюмах несколько десятков «настоящих специалистов», вынужденных под угрозой смерти для их близких выполнять за дворян всю работу...

Вот честное слово – не знай Игорь реального положения дел, он бы поверил в этот жуткий бред, так уверенно и напористо, чуть ли не со слезой, излагал его ученый. Несколько сбило настрой только то, что по окончании передачи в эфир пошел репортаж о какой-то колонии для несовершеннолетних преступников и проблеме молодежной преступности вообще. Игорь отвернулся – смотреть сюжет было страшно и жалко – и честно поразмыслил над интервью. Мьюри-ученый явно не врал по заказу – и столь же явно выступали в его словах его личные проблемы: больной психики, комплексы детства, зависть и еще многое другое. Но сами мьюри в массе вряд ли способны различить такие нюансы... Что же, возить каждого на Землю? На кой им это сдалось, проще поверить экрану. Да и тогда многие скажут: «Вы нам правду не показываете, а вон под тем холмом в подземельях томятся

узники, которые и вертят на самом деле колесо генератора!»

Игорь ощутил беспомощность перед лицом агрессивного неверия.

А потом вдруг вспомнил Дениса Третьякова. Жил себе парень еще во времена Реконкисты, организовывал пионерские отряды в Республике Семиречье, было тогда такое независимое государство. И потом – уже взрослым – написал интересную книгу про свое детство. Тогда он столкнулся с такой же проблемой – с агрессивным неверием и долго не знал, что делать... Пока не понял – надо заинтересовать молодых. Мальчишек, девчонок. Заинтересовать новой жизнью, отличной от того болота, в котором они живут.

Конечно, Йенно Мьюри – не Семиречье. Но ведь есть же Вайми... И его друзья.

Точно!!! Игорь соскочил с куба и взъерошил короткую стрижку в полном ошалении от пришедшей ему в голову мысли. Вскинув руку с комбрасом, он стал поспешно вызывать ребят одного за другим – всех сразу, и русских, и англосаксов.

– Ко мне в номер! Да! Срочно, ну срочно! Очень важное дело! Всем быть! Да, и тебе! Скорее! – Игорь почти подпрыгивал от нетерпения, как малыш. – Обсудить кое-что надо! Скажу всем! Бегом давай! Потом поспишь! Да что ж такое, хватит жевательные мышцы тренировать! Да! Всем! Ко мне! Срочно! Быстро! Сюда-а-а-а!!!

...Большой номер сразу стал маленьким, когда в него набилось три десятка активно выражающих в основном возмущение и недоумение мальчишек. Большинство устроились на полу, кое-кто притащил с собой недожеванное. Игорь в сердцах обозвал всех «растущими организмами», после чего, как ни странно, установилась относительная тишина.

Игорь кашлянул и простер руку – бессознательно, просто так. Кто-то уважительно сказал: «Оооооо...» Игорь руку смущенно опустил и начал:

– Я сейчас смотрел интервью. Про нас.

– А, я тоже видел, – сказал Берт Кромвелл. – Бред, как после контузии.

– Не перебивай, сосед по планете, – толкнул его Андрюшка Ворожеев.

– Так вот. – Игорь не обратил внимания на реплику. – Подумайте сами, их миллиарды. Мьюри. Ну были сколько-то на Ярмарке. А остальные смотрят вот такие трансляции.

– Наши рекламы они тоже смотрят, – возразил спокойно Яромир.

– Да, смотрят. – Игорь улыбнулся и на миг замолк...

...Мьюри было не привыкать к рекламе – самой разной: голографической, назойливой, летающей, пролетающей в жилища, какой угодно. Поэтому в общем-то не было ничего удивительного в том, что время от времени над городами с хлопком разворачивались полотна голопроекторов. Землянам, как и другим участникам Ярмарки, легко дали разрешение на подобную демонстрацию своих «роликов».

Удивительным было другое. Именно то, из-за чего как раз во время демонстрации «земных» лент на улицах городов останавливались множество людей. И – поднимали глаза к небу.

Земляне не пытались рекламировать свою технику. Не пытались они и испугать военной мощью. Нет – и техника (в том числе и незнакомая мьюри, вызывавшая интерес и даже удивление), и военные, война – присутствовали на этих кадрах.

Но не они были главным. И движение звездолетов, и работа механизмов, и оружие, и пейзажи планет, и, казалось, весь мир – все это служило лишь фоном для людей.

И это поражало и приковывало взгляд. С жадным интересом – или с опаской – или с завистью – или с восторгом – или внимательно и холодно – или с открытой ненавистью – но только неравнодушно! – наблюдали мьюри за необычной жизнью.

Жизнь на экранах была стремительной, веселой, радостной, полной, необычной, притягательной. Сильные, красивые, казавшиеся почти нелепо беспечными люди все время что-то делали, чему-то радовались, куда-то стремились. Но не было в их движении – похожем на бег ручья по камням – ни зависти к чужому успеху, ни боязни отстать от окружающих, ни спешки. Казалось, любое дело доставляет им просто-напросто удовольствие, казалось, что они делают дело ради самого процесса. Чистые, зеленые,

почти без привычного наземного транспорта улицы городов были довольно многолюдны, но нешумны. Можно было легко заметить, что землянам доставляет удовольствие неспешно гулять по ним семьями – мужчина, женщина, несколько здоровых, веселых, но явно небалованных детей... Открывались великолепные дворцы, висевшие арками над водами заливов, от длинных причалов уходили в закат парусные корабли, и на широких луговинах, укрытых туманами, паслись красивые животные, «кони»... Пологие лестницы вели вверх, на смотровые площадки – а казалось, в самое небо... Застывшей каменной музыкой высились древние готические храмы...

Но в момент, когда недобрый зритель уже готов был поверить в то, что люди на экранах беспечны и беззащитны, а их планета богата и, главное, доступна, странная веселая жизнь вдруг прорастала твердой острой сталью. Нет, это не была угроза. Земляне не угрожали никому. Но те же самые люди – да, да, те же самые, и это было дико и непонятно! – что кувыркались в падающих струях какого-то огромного бассейна, или мирно удили рыбу на зеленом берегу тихого озера, или просто ехали куда-то с детьми – превращались в часть неумолимого, сильного и сурового механизма. Над огромными полями в окружении слитно ревущих трибун плескались яркие и в то же время грозные флаги в руках могучих атлетов, шедших впереди колонн, двигавшихся как одно целое. Резкие черты старинных памятников всплывали из темноты, и на их фоне появлялись почти такие же суровые лица крепких, удивительно владеющих собой мальчишек, поднимались в незнакомом салюте руки – и музыка, только что беспечная, вдруг начинала... нет, не угрожать, нет... предупредить, а лица мальчиков взрослели, твердели, становились суровыми глазами. Защитники, бойцы... А над прекрасными лесами неслись эскадры боевых воздушных кораблей, странно единых с землей внизу и небом вокруг...

Но тут же снова – плавно скользящие ленты самодвижущихся дорог уводили в глубины земли, в города в огромных пещерах, в сады искрящихся многоцветьем радуг высоченных кристаллов, к загадочным подземным озерам и черным рекам... Чередовались кадры массовых спортивных состязаний, проходивших везде – от ледяных северных трасс, где бежали по твердому искристому насту, высунув языки, сильные животные-собаки, запряженные в санки, где люди мчались на лыжах со склона на склон, держа в раскинутых руках чаши с водой – и до теплых морей, в которых пловцы соревновались в ловкости с рыбами, сражались с ураганами на маленьких суденышках... А потом сменяли друг друга виды других планет – совсем иных, не таких, как Земля, – но земляне были и там. Их окружали существа других рас. Мьюри было не привыкать к видам самых необычных инопланетян – удивительно было другое. Ни высокомерия, ни превосходства не было в землянах. Они жили среди других народов как бы сами по себе, не пытаясь никому ничего продать, поменять, навязать. Но как-то само собой получалось, что – словно железные опилки к могучему магниту – к поселениям землян прибивались потихоньку и местные жители. Самые разные и по разным причинам. Кто в поисках нового, кто – из интереса, а кто – ища защиты. И – странно! – они получали эту защиту. Экраны беспощадно и с праведным холодным гневом показывали то, как гибли злые, глупые, жестокие, мнившие себя непобедимыми враги, пытавшиеся посягнуть на жизнь землян или их новых друзей.

Но – не было мести никому, кроме виновных! Это почти пугало...

А фильмы снова возвращали на Землю. И срывался с края ажурной башни крылатый мальчишка, летел над прекрасным и добрым миром – миром, отражавшимся в больших веселых глазах стоящей на самом краю башенной площадки девчонки... Ни жадности, ни страха, ни тоски, ни зависти, ни страшной опустошенной скуки и пресыщения не было в людях Земли – спокойных, веселых, энергичных, задумчивых, суровых... Поражало количество детей и удивляло отсутствие дряхлых – люди, которых можно было назвать «стариками», были прямы и сильны, а их лица удивляли глубоким спокойствием и внутренним достоинством. Нигде нельзя было заметить и следа нищеты или безысходности, и двери домов – таких разных, от рубленых кряжистых пятистенков огромной зеленой Сибири до приземистых, с большими верандами коттеджей Австралии –

люди закрывали лишь от непогоды. И даже открыто показанные последние секунды отживших свое тел землян не ужасали неизбежностью смерти – тела, в которых перестал нуждаться воплотившийся в творениях и учениках высокий дух мастера, воина, учителя, пахаря, исследователя, поглощало в бешеном красивом танце светлое и чистое пламя погребальных костров...

...А потом – на фоне спирали Галактики – в рост вставала фигура Человека. И Галактика умахалась и послушно, теплой искрой, падала в протянутую ладонь. Но протянутую не жестом завоевателя, а осторожным движением защитника и покровителя. Свет Галактики согревал лицо землянина...

... – Смотрят, – повторил Игорь. – Но это ведь только здесь. А сколько все-таки не видели? А на других планетах? Они и судят о нас так, как этот... кот ученый сказал.

– Ты к чему клонишь? – спросил Тиудир.

Игорь повернулся к нему:

– К тому. Ну прилетели мы. Ну показали свои умения. Ну даже, положим, победили. А что мы после себя оставим? Забытый в номере носок? Так мне и пары не жалко, а смысл?!

Теперь было совсем тихо. Игорь прочувствовал эту тишину и продолжал:

– Обычно мы как делаем? Если на планете есть туземцы – мы их в первую очередь техникой удивляем. Они к нам тянутся. А дальше – дело... техники, – скаламбурил он. – Но мьюри мы техникой не удивим, а в наши общественные отношения они просто не поверят, пока им мозги полощут. Я такого пропагандистского аппарата, как тут, ни у одной расы не видел. Даже у нас раньше такого не было. Может, техники не хватало. А тут могут заставить человека, сидящего в дерьме по шею, поверить, что он в рай попал.

– Это верно, – сказал Тим Фоксвелл. – Я тут ради интереса кое-что подбил, кое-какие данные. Давление искусственного психополя у них – как крышка в скороварке. Долбанет – мало никому не покажется, сколько можно кипятить миллиарды людей и одновременно повышать давление?

Игорь кивнул:

– Вот. Мы с Яромиром тут познакомились прямо на улице с местными мальчишками. Хорошие мальчишки. И их лидер нам как брякнет – вырасту и буду воевать с вами, потому что у вас демократии нет. И это, повторюсь, умный парень. Нестандартный.

Мальчишки посапывали сердито, ждали. Игорь прошелся по комнате, лавируя между сидящими, ему вслед поворачивались головы.

– Я и подумал... – Игорь вздохнул. – У кого есть знакомые ребята-мьюри?

К удивлению Игоря, который думал, что откликнутся пять-шесть человек, отозвались почти все. Оказывается, во время экскурсий в город или на Ярмарке обрасти знакомыми успел практически каждый. Причем эти знакомцы были, судя по отзывам, хорошие ребята и девчонки, которым тяжело жилось «в скороварке» Йенно Мьюри. И даже не из-за этой дурацкой «бедности», знакомцы как раз были в основном из семей «среднего класса», а просто потому, что...

– Они что-то делать хотят, а им предлагают за морковкой на веревочке бежать всю жизнь, – сказал сердито Федька Волохов. – Вот они и чудят. То краской полицейский участок обольют, то голые по людной улице с плакатами пробегут, то дерутся со всякой местной сволочью... Я им самые простые вещи рассказываю-показываю, а они смотрят, как четырехлетка волшебную сказку!

– Во, – Игорь поднял палец. – Вот это и есть мой план.

– Голыми бегать по улице? – уточнил Раймар. И тут же добавил: – Если я правильно понял, ты предлагаешь завязать крепкие отношения с нашими случайными знакомцами. Взрослым власти в головы льют пропаганду, а мы молодым покажем, какие мы есть на самом деле, так?

– Ну! – Игорь энергично кивнул. – Вроде как посадим... ну... хлореллу на планете с плохой атмосферой. Маленькие кустики, плесень какая-то... А лет сто пройдет – и дышать

будет легче, а там и люди поселятся!

На этот раз молчание было задумчивым и длительным.

– А ведь может получиться, – сказал Яромир. – А то в самом деле – прилетели, побегали по арене и улетели, гордые собой. И взрослые тут ничего не сделают, они как в глухую стену бьются. Здешние нашим или не верят, или... верят и боятся нас. Боятся, что мы их мир развалим. А мальчишки-девчонки нам поверят. В общем, я – «за».

– Только надо договориться! – перекрыл возникший тут же одобрителный гул Мариан Вишневский. – Чтобы им не врать. Совсем. Как своим. Если хоть чуточку попадемся на вранье – они нам тут же верить перестанут. Им и так будет трудно.

Гул возник снова и не менее одобрителный.

– Атакуем их с тыла!

– Ага, как партизаны!

– Изнутри!

– А ты что так улыбаешься? – вкрадчиво спросил Яромир Игоря. Тот гордо хмыкнул. – Рад, что твой план приняли? Ну тогда иди и договаривайся с Андреем Даниловичем. Или мы в город по веревочной лестнице будем убегать?

– Черт, – пробормотал Игорь. – Опять взрослые будут путаться под ногами!

* * *

– Работаем буквально в мыле, – профессор Даниловец, кусая длинный хвост сушеной рыбины, расхаживал по кабинету. – У мужиков глаза на лоб лезут. Закупок наделали в разных местах множество. Проверяем лекарства. 43% – плацебо¹⁶, 17% – на основе мощнейших наркотиков без объявления, 29% с разрушающими здоровье добавками иного рода, в основном – гормональными. Проверяем продукты. В обычных магазинах фальсифицированы синтезированной чуть ли не из нефти дрянью 95% товара. В «элитных» таким же образом фальсифицированы 43%. Продукты, рассчитанные на массовое потребление детьми, имеют добавки, вызывающие привыкание в ста процентах случаев. Ощущение такое, что эта раса сошла с ума, Андрюх!!!

Полковник Макаров хотел вставить реплику в возмущенный монолог ученого, но в дверь по-земному постучали.

– Разрешите войти? – Игорь проник внутрь. – Господин полковник, у меня есть дело. Предложение. Вы бы не могли меня выслушать и после принятия решения довести мое предложение до сведения Его Высочества?

* * *

Спрыгнув со свупа – купленного миссией и выданного в пользование после полуофициального утверждения плана «Троянский жеребенок», Игорь удивленно осмотрелся. Он и не подозревал, что в бурлящей жизнью Джей-Таане есть целые заброшенные... не то что кварталы, а целые заводские районы – мьюри потихоньку переносили производство в космос, где оно обходилось дешевле и не губило и так уже изрядно подпорченную местную природу, – а разобрать или приспособить подо что-то старые корпуса у них просто не дошли руки. Тут было что-то вроде башни управления

¹⁶ Плацебо – «лекарство», основанное на психологическом эффекте веры. Например, т.н. «астму» (реально несуществующую болезнь, так как внешние признаки «астмы» – просто-напросто аллергическая реакция человеческого организма на ухудшение экологии) лечат водой в смеси с ароматизаторами. Больной, искренне считающий, что это «лекарство», впрыскивает себе эту смесь из ингалятора и чувствует облегчение. Примерно так же обстоят дела с большинством «новых лекарственных чудо-средств» – это чаще всего просто-напросто аспирин и пенициллин, а то и просто глюкоза, только с различными красителями, опять же ароматизаторами и вкусовыми добавками, расфасованные в привлекательные формы. И это – в лучшем случае.

полетами в старых грузовых доках – ошестинившейся антеннами многоэтажной металлической штуковины. Стекла в ней были выбиты, но Вайми и его компанию, устроившую тут что-то вроде штаба, это ничуть не волновало. Она оказалась несколько больше, чем ожидал Игорь, – в просторном помещении бывшей диспетчерской собралось человек тридцать, и не только парней, но и девчонок – как легко догадался Сурядов, в его честь.

При этой мысли Игорь ощутил... нет, конечно, не страх, но и выставить себя дураком перед такой толпой ему совсем не хотелось. Мьюри с явным любопытством разглядывали его. Все они были лет тринадцати-пятнадцати, одетые лишь в парео на бедрах (и девчонки тоже!), с браслетами на руках и ногах – смешно, но здесь это считалось чем-то вроде национальной одежды и носилось чуть ли не в знак протеста против моды на ядовитопестрое тряпье. Видно было, что это ребята из семей, которые старались жить по заветам предков, наперекор здешнему бездушному «обществу потребления». Судя по гибким, ладным фигурам, они занимались спортом – что опять-таки было не совсем типично. У многих на боку висели длинные тонкие кинжалы или даже кобуры с самым разным «личным оружием» – его здесь подросткам покупали родители. Один хмурый парнишка держал в руках похожий на длинную узкую коробку мелкокалиберный ручной пулемет – здесь, в заброшенных кварталах, хватало самой разной швали, и даже этот свой «дом» мальчишкам приходилось отстаивать. Игорь уже знал, что некоторые из них на самом деле *живут* здесь – потому что своих домов у них не осталось или вообще никогда не было.

Сурядов вздохнул. Андрей Данилович отпустил его сюда с большим скрипом – строжайше наказав не снимать комбраса и намекнув, что за ним будут «присматривать» – не сказав, понятно, каким образом, но ясно было, что в случае чего вмешательство будет немедленным и жестким.

Как Игорь и ожидал, его засыпали вопросами. Как ни странно, мьюри поражали вещи, совершенно обычные для Игоря – о них он до этой минуты даже не задумывался, считая их совершенно естественными. Его новые знакомцы попросту отказывались верить, что на Земле родители отпускали детей на целый день, а то и не на один, зная, что с ними ничего не случится, и что в каждом незнакомом взрослом ребенок не видел потенциального смертельного врага. Игорю, в свою очередь, было дико слышать о том, что здесь нельзя доверять никому, что без умения идти по головам в здешнем обществе трудно достичь успеха. У большинства собравшихся, впрочем, это «общество успеха» не вызвало ничего, кроме глубокой ненависти – потому, что жить в нем и остаться человеком было невероятно трудно, и многим из присутствующих, невзирая на юный возраст, оно жизни уже искалечило. Абсолютное большинство мьюри были просто наемными рабами мегакорпораций и при этом искренне считали себя полноправными гражданами «самого демократического общества в Галактике» и «свободными производителями-потребителями» – этот термин, по мнению Игоря, звучал особенно дико, но в то же время – нехорошо-знакомо по урокам истории. Он многое узнал о тайных войнах корпораций – диверсии, шантаж и вымогательство, похищения и убийства – вот что тут давно стало синонимом «честной конкуренции свободных экономических единиц».

Никакой «свободой» внутри корпораций и не пахло – напротив, в них царили поистине драконовские порядки, а тех, кто продался конкурентам, они карали с изуверской, нечеловеческой жестокостью. Чуть ли не единственной мечтой почти каждого, кто работал в них, было любой ценой взобраться на вершину иерархической пирамиды, пробиться в директора, где привилегии возрастали до максимума. На таком фоне жизнь Земли казалась юным мьюри какой-то волшебной сказкой, и они слушали о ней, удивленно приоткрыв свои красивые рты, с восхищением и недоверием в глазах. Даже цена, которой было построено земное общество, – а Игорь не скрывал, как она была велика, – не слишком их пугала, веру в иллюзии и прекраснодушный идеализм у мьюри отбили уже достаточно давно. Мальчишка поразился той ненависти, с которой здешние ребята говорили о «свободном корпоративном государстве», в котором им была уготована в лучшем случае жизнь белки в колесе, вечно

бегущей за «успехом».

В конце концов Игорь просто устал от разговоров – да и хозяева тоже. Мальчишка увидел, для чего они здесь обычно собирались – песни и танцы, бесхитростные, но вполне даже симпатичные, просто веселый треп, а также подготовка к нелегкой местной жизни. Участвовать в поединках Игорю уже никто не предлагал – все тут признавали преимущество землянина, – но в тренировке по стрельбе он-таки поучаствовал, и даже непривычное оружие – в основном гаусс-пистолеты разных марок – не помешало ему взять верх с солидным преимуществом, а вот в метании кинжалов в цель отличились почему-то местные девчонки. В конце концов Вайми, явно раздосадованный тем, что ему не удалось обставить землянина в стрельбе, предложил Игорю гонку на свупах. Сурядов согласился, не вполне представляя, что его ждет.

Как оказалось, правила у гонки были довольно веселые – надо было первым добраться до видной издалека приметной башни, не поднимаясь выше уровня крыш – то есть миновать целый лабиринт заброшенных цехов, не сбившись с дороги и не врезавшись во что-нибудь. Это было совсем даже непросто. Вайми знал этот маршрут как свои пять пальцев и ничуть не сомневался в успехе. Вот только Игорь вовсе не собирался уступать – уступать он просто не умел и учиться этому не собирался.

Свупы им дали одинаковые, одной марки – чтобы все было по-честному, – и после сигнального выстрела мальчишки одновременно сорвались с места.

В первые же секунды Игорь едва не повернул назад – стремительно летевшая на него сеть спутанных колоссальных балок, труб, свисавших кабелей казалась совершенно непроходимой, но сразу же взял себя в руки. Он совершенно не знал, куда двигаться, но доверился своей интуиции, надеясь лишь на то, что она не подведет его – влететь на такой скорости в тупик означало попросту разбиться. Но все же он не представлял себе всей трудности задачи – бьющий в лицо твердый, как доска, ветер, верткий, как блоха, непривычный свуп, который то и дело пытался выпрыгнуть из-под него, летящий навстречу черно-зеленый трехмерный лабиринт, непрерывные прыжки из темноты в косо падающие сверху столбы солнечного света, мгновенно слепившие глаза...

Игорь казался себе мухой, залетевшей в заброшенный город гигантов – невероятные нагромождения кое-где уже рухнувших конструкций подавляли одним своим размером. Вайми скользил в этом лабиринте легко и плавно, словно ехал по невидимым рельсам, и землянин поначалу стал отставать.

Игорь быстро ощутил, что боится потерять соперника из виду, и эта мысль привела его в себя – он понял, что ему предстоит поединок с собой, а не с противником. Сжав зубы, мальчишка резко бросил свуп в сторону, нырнул в узкий проем в толстенной металлической стене, обогнул громадную трубу, чуть не врезался в широкую стальную балку, уже в последнее мгновение вывернув свуп в какую-то сумасшедшую вертикальную свечу и мертвой петлей бросил его вниз, уже из-под самой крыши – между каких-то колоссальных машин, прямо в смутно черневшее у самого дна отверстие туннеля, где едва синели смутные сигнальные люминофоры...

И в какой-то миг Игорь понял, что ему безумно нравится этот сумасшедший полет, состоявший почти из одних избегаемых в последний миг столкновений, когда свуп с дикой силой вырывался из-под него, а от перегрузок темнело в глазах. Вправо, влево, вверх, вниз – он стал одним целым с этим трехмерным лабиринтом, безошибочно угадывая – нет, чувствуя! – путь, то и дело переворачиваясь вниз головой, молниеносно проскакивая, казалось бы, глухие тупики, зажимаясь в столбах падавшего сверху ослепительного света, задерживая дыхание в колоннах поднимавшегося снизу густого, как молоко, пара, такого горячего, что он попросту сварился бы, если бы летел чуть помедленнее...

И вдруг все кончилось – он вылетел в залитое жарким солнцем огромное круглое пространство, посреди которого в зенит вздымалась темная громада башни. Почти в один миг домчавшись до нее, мальчишка поднял свуп на дыбы, словно норовистую лошадь, моментально погасив скорость, и мягко опустился на служивший финишем приметный

уступ, лишь потом оглядевшись.

Вайми нигде видно не было. Вначале Игорь с испугом подумал, что он уже где-то здесь и насмешливо смотрит на него сверху, но почти сразу же заметил золотистую мушку, вынырнувшую из темных металлических джунглей, на не такой уж большой дистанции мьюри отстал от него на целую минуту.

Подлетев к нему, Вайми ловко прыгнул на пол и подошел к землянину. Вид у него был несколько обалдевший – казалось, он не может поверить, что видит его здесь. Игорь явственно ощущал его злость и досаду, но это ничуть его не трогало. Он знал, что победил честно, а если мьюри решит это оспорить – что ж, пусть попробует!

Вайми на минуту замер, оглядывая его – как-то по-новому и очень внимательно. Лицо у него было хмурое.

– Я сдохну или стану таким, как ты, – наконец сказал он. Это прозвучало как клятва – да, пожалуй, и было ей.

– Попробуй, – спокойно ответил Игорь. – Многие, кстати, подышают – совсем не фигурально выражаясь. Это совсем не так просто – стать даже отчасти таким. Это не хвастовство, Вайми, поверь.

– Я не верю, я знаю. – Вайми вдруг улыбнулся. Потом протянул Игорю руку – как друг, – и тот пожал ее.

11. Душа-птица

То, что на обратном пути Игорь решил завернуть в клуб, было чистой случайностью. После гонки он чувствовал настоящее желание размять ноги, да и перекусить – поэтому, увидев сверху первую же световую рекламу, спикировал на нее коршуном. Свуп, конечно, пришлось оставить на платной стоянке – она имела рядом с этим клубом. Одернув и проверив мундир на предмет аккуратности, мальчишка проследовал внутрь так, словно был входящим в свое имение принцем.

Внутри оказалось людно... э... мьюрно, усмехнулся Игорь. Как видно, заведение пользовалось популярностью. Но свободный столик нашелся – нашелся сразу, причем Игорь мог бы поклясться, что столик сделался свободным, когда он к нему направился. Подошедшая девушка-официантка приняла заказ, уверенно заявила, что у них ни за что не осмелятся подать клиенту ничего «ненастоящего» (Игорь сомневался, поняла ли она сказанное – он-то имел в виду еду из хороших продуктов), и исчезла.

Клуб был, как понимал Игорь, типичным для Йенно Мьюри – полутемный зал со столиками, громкая неприятная музыка, залитая кислотным мигающим светом сцена, на которой две девушки глупо и смешно изображали страсть вокруг какой-то металлической трубы. Наверное, довольно приличным – вдоль стен в нескольких местах стояли явно не клиенты, молодые крепкие парни в неброской одежде внимательно оглядывали, точнее ощупывали взглядами весь зал. Заказ – странную на вкус землянина комбинацию из жареного мяса, местных овощей и специй, к тому же тщательно завернутую в какие-то местные съедобные листья – принесли очень быстро, и Игорь уже почти все прикончил, как вдруг тягостные мотания этих несчастных вокруг шеста закончились, свет сменился на однотонно-ровный, музыка тоже изменилась и стала вполне приятной и негромкой, а на сцену вышла еще одна девушка.

Она была в национальном костюме мьюри – цельном куске густо затканной серебром темно-синей ткани, обернутом вокруг тела. На босых ногах и запястьях посверкивали золотые браслеты. Подойдя к самому краю сцены, она отстранила плавающий перед лицом микрофон. Игоря удивило, какой у нее безразличный взгляд – словно бы она находилась где-то не здесь... а что верней – ей просто было наплевать на зал.

Но еще больше мальчишка удивился, когда она запела. Во-первых, это была живая песня, не под запись, как тут «пели» чаще всего. А во-вторых... Игорь уже привык к тому, что у мьюри «песнями» называются совершенно бессмысленные или слащавые тексты, а

«музыкой» – технические звуки разной частоты и высоты. Здесь же было совсем-совсем иное, и он бессознательно оперся локтем на столик, чтобы оказаться к девушке ближе...

У Игоря не было дара быстро слагать хорошие стихи, хотя он, как и любой дворянин, мог это делать вообще. И уж конечно, мог оценить песню на любом языке и понять слова... Девушка пела:

Птица всегда одна над вечерними облаками...
Как ей должно быть печально!
В безмолвии ветра ее цепким крыльям нет отдыха.
Что ты такое, моя душа-птица?
Что ты такое, моя кружащая в небе тоска?
Цветы под скалой на морозящем дожде...
Как им должно быть трудно!
Мой спутник на дороге в пустых полях,
И тебе, должно быть, одиноко?
Мы вместе идем по лугам под ветра свист,
Но не перемолвимся ни словом.
Что ты такое, моя душа-путник?
Что ты такое, мое одиночество?

«Но лишь во тьме есть Свет.
Лишь в молчании слышно Слово.
Смотри, как сверкают крылья
Ястреба в ясном небе...»

– вдруг откликнулось в Игоре на русском, и он испуганно дернулся – казалось, переведенные много веков назад на его родной язык слова древней кельтской баллады сами прозвучали в голове. Ритмика старой песни мьюри и ритмика кельтского стиха неожиданно совпадали. Мальчишка почти враждебно посмотрел на зал – черт, какие же уроды, как они могут жрать, пить и галдеть, когда им поют такое?! И, когда девушка закончила, громко, вызывающе зааплодировал. На него покосились изумленно, потом, видимо, узнали землянина... А на безразличном лице девушки впервые отразилось какое-то чувство – удивленная благодарность.

У Игоря вдруг возникло сильное, почти неконтролируемое желание – увезти эту девушку с собой. На Землю. Любой человек наклонится, увидев в грудe мусора красивую вещь – просто чтобы поднять. То же самое было и здесь. Все существо мальчишки бешено взбунтовалось против посаженного на цепь сокола, против втопанного в грязь прекрасного полотна...

Она не поедет, вдруг отчетливо понял Игорь. Это ничтожества и ублюдки легко бросают родину, стоит вокруг запахнуть жареным. Такие – нет. Такие остаются до конца. И гибнут нередко, но... но их песни продолжают петь даже в самые постылые и поганые времена. Наверное, это ее личная война – приходить сюда, петь старые песни и искать в зале хотя бы одни глаза, в которых оживет мысль... И не наплевать ей на зал, а больно и обидно за него...

Решение пришло мгновенно. Поймав за руку проскользнувшую было мимо девушку, торговавшую цветами, мальчишка бросил на поднос ей золотую монету и, выбрав большой пышный букет чем-то похожих на земные розы, вышел к сцене. Встал на колени и, подняв руки, протянул букет собиравшейся уходить девушке.

Зал умолк. Сразу, как будто рубанули сияющим клинком по шуму. Игорь ощущал сзади изумление, насмешку (невысказанную – не посмеют!) и... и зависть, тоскливую зависть. А и черт с ним со всем.

– Возьмите, – сказал мальчик. – Вы прекрасно пели.

– Спасибо, – девушка взяла цветы и немного растерянно посмотрела на Игоря. – Вы... ты землянин, не так ли? Я удивилась, когда увидела в зале землянина. – Игорь между тем помог ей сойти со сцены, а она и сама этого не заметила.

– Как вас зовут? – прямо спросил мальчик.

– Лина, – коротко представилась певица.

Игорь остановился:

– Я могу пригласить вас за свой столик?

– По-моему, мы уже к нему пришли, – с легким удивлением заметила девушка и помедлила, когда Игорь предупредительно выдвинул для нее стул. – Зачем это?

– Если за один стол садятся мужчина и женщина, то мужчина сперва помогает сесть даме, – пояснил мальчик.

Лина села с улыбкой, положив аккуратно цветы на край стола. Смерила Игоря взглядом:

– Вы всегда носите форму... – она помедлила, давая понять, что не знает, как зовут нового знакомого. Игорь поспешно поднялся, щелкнул каблуками и кивнул:

– Игорь сын Викторов Сурядовых рода, русский дворянин... – и мгновенно обернулся на смехок за спиной. – Сударь, я сказал что-то смешное?

Компания за соседним столом – из троих богато одетых парней на три-четыре года старше мальчика – замерла. Окружающие делали вид, что ничего не происходит.

– Вы находите смешными мои слова, мой внешний вид, мою манеру разговаривать с женщинами? – допытывался Игорь. – В таком случае я довожу до вашего сведения, что нахожу скотской вашу манеру жрать и ржать, когда вам со сцены поют о душе. Итак?

– Я... мы... я не имел в виду ничего... – забормотал не вовремя рассмеявшийся парень. – Он пошутил, – судорожный кивок в сторону покачнувшегося на стуле соседа, – а я просто рассмеялся... Мы не имели в виду никого постороннего... Извините.

– Это то, что я хотел услышать. – Игорь сел. – Прошу простить, Лина, – улыбнулся он внимательно следившей за ним девушке. – Да, форму я надеваю всегда, когда иду туда, где меня видят чужие. В знак того, что я на службе.

– Даже здесь? – Девушка очаровательным движением руки охватила зал. Игорь пожал плечами:

– Даже здесь.

– Она похожа на коробку с неизвестным содержимым, – серьезно сказала Лина. – Как можно знать, что внутри? Хотя... – она лукаво улыбнулась, – ...коробка красивая, только немного странная. Земля ведь холодная планета?

– Если сравнивать с вашей родиной – да, – кивнул Игорь. – Но мой мундир из особой ткани, в нем не жарко.

Лина кивнула:

– Когда я увидела в зале землянина, то подумала: *как саженец дуба в оранжерее с тропическими цветами*. Не удивляйтесь, я всегда смотрю ваши трансляции и знаю, что такое дуб. Очень крепкое и странное дерево. У него есть цветы?

– Нет, – покачал Игорь головой. – Наши деревья редко бывают с цветами и очень медленно растут. Зато они устоят там, где поляжет или вымерзнет целая роща тропического... мусора, который вымахивает за ночь.

Уголки губ девушки дрогнули – горько:

– Должно быть, и я вам показалась таким же мусором.

– Нет. – Игорь покачал головой. – Я не сравнивал вас с деревом, я просто слушал песню. Но если уж так, то вы – липа, которую заставили расти в кадке на потеху дуракам-хозяевам. У липы, кстати, цветы есть. Они хорошо пахнут, и от них бывает очень вкусный мед.

– Я никогда не ела настоящего меда, это очень-очень дорого, хоть мы и не бедные... – грустно сказала Лина.

Игорь прикусил губу:

– Послушайте, Лина... Послезавтра в нашем посольстве будет бал. Мы тоже можем кого-то пригласить – каждый по одному человеку. Я хотел пригласить одного вашего парня, но теперь меняю решение. Если вы согласитесь, я приглашу вас.

– А потом? – тихо спросила Лина.

Игорь чуть свел брови:

– Потом я, если позволите, провожу вас домой. Если же на балу вы споете, то мы все будем считать себя обязанными вам.

– Вам и правда понравилась моя песня? – грустно спросила девушка.

Игорь наклонил голову:

– Она похожа на старинные баллады некоторых народов Земли.

– Иногда я пишу песни сама, – улыбнулась Лина. – Вижу что-то во сне, а потом пишу увиденное. Но эта песня на самом деле очень старая. Ее пела Лина, моя тетка, когда герой Вайми впервые увидел ее – на холме посреди полей. Сейчас про это почти никто не помнит. Есть, правда, несколько фильмов про эту историю, но они так пошлы и глупы, что... – Лина печально умолкла.

– Вы ходите сюда, чтобы хоть кто-то услышал ваши песни? – тихо спросил Игорь.

Девушка кивнула:

– Да... нет, не совсем. Я не хожу, мой отец владеет этим клубом, целой сетью. Поэтому я пою тут, и в других местах, и мне не запрещают, хотя это совсем не кассово.

– Как? – не понял Игорь.

– Моими песнями не привлечешь публику, – пояснила девушка.

– Какая глупость, – сердито сказал мальчишка. – Знаете, ваша песня – первая настоящая песня, которую я слышу на Йенно Мьюри!

– Мне очень стыдно, что это так, – прошептала Лина. Игорь смутился. – Иногда – очень редко! – я вижу людей, которые и правда слушают то, что я пою. Это счастливые дни. Если это повторяется несколько раз, я приглашаю такого человека в наш клуб, он у нас возле дома, довольно далеко отсюда. Там я отдыхаю душой... Но мы можем только собираться, говорить и петь. И ничего не можем изменить...

– Хотите, – с тяжелой злобой сказал Игорь, – сейчас погаснут все эти дурацкие вертучие огни, и вся эта пискливая свора...

– Не надо. – Рука девушки легла на крепкий, окаменелый от ярости кулак земного мальчика. – Я верю, что вы можете так сделать. Но я не хочу. Эти люди вокруг... они одной крови со мной. Мне стыдно за них, но я не хочу вымещать на них чужую злость... – и неожиданно назвала мальчика на «ты». – У тебя смешные волосы смешного цвета. А глаза – как серый металл... Многие у нас боятся землян, сочиняют про них глупые небылицы и сами же им верят. Но теперь я могу им сказать, что этого не нужно делать. Земляне не злые.

Игорь ошеломленно поднял брови. Странная реакция именно на вспышку гнева... Но Лина продолжала:

– Человек, который может злиться за другого, – хороший и добрый человек. Я принимаю твое приглашение, Игорь. Я приду – только скажи точно, когда. А куда – вся столица знает.

* * *

Прием в земном посольстве был обставлен неожиданно для мьюри. Они уже привыкли к тому, что земляне – народ не слишком-то стремящийся к роскоши. Поэтому и были ослеплены. Даже не богатством и пышностью, а именно строгостью официального действия.

Сияющий громадный зал – в бело-золотых тонах, с огромными зеркальными панелями и блистающим паркетом, похожим на лед, под которым движутся неясные загадочные тени. Голограмм тут не было. Зато были – не считая множества гостей – несколько сотен землян. Женщины в легких, но в то же время сложных платьях, почти открывавших грудь, усыпанные драгоценностями, – и рядом с ними строго одетые мужчины, даже не в мундирах,

а в дворянском, со шпагами на поясах – шпагами, которые при такой одежде можно отстегнуть лишь на время танца... Звучала музыка, которую время от времени прерывал ясный, звучный голос распорядителя, громогласно объявлявшего о прибытии нового гостя или делегации. Когда вошел лорд Оксбридж, послышалось протяжное, мощное: «О-хоооой!» – англосаксонских гостей и лязг гард шпаг об устья ножен.

Кстати, Вайми не остался без приглашения – позаботился Яромир (да и другие лицеисты не обошли приглашениями своих знакомых – так что в зале было полно мьюрской молодежи, одетой в национальные костюмы и ведшей себя несколько скованно). Но, если честно, Игорь это отметил так – краем глаза. Он ждал Лину и с трудом сдержался, когда объявили ее.

Девушка вошла в зал очень естественно, высоко неся голову и развернув плечи. И даже пока она еще не видела Игоря, в ее лице и движениях не было смущения. Зато когда мальчишка подошел и отвесил поклон, Лина улыбнулась. Игорь хотел ей сказать какой-нибудь нехитрый комплимент, но тут распорядитель прогремел:

– Дамы и господа, гости Земли! Его Императорское Высочество!

После короткого – волной – движения зал замер. Русские дамы чуть присели в реверансе, склоняя головы, над головами русских мужчин взметнулись клинки. Игорь вскинул вверх шпагу и плотно стиснул губы. Краем глаза он отметил, что Лина смотрит на него внимательно и непонятно, но сейчас, по чести сказать, ему не было дела до нее. Там, от высоких распахнувшихся дверей, украшенных гербами Империй – русскими – поражающим демона Хадарнави – и английскими – Волками Водена, – шествовала Власть. Непреклонная, могучая, всеобъемлющая, величественная, служить которой – счастье и благо... Он почти обиделся, когда наследник престола вдруг улыбнулся, отстегнул на ходу шпагу, передал идущему следом офицеру и склонился перед женщиной – своей женой, и уже она, царственно и с достоинством Женщины-Матери и Подруги, распрямившись, стала выше склоненного перед нею мужчины и благосклонно протянула ему руку...

– Большой Круг Вальса! – объявил распорядитель. Мужчины отстегивали оружие, размещая его вдоль стен...

– Разрешите пригласить вас? – повернувшись к Лине, Игорь чуть наклонил голову. На лице мьюри отразилось удивление.

– Я не знаю этого танца, – покачала головой девушка. И увидела, что землянин улыбается:

– Не беспокойтесь, просто идите за мной, – и подал руку. Властным, не терпящим отказа жестом...

Песня-печаль. Дальняя даль.
Лица людей простые...
Вера моя, совесть моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал
Белой твоей пурги...

Музыка вальса вдруг взмыла, понеслась и стала почти ужасной, ликующей и свирепой. Но в то же время она не давала вырваться из своих объятий, затягивала, кружила и несла... Девушка с восторгом и страхом поняла, что полностью принадлежит партнеру – мальчишке с каменным лицом, похожим на этот вальс, странным образом неподвижный и бешеный...

Русский вальс – трепетный круг солнца и вьюг.
Милый друг, вот и прошли годы разлук...
Милый друг, вот и пришли годы любви...

Русский вальс – нашу любовь благослови!

На время мелодия смягчилась, словно бы затосковала...

Жизнь моя – Русь.
Горе и грусть.
Звезды твои седые...
Издавека я возвращусь
Песней твоей, Россия.
Все позабыв и не скорбя,
Можно прожить вдали...
Но без тебя, но без тебя
Нет у меня любви!

Грохнуло снова и ринулось:

Русский вальс – трепетный круг солнца и вьюг.
Милый друг, вот и прошли годы разлук
Милый друг, вот и пришли годы любви...
Русский вальс – нашу любовь благослови!

Вешних лугов, праведных слов
Буду беречь ростки я.
Вера моя, удадь моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал
Белой твоей пурги.
Милый друг, вот и пришли годы любви...
Русский вальс – нашу любовь благослови!
Русский вальс —
нашу любовь
благослови!¹⁷

Музыка оборвалась, и девушка упала бы, не поддержи ее руки землянина. Игорь отвел партнершу, находившуюся в полном ступоре, к стене, снова чуть поклонился:

– Благодарю.

– Какая страшная и красивая песня, – прошептала Лина, очнувшись. – И очень красивый танец.

– Это вальс, – пояснил Игорь. – Король танцев.

Лина ничего не ответила. Игорь провел ее по залу, знакомя со всеми подряд – да весь зал вращался в неспешном круговороте передвижений, – подцепил со скользящего мимо киберподноса мороженое с ликером, передал девушке. Хотел спросить, нравится ли ей здесь, но Лина подняла свободную руку:

– Можно я послушаю?

– Конечно, – немного удивился Игорь. Он не сразу понял, что она имеет в виду молодого офицера – видимо, немца – который, держа на колене арфу, играл и пел для стоящих вокруг – и землян, и не меньше чем двух десятков инопланетян...

¹⁷ Стихи Н. Добронравова.

an der ewigen Suchen nach verlorenem Namen,
gierig drinkend des Mondes kaltes fließendes Eis,
Klausner wilder Oede, heimlich der Nacht entstammen,
mein vergessenes Schatten heult im steineren Kreis.

riechen nach spaerlichem Wermut beissende Tropfe des Regens,
neigt sich das Himmel des Friedhofs gegen heidischem Kreis.
ohne Stolze und Hoffnung, Seine Vergebung wegen,
schreiend das bloede Luder seine Stimmbaender reisst¹⁸.

– Он не из твоего народа, – утвердительно сказала Лина. Игорь кивнул:
– Не из моего, хотя и из моей Империи... А что?
– Печальная песня... Вообще вы тут совсем не такие, как на Ярмарке. Очень другие...
– Сурядов, – раздался над плечом мальчика голос, и он, обернувшись, увидел Цесаревича. – Может быть, твоя прекрасная гостья, – он поклонился, – споет нам? Ты расхваливал ее голос.
– Думаю, излишне, – спокойно сказала Лина.
Игорь бросил на нее отчаянный взгляд – женщина! не представленная! первая! с Цесаревичем! Но тот проигнорировал нарушение этикета.
– И тем не менее, позвольте нам судить об этом. Итак? – Наследник подставил руку. – Позвольте увести вашу даму? – Это уже было сказано Игорю, который ответил поклоном:
– Ваше Высочество...
...Когда Лина вернулась к Игорю, идя сквозь аплодисменты, как сквозь живой свет, он посмотрел на нее задумчивым взглядом.
– Жаль, что большинство не поняли, о чем песня, – грустно сказала девушка. – Но ваши слушали очень хорошо. Я почувствовала... Что с тобой? – встревожилась она.
Игорь усмехнулся – коротко, резко. И заговорил по-русски:

– Здравствуй, моя богиня с кошачьим взглядом,
Здравствуй... Вот, я стою пред тобой на коленях.
Здравствуй... Да что там, просто – я буду рядом,
Мы – просто рядом, мы поднимаемся по ступеням
Твое лицо – такое теплое, милое личико,
Умеющее стать сталью в обрамлении пушистых кудрей, —
Теперь носят, как маску, девы с мозгами птичьими:
Они крадут твою сказку, не придумывая своей.

Ты – белый пламень в черно-серебряном тигле,
Давай я обращусь в ветер – огню он необходим;
Твой мир – как бездна, и я – в тебе, я тебя настигну

По алтарю стекает кровь из пустой глазницы,
горькая, как победа, жгучая, словно месть.
Небо молчит, сквозь тучи бьются грозы зарницы,
только губам звериным имя не произнести.

И, раздвигая тучи штевнем перед собою,
путь продолжает бледный барк на серой волне.
Стая теней оленей пятится к водопою,
зверь, потерявший имя, воеет в кольцо камней.

Сдвинутые брови девушки изломились сильнее:

– Что это? – спросила она быстро.

– Твоя песня, – ответил мальчик. – Я перевел сейчас. Дарю!

И подал ей руку:

– Пошли, сейчас снова будет танец!

И налетела музыка, вовлекая всех в новый вихрь...

...Я гляжу на тебя с тоской.

Я боюсь, ты уйдешь навсегда.

И погаснет над нашей рекой

В небесах молодая звезда.

Жизнь открыта недобрым ветрам.

Только истинный выстоит храм.

Ты мой сын, ты сын России.

Не молись чужим богам!

Гнутся деревья, гнутся к земле, ты не согнешься.

К дому родному даже во мгле снова вернешься.

К дому родному даже во мгле снова вернешься...

Тростники все шумят над рекой, я на помощь
к несчастным иду.

Я зажгу над родимой землей среди туч золотую звезду.

Трудно соколу в небе лететь, трудно песню о Родине петь.

И никто, никто не знает, сколько нам еще терпеть.

К нашим истокам даже во мгле снова вернемся.

К нашим истокам даже во мгле снова вернемся²⁰.

12. Стальные когти пластмассового мира

Игорь не сразу понял, что его разбудило – не звук, не было тут никакого звука. Просто острое, как нож, ощущение опасности. Рывком сел, но не сразу понял, где находится. Комната была многогранной, высокой и почти темной, с металлическими стенами. Из-за широких стальных пластин струился тусклый зеленоватый свет. Постель была низкой, на полу лежали темные меха. Пробивавшийся из-за пластин свет был призрачным, но был и еще один его источник – сияние рассвета, проникавшее через широкий проем. Совершенно беззвучно в нем возникла облитая черным фигура и замерла, осматриваясь. Даже лица ее видно не было – только тускло мерцающий пузырь глухого забрала.

Игорь невольно подумал, что им с Андрюшкой не стоило спать тут, на крыше, в этом дурацком мезонине, предназначенном непонятно для чего, но после бала оставаться внизу, среди навязчивой «мебели», было слишком уж тошно, а на Ярмарке заночевать опять не разрешили – теперь уже не из-за излишне энергичного поведения, просто домики срочно понадобились подо что-то экстренное и важное. И теперь...

Плавным, беззвучным движением фигура подняла станнер – точно такой же, как показывал им полковник еще в корабле. Игорь понимал, что не успеет допрыгнуть до

¹⁹ Стихи Рандира.

²⁰ Стихи Н. Добронравова.

незваного гостя, но это, к счастью, и не требовалось. Английский дирк словно живой ввернулся в руку, короткий замах, и мьюри беззвучно согнулся, молча хватаясь за торчащую между ребрами рукоять. Мертв, мгновенно определил Игорь. И точно – мьюри покачался на согнутых ногах и завалился на спину. Все происходило беззвучно, как во сне, и казалось совершенно нереальным. Именно поэтому Игорь и не продолжил действовать тут же, мгновенно.

А какой-то доли секунды мьюри хватило.

За первой черной фигурой стояла вторая, тоже со станнером. Игорь увидел, как Андрей стремительно скатился с постели, поднимая РПП, – и тут мир вокруг него взорвался.

Мальчишка рухнул на пол без сознания.

* * *

Игорь очнулся почти сразу – то ли его задело лишь краем луча, то ли стрелявший не представлял себе стойкости землянина, но сознания мальчишка надолго не потерял, лишь в голове помутилось, и все тело стало отвратительно-ватным.

Игорь с трудом поднялся на четвереньки, помотал головой, прогоняя предательскую слабость, и одним упругим рывком вскочил на ноги.

В комнате было пусто. То есть совсем. Нет, убитый им мьюри так и лежал на пороге, но вот второго не было... и Андрея тоже!

Сердце обморочно бухнуло, мерзкая слабость вновь поползла вверх от ног, застилая зрение. На миг закрыв глаза, Игорь яростно выжег ее, потом одним рывком выскочил из мансарды.

Воздух здесь был теплым и влажным, ветер – едва ощутимым. Никого больше на крыше не оказалось, он не слышал ни звука, только в воздухе висел слабый, низкий гул, исходивший словно бы из всего окружающего пространства.

Игорь вновь быстро осмотрелся – не мог же похититель просто так исчезнуть! – и его взгляд упал на свуп, паривший над самым краем террасы, машину первого, убитого им мьюри. Второй свуп уже таял над крышами исчезающей мушкой, и мальчишка не стал раздумывать – он оседлал упруго просевшую машину, ощутив, как изогнутые захватные выступы плотно сжали его бедра: теперь он не смог бы свалиться, даже если бы очень захотел и сам попытался это сделать. Его ладони плотно сжали руль, босые пятки уперлись в разгонные педали. Всего одно легкое нажатие – и ветер ударил в лицо, взъерошил волосы.

К удивлению Игоря, силовое поле расступилось перед ним, словно дым, – теперь он понимал, как эти двое попали сюда. (Мелькнула мысль – если в свупе есть какой-то генератор, «глушащий» поле, то такая машина – просто находка для Земли!) Но почему нападавших никто не заметил? Откуда они узнали, что Андрей – теперь не приходилось сомневаться, что они пришли именно за Андреем! – будет спать именно здесь?

Увы, сейчас было не время задавать вопросы. Игорь запоздало осознал, что в пылу погони он не взял с собой оружия – вообще никакого оружия, даже дирк остался торчать в убитом похитителе – не взял даже снятого на ночь комбраса (о идиот, за такое надо пороть – ведь говорили же: не снимать!!!), а из одежды на нем оказались лишь трусы. Вот только времени возвращаться уже не было – он заметил Андрея, переброшенного через седло свупа и грубо прихваченного к багажнику ремнями. Мальчишка не двигался, лишь его ноги безжизненно мотались – должно быть, его оглушили очень основательно. И не только станнером, а добавочно примитивно и надежно – по голове чем-то тяжелым.

С двойным грузом свуп похитителя медленно набирал высоту, и Игорь догонял его. Он не представлял, что станет делать, когда догонит, в его прошлом не было похожих случаев, как можно драться врукопашную в воздухе на скорости под сто километров в час, но, когда ему оставалось всего метров тридцать, его заметили. Мьюри оглянулся и, описав мертвую петлю, вдруг бросил свуп вниз, к далеким крышам.

Игорь опрокинулся за ним. От стремительного спуска у него заложило уши, теплый,

казалось бы, воздух вдруг сделался резким, секущим, отчего по коже побежали мурашки. Мьюри падал вниз как камень. Он выровнял свуп уже над самыми крышами и помчался вдоль нее, огибая гудящие призмы воздухозаборников и узкие массивы оплетенных трубами темно-зеленых механизмов. Игорь летел за ним, изо всех сил стараясь ни во что не врезаться и не потерять его из виду – помогала молниеносная реакция землянина. Такие же темно-зеленые гладкие плиты скользили под ним, иногда проваливаясь на несколько метров вниз. Иногда Игорь чуть поднимался, минуя пешеходные мостики, которые тянулись вдоль пучков кабелей и труб или ограждения из сетки. Как-то вдруг под ними открылась улица – и мьюри направил свуп туда, вниз, в ущелье между массивами темно-зеленых стальных стен. Кое-где исполинские плиты были раздвинуты, и Игорь то нырял в мощные потоки теплого, пахнущего машинным маслом воздуха, то выскальзывал из них.

Он уже видел дно – голую бетонную полосу, усыпанную всевозможным мусором. Было ясно, что живые мьюри годами не появлялись здесь. Выровняв свуп, похититель помчался вдоль нее. Если бы не косые пучки света от закрепленных на стенах синих фонарей, здесь было бы почти совершенно темно: здесь еще царила ночь. Игорь не заметил ни единой живой души, даже каких-нибудь животных, хотя крысам тут самое место... Машин здесь не было тоже. Сами улицы, правда, были довольно широкими. Они сходились по две или по три и вновь расходились косыми лучами. Мчась за чужим свупом как привязанный, Игорь миновал несколько таких перекрестков, а потом чуть было не врезался в стену, отвернув лишь в последний миг.

Мгновением позже он понял, что путь ему преграждает огромный, с двухэтажный дом, люк, занявший всю середину улицы. Долетев до него, свуп встал на дыбы, словно норовистый конь, потом замер... и Игорь заглянул вниз.

Вглубь уходила прямоугольная шахта. Она была такой глубокой, что мальчишка не видел ее дна, но зато видел летящий по ней свуп похитителя. Стенки шахты были из той же темно-зеленой стали, вдоль них протянулось несколько цепочек белых неярких огней. Изнанка люка была темной, словно закопченной. Игорь ощутил себя едва ли не муравьем – с двух сторон крышку люка подпирали две пары огромных гидравлических цилиндров. Их блестящие штоки были толще его тела, а поршни он даже не смог бы обхватить.

Недолго думая, Сурядов бросил свуп вниз, через минуту достигнув дна шахты – здесь начинался, казалось, бесконечный туннель. Просторный, он выглядел узким из-за своей высоты, его пол был прорезан глубокой трапецевидной траншеей. Между косыми выступами гладких стальных стен, высоко, из узких прямоугольников матового стекла, струился неяркий синеватый свет.

Место здесь было какое-то странное, на удивление тихое, лишь в воздухе висел печальный негромкий гул, не имевший источника: даже прислушавшись и покрутив головой, Игорь не смог определить, где рождается звук.

Он помчался вдоль ощущавшегося бесконечным туннеля, пока тот не оборвался, впадая в другой, поперечный – точной такой же. Здесь, далеко справа, виднелось крохотное темное пятно – туннель там кончался, впадая в огромное неосвещенное пространство, и, следуя толчку инстинкта, Игорь повернул в ту сторону.

Всего минут через пять он вылетел в огромное помещение, стены которого терялись в темноте. Его заполнял лес толстенных, исполинских колонн, покрытых неправильной мозаикой тускло светящихся зеленоватых панелей, верхняя и нижняя их части исчезали в непроглядном мраке. Воздух здесь был тяжелый, жаркий и влажный. Ага! Именно откуда-то снизу исходил этот гул, по-прежнему почти неслышимый, но теперь уже настолько могучий, что от заполнявшей здесь воздух вибрации у мальчишки дрожали даже пальцы на ногах.

Игорь на миг закрыл глаза, пытаясь почувствовать Андрея – их учили и этому, и не удивился, уловив едва ощутимый отзвук. Андрей только-только пришел в себя и ничего не понимал. Его сознание было похоже на выброшенного на берег пловца, который может только слабо озираться: куда я попал, что со мной было?!

Игорь бесстрашно бросил свуп вниз, чувствуя, как густеющий воздух мягко обнимает

его, подобно жаркому, влажному одеялу. Вокруг становилось все темнее, и, наконец он замер на границе абсолютной тьмы, где колонны и разделяющий их мрак сливались в неразличимую фосфоресцирующую пустоту и лишь где-то бесконечно далеко наверху едва брезжило призрачное свечение. Игорь не представлял, как глубоко спустился – может быть, на несколько километров под землю. Он чувствовал, как вокруг что-то движется. Никаких звуков не было – да здесь он и не мог их услышать, но его кожа ощущала слабые колебания жаркого, застойного воздуха. Тот ощутимо давил на грудь, и Игорю было трудно дышать.

Он уже не понимал, пребывает наяву или во сне. Окружающее напоминало полигон. Или это и правда полигон? С самого начала? Какая чушь... Его сознание населяло окружающий мрак образами – и он ничуть не удивился, когда один из них выплыл к нему. Это было черное, овальное, плоское существо, в два или в три его роста длиной, покрытое гладким блестящим панцирем и состоящее из множества сегментов. Оно скользило в воздухе беззвучно, волнообразно колыхаясь. У него не было головы, казалось, не было рта или глаз, но его кромку окаймлял ряд тонких плавников, острых, словно бритвы, а из переднего конца тела торчал целый пучок тонких, как иголки, длинных пик. Игорь совершенно не представлял себе, что это за тварь и на что она способна. Да и вообще – реальное это существо или плод его воображения? Он лишь бездумно уклонился от чудовища и направил свуп вверх. Но, едва он начал подниматься, наверху показалось еще несколько свупов. Иначе окрашенные, чем трофей Игоря, они были совершенно идентичны по форме. Кто сидел на них, мальчишка разглядеть не успел – словно невидимая рука дотянулась до него и одним сокрушительным ударом выбросила прочь, в темноту.

* * *

Офицер полиции мьюри, присланный в посольство, был в высоких чинах, и Цесаревич, взглядевшись в гладкое, золотисто-смуглое лицо, понял, что мьюри далеко не так молод, как это могло показаться на первый взгляд. Кроме того, он ощутил (и это ощущение лишь добавочно подтверждало полученные по кое-каким каналам данные), что офицер честен – среди высоких чинов Йенно Мьюри это было не то чтобы совсем уж исключением, но явлением нечастым. Видно было, что офицер раздражен и слегка смущен, хотя эти свои чувства он прятал очень хорошо и, представившись: «Помощник комиссара Руллимаат Кхеммур», – сразу же перешел к вопросу похищения.

– Странно, что мальчики спали в незащищенном помещении, на крыше, – заметил он первым делом. – Возможно, они сами назначили встречу с кем-то? У нас есть сведения, что... м... одному из них поступало предложение...

– Нам это также известно, – взглядом попросив разрешения у Цесаревича, вмешался Макаров. – Разрешите представиться – ведущий группы, полковник Макаров Андрей Данилович. Я отвечаю за лицеистов. И отвечаю также за то, что на условия той встречи они согласиться не могли.

На лице офицера полиции появилась скептическая улыбка.

– Скажите, – не дал ему открыть рта Цесаревич, – сколько вам нужно заплатить, чтобы вы вели это дело энергичней?

Щеки мьюри потемнели от мгновенного гнева. Но и на этот раз ему не дали ничего сказать:

– Видите, – мягко заметил Цесаревич. – У вас вызвала отвращение сама мысль о взятке.

– Я понял вас, – кивнул офицер, успокаиваясь. – Я даже готов вам поверить. Но я уже убедился, что земляне очень любопытны. Я тоже... э... в свободное время посещаю мероприятия Ярмарки и познакомился с вами достаточно близко... Возможно, мальчикам пообещали экскурсию или что-то вроде этого...

По знаку подполковника Алябьева, отвечавшего за безопасность миссии, прямо в кабинет вкатили на столике тело убитого. Из него даже не выдернули дирк Игоря.

– Это похоже на приглашение? – уточнил Цесаревич.

Полицейский, взглядом попросив разрешения, подошел к труп, поднял маску, одновременно что-то просматривая на маленьком экранчике, легшем в левую ладонь. Через несколько секунд он кивнул:

– И снова признаю вашу правоту. Мне... нам хорошо знаком убитый. Он не из тех, кто развозит приглашения от пресыщенных дам мальчикам. Но он вполне мог заняться организацией такого приглашения без согласия приглашаемого... Это наемный охотник за головами – профессионал очень высокого класса.

– Послушайте, господин Кхеммур, – неожиданно резко сказал Цесаревич. – В то время, пока мы тут ведем разговор, мальчики где-то находятся, и они, я уверен, живы. Так вот. Как официальный представитель Русской Империи, я заявляю: если хоть с одним из них случится что-то – война будет делом решенным. Проиграем мы ее, нет, но ее не избежать. Возможно, у вас к этим вопросам относятся проще. Возможно. Но мы не допускаем подобных вещей с нашими людьми – любого возраста и положения.

– Как официальный представитель Англо-Саксонской Империи, я поддерживаю русского брата, – холодно сказал, сверля мьюри пристальным взглядом, лорд Оксбридж, глава англосаксонской миссии, находившийся тут же. – Мальчики должны быть возвращены целыми и невредимыми. В противном случае будут подняты не только наши силы, но и силы восьми союзных нам рас. Можете поверить – они пойдут за нами и на такое. Репутация скиуттов, надеюсь, вам известна, как и их реакция на нанесенные им и их союзникам оскорбления. Кроме того, Земля будет вынуждена заключить союз с Империей Сторкад, а сторков еще никто не обвинял в трусости, равно как и не хвалил за милосердие к врагу. Может быть, вы выиграете и эту войну. Может быть. Но цена победы будет слишком тяжелой – даже для вас.

Его адъютанты встали за спиной лорда ало-сине-золотой стенкой. Один из них – похожий скорей на медведя, чем на волка, огромный даже по меркам своей могучей расы скиутт в специальном «туземном» мундире той же расцветки, что и у людей, – смотрел на мьюри так, как будто собирался разорвать его пополам прямо тут – скиутты относились к «обидчикам детенышей» еще хуже землян.

Полицейский не смог скрыть – и не пытался скрыть – волнения, почти испуга. Но не за себя, это тоже было видно, и внушало уважение. Он оглядел лица землян и быстро заговорил:

– Господа, господа. Вы, видимо, не поняли. Никто из официальных лиц, даже никто из представителей наиболее агрессивно настроенных в вашем отношении корпораций не имеет к этому ни малейшего касательства. Это акт не политический, похитителей наняли взбалмошные женщины, помешанные на своих деньгах и своих удовольствиях...

– Едва ли это может послужить оправданием и облегчит судьбу мальчиков, – сказал полковник Макаров. – Похитители – ваши граждане, заказчики – тоже, как я понял. Следовательно, и отвечать вам. А действовать... – Он не договорил.

– Более того, вам известны заказчицы, ведь так? – спросил Алябьев. Мьюри кивнул. – Тогда я не понимаю, в чем дело.

– Мы проверили дома – все дома – этих женщин, – пояснил полицейский. – Там никого нет... никого постороннего. Мальчиков, конечно, содержат где-нибудь в катакомбах... и можете мне поверить, чтобы прочесать их – не хватит всех сил полиции планеты. Кроме того, мы получили сообщение – конечно же, анонимное, – что в случае ареста заказчиц похищенных просто убьют. Сразу. Мы боимся проводить арест, остается только ждать, когда они отправятся к «игрушкам» и...

– Как я понял, вопрос только в том, что неизвестно местонахождение похищенных? – вкрадчиво спросил лорд Оксбридж.

– Именно так. Кроме того, даже если мы узнаем это место и освободим их, нужно будет получить живым кого-то из похитителей, чтобы он дал показания против заказчиц, а это еще труднее... – пояснил мьюри.

– Как все сложно, – немного хищно улыбнулся англосакс. Он быстро переглянулся с

Цесаревичем, и глава русской миссии заговорил:

– Если мы узнаем местонахождение, мы получим возможность действовать самостоятельно? Гарантирую, что вы, в свою очередь, получите по крайней мере одного живого похитителя, а следовательно, сможете привлечь к ответственности по вашим законам заказчиц и отчитаться начальству о том, что вами улажен серьезнейший конфликт. Размен?

– Размен, но... – Мьюри покачал головой. – Я могу согласиться с тем, что вы, земляне, – решительные существа... по крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы преступник такого класса, – кивок на тело, – был убит подростком при помощи ножа... Но я хочу быть честен: узнать место, где держат похищенных, можно лишь со слов одного из похитителей. Вы не представляете себе, как велики подземелья столицы. Миллионы путей, миллионы запахов – отказывают даже интеллектуальные ищайки... Неосторожные же действия могут привести к тому, что похищенных опять-таки убьют. Я не буду скрывать, хотя мне... – Он сделал усилие, – ...мне стыдно говорить такое о моих соотечественницах... мальчиков похитили для того, чтобы потешить некоторые... м... фантазии... и...

– Оставим этот разговор, – поморщился Цесаревич. – Так вы согласны на размен?

Мьюри задумался. Потом решительно кивнул и подтвердил снова:

– Да. Эти похитители в любом случае давно вне закона, и их смерти не вызовут ни малейшей официальной реакции. Хотя я по-прежнему не понимаю...

– Отлично. – Цесаревич прервал полицейского просительным жестом и повернулся к лорду Оксбриджу.

Англосакс подошел к трупку на каталке. Положил ему на грудь ладонь – сняв белую с золотом короткую перчатку. И резко, но ясно сказал:

– Steyni.

Конечности трупа дернулись, как от заряда тока.

Мертвец сел.

13. Русские идут

Глубокие, гортанные голоса твердили что-то на самом краешке сознания, незаполненном мутью. Твердили снова и снова. Это чем-то напоминало работу пневматической дрели – уррроооууу-уррраааууу, уррроооууу-уррраааууу, урр урр урр... Потом муть начала отступать, откатываться, хотя Игорь и не делал для этого никаких сознательных усилий – организм сам очищал себя, все быстрее и быстрее, и разум очнулся как раз в тот момент, когда урчание стало восприниматься как слова чужого, но понятного языка, а мозг подал сигнал: «Ты связан!» – раньше, чем тело задергалось непонимающе.

– ...ты мне рассказываешь сказки, Хент!

– Бренц, я тебе клянусь чем угодно, ты же знаешь меня, и Джехаана ты тоже знал! А он даже дернуться не успел, когда вот этот дикарь всадил в него нож! Я и не понял тогда, что с ним, просто тут же ударил по ним полной мощностью, и хорошо, что перестраховался – еще мгновение какое-то, и наш заказ поджарил бы и меня, у него оказалась плазменная пушка!

– Ты что, хочешь сказать, что они нарочно вылезли спать в башенку, чтобы устроить вам засаду?! Не гони мне чушь, это обычные мальчишки! Дурацкие мальчишки с дурацкой короткой стрижкой и дурацкой... – Что там еще у них с Андреем (где Андрей?!) дурацкое – Игорь дослушать не смог, потому что Хент буквально зашипел рассерженным котом:

– А ты что, хочешь сказать мне, будто нарочно подставил Джехаана? Где, зачем?

– Не знаю! Но точно знаю, что после удара полной мощностью лежат пластом час, а не угоняют чужие свупы и не летят безошибочно через полгорода, словно на сигнал маячка!

– Хент сработал чисто, – третий голос. – Я не знаю, как этот дикарь завалил Джехаана, но он на самом деле шел по следу как хорошая ищайка. Мы сверху наблюдали. Даже если терял его из виду – находил почти сразу. Крутнется, головой повертит – и выбирает правильное направление.

– Вот видишь, – сказал Хент, уже примирительно, – что ты шумишь? Ну да, Джехаан

мертв. Но он сам виноват, нечего было расслабляться. Полиция от него получит только тело для кремации, его долю заплатим той девчонке с сопляком, над которыми он так трясся. Заказ у нас, и даже с довеском. Дело сделано.

– Я не люблю странностей, – настойчиво повторил Бренц. – Если все было так, как ты рассказал, то парень наверняка псионик, а это дело всегда пахнет дерьмом.

– Потому я и вкатил ему полторы взрослых дозы тразеина, – снова третий голос. – Проспит сутки, и это как минимум. Хотя, сказать по правде, когда он выследил нас в гидротерме, я тоже... забеспокоился. Странные они, эти земляне. Я на Ярмарку захаживал – очень странные. Как бы не повторилась история с джанграми, помните?

Молчание – почти испуганное... ага, уже ощущаю чужие эмоции. Хорошо. Игорь по-прежнему лежал неподвижно. Он был связан, но не веревкой, а пластиковыми лентами – такие штуки от рывков затягиваются сильнее и сильнее. Но если не рваться...

– Не сравнивай, Дван, – процедил Бренц. – *Кого* похитили тогда *икого* сейчас? Кроме того, в этих лабиринтах и принца не нашли бы. Джак Овано был просто болван. И, как болван, получил по своим болванским заслугам вместе с тем извращенцем, Кертерном.

– А я бы их отпустил, – вдруг сказал Дван. Снова молчание – изумленное на этот раз. Изумление просто-таки дышит в тишине.

– Ты что, снова надышался эйфорита? – брезгливо спросил Бренц. – Как это – отпустил бы?

– Да вот так. Ну, не отпустил бы... Разрезал бы ленты и оставил тут. Сдохнут в катакомбах – не наша вина, если найдут трупы, то нас не замажут. Выберутся – их счастье. А те две полоумные стервы пусть чешут свои... – грубое, отвратительное ругательство, – ...хоть о слингера. У меня нехорошее предчувствие. Вот как увидел, как этот, – Игорь ощутил кивок, – на свупе гарцует и по сторонам башкой вертит, как полицейский радар, тут и появилось, и не оставляет оно меня, хоть убейте... Это вторые аниу. Точно вам говорю. Мы с головой не посоветовались, когда подписались на это похищение.

– Взять аванс и не сделать дело – это позор, – голос Бренца жесткий, как старинная окопная проволока из музея, такой же колючий.

– Аванс можно вернуть и выплатить положенную неустойку.

– И стать посмешищем для всех и вся? Думаешь, никто не поймет, в чем тут дело? Поймали двух мальчишек вместо одного, испугались и выпустили их, да еще и доплатили за их свободу из своего кошелька! Над этим будут хохотать сто лет! Или двести! А через триста нас будут упоминать как пример трусости и глупости!

– Нет, отпускать их нельзя, конечно, – сказал Хент. – Но куда девать второго? Нам заплачено за одного.

– Если бы это были не земляне, я бы его просто продал обратно своим, – ответил Бренц. – А так и правда не стоит. Они явные психи – откажутся, да еще и настучат полиции.

– Передать тем стервам за двойное вознаграждение, – предложил Хент. – Не думаю, что они откажутся заплатить за вторую игрушку.

– Нет. – В голосе Бренца металл. – С этим парнем у них наверняка будут проблемы, если вдруг что, то нас же и обвинят, я хорошо их знаю. Лучше вообще не говорить им о накладках. Вот ваш заказ, комнату мы вам подготовили, давайте наши деньги, спасибо, успехов в тяжелом пути. Мы улетаем, они остаются – и все, кончены общие дела.

– Тогда отвезем его в порт и продадим, – упрямо продолжил Хент. – Хотя бы джаго. У них пунктик насчет землян, а за несовершеннолетнего мальчишку они заплатят втрое.

– Нет, – снова отрезал Бренц. – Не стоит. Не хочу, чтобы через месяц-другой эти уроды ввалились ко мне и выставили счет за бойню, которую устроил им этот парень. А он может. Я вам говорю – может. В конце концов, мальчишка храбрый, он просто защищался и пытался спасти друга. Ни к чему его мучить.

– Тогда пусть Дван отвезет его к дробилке – и туда. Раз – и никаких улик. – Хент говорил спокойно, словно обсуждая меню. И так же спокойно добавил: – Только пусть сначала пристрелит. Мне не нужны новые неприятности.

Игорь с трудом сдержался, чтобы не начать вырываться из тугих пластиковых лент.
– Почему я? – взвизгнул Дван. – Я на мокруху не подписывался! У меня чистый бизнес!
– Хочешь остаться чистеньким, как твой бизнес, Дван? – процедил Бренц. – Не-ет, тебе придется испачкать руки в крови, как всем. Если хочешь остаться в доле – избавься от мальчишки. Сейчас, немедленно.

– Убивать его я не буду! – завопил Дван. – Я всего лишь в прикрытии!
– Черт с тобой, просто отвези его к дробилке и сбрось вниз, – решил Бренц. – И не вздумай меня обмануть. Если дикарь потом всплывет живым, я убью тебя. Ты понял, нюхач?
– Понял, – зло выдохнул Дван. – Будь проклят день, когда я согласился на все это!
– Откажись, – хохотнул Бренц. – Тебя же никто не насилует.
– Мне чертовски нужны деньги, – процедил Дван. – И будь уверен, я их заработаю.
Игорь ощутил, как липкие, горячие руки схватили его под мышки и куда-то поволокли.
– Я бы все же его пристрелил, – предложил Хент. – Просто на всякий случай.
– Парень накачан тразеином по самые брови, – пропыхтел Дван. – Он даже в дробилке ничего не почувствует.

– Но...
– Довольно болтовни! – отрезал Бренц. – Времени осталось мало, до приезда этих сук все должно быть убрано.

Засопев от натуги, Дван перекинул Игоря через багажник свупа, потом сам взобрался на сразу просевшую машину. Загрохотала механическая дверь, свуп тронулся и заскользил вперед, мягко набирая скорость.

Когда дверь загремела снова, закрываясь, Игорь дернулся всем телом и соскользнул с багажника. Он пребольно ударился о стальной пол – сразу локтем, коленом и головой – и с трудом подавил готовый вырваться крик.

До него донеслась длинная серия отборных ругательств: заметив потерю груза, Дван развернулся и слез с машины.

Игорь открыл глаза. Он был в туннеле с темно-зелеными стальными стенами, едва освещенном тусклыми красновато-желтыми лампами. Всего шагах в пяти от него стоял свуп, а возле него толстый, с бритой головой мьюри – в чем-то вроде засаленного полосатого халата, толстощекий, он походил на хомяка.

Наткнувшись на взгляд мальчишки, мьюри высоко, по-бабьи, взвизгнул и полез куда-то под халат – должно быть, за оружием. Игорь не сомневался, что он тут же пристрелит его – просто из скотского страха, ведь связанный по рукам и ногам мальчишка не представлял для него никакой опасности. Хотя...

Игорь прекрасно понимал, что ничего, кроме *Силы*, ему сейчас не поможет. Заметив на полу тяжелый кусок железа – какую-то древнюю ржавую деталь, – мальчишка сосредоточился. Это тебе не тарелки взглядом двигать, но если эта попытка окажется неудачной, он тут же умрет – и Андрей тоже, но позже и намного мучительней, судя по всему.

Мьюри выхватил – вытащил, точнее, ну и скорость! – наконец из-под халата плоский, с длинным стволом пистолет и успел лишь беззвучно охнуть, когда тяжелая железка, как живая, прыгнула ему в лицо, ударив в переносицу.

Игорь вложил в бросок все силы и не удивился, когда бандит, нелепо взмахнув руками, – оружие из них тут же вылетело – тяжело грохнулся на пол. Его жирное тело отвратительно колыхнулось при этом, словно студень.

Теперь счет времени пошел на минуты. Прежде всего, нужно было избавиться от лент – порвать их было невозможно, но зато можно было пережечь.

Игорь вздохнул. Он вовсе не был силен в пирокинезе, но тут много усилий не требовалось: при нагреве пластик быстро терял прочность.

Голую кожу обожгло. Игорь сжал зубы и удвоил усилия. Несколько сильных рывков, и лопнувшие ленты свалились с его тела, оставив лишь красные полосы. Связали его с толком – тело почти не затекло, и мальчишка сразу поднялся на ноги. Ожоги, к его счастью,

оказались неглубокими – обошлось даже без волдырей – зато голова еще кружилась от дури, но помешать ему это уже не могло.

Наскоро осмотрев себя – хорошо хоть трусы оставили, – Сурядов подошел к оглушенному мьюри. Тот пострадал не слишком сильно – лишь из разбитого носа обильно лилась кровь – и уже приходил в себя, бессмысленно ворочая головой.

Игорь подобрал его оружие – двухмиллиметровый двенадцатизарядный гаусс-пистолет, видел такие в здешних оружейных магазинах. В отличие от плазменного или лазерного, это оружие не выдавало себя ни звуком, ни вспышкой света и потому было любимым у местных бандитов. Земляне уже «затарились» дюжиной разных образцов и неплохо их изучили – перепало и лицеистам.

Когда мьюри наконец очухался, в лоб ему смотрел ствол собственного оружия. Поверх него светились упрямые глаза мальчишки, и, взглянув в них, Дван громко непроизвольно икнул.

– Слушай меня, урод, – тихо сказал Игорь. – Сейчас ты поднимаешься и отведешь меня к твоим друзьям. – В монолите стены коридора был прямоугольный проем, наглухо закрытый зеленой стальной плитой, похожей на горизонтальную дверь, и мальчишка хорошо понимал, что сам открыть ее не сможет.

Мьюри часто закивал, с его лица градом лился пот. Игорь отступил на два шага, позволяя ему встать, и молча повел стволом, указывая дорогу.

Сопя и вздыхая, Дван медленно поднялся и засеменил к двери. От него непередаваемо воняло страхом, и Игорь с трудом удержался, чтобы не дать ему пинка, придавая ускорения.

Дверь, как и ожидал Сурядов, оказалась заперта, но, набрав код, Дван открыл ее. Толстая плита поднялась перед ними на блестящих гидравлических опорах, открыв громадный пустой зал с такими же стальными стенами, только освещенный ярче. В нем стояла еще пара свупов, а возле них спорили двое оставшихся. Они повернулись на шум и на какой-то миг ошалело замерли.

Мига Игорю хватило «за глаза».

Он понимал, что теперь должен действовать быстро. Никаких причин сдерживаться у него не было – в конце концов, они, все трое, решили его убить. Он хладнокровно вогнал короткий вольфрамовый болт в грудь того мьюри, что был помоложе – пистолет выстрелил с глухим хлопком и с неожиданно мягкой силой рванулся из рук – тут же развернулся и выстрелил в висок Двану, вновь развернулся, направив ствол на последнего – и все это быстрее, чем худощавый, верткий, похожий на хорька мьюри успел достать свое оружие.

– Брось пушку, – резко сказал Игорь. – И без глупостей. Убивать тебя я не стану, буду стрелять в колено – мне это не мешает, а вот ты весь остаток жизни будешь шкандыбать на костылях. Или у тебя отложено на серьезное лечение?

Мьюри оказался понятливым – он с крайней осторожностью извлек откуда-то из-под мышки такой же длинноствольный пистолет и аккуратно положил его на пол. Потом медленно выпрямился, испуганно глядя на мальчишку.

– Сейчас, – сказал Игорь, – вы отведете меня к моему товарищу, – говорить этой мрази «ты», как другу, было уже выше его сил. – Вы знаете, где он, и я знаю, что вы знаете. Так что не надо никаких дурацких игр. У нас очень мало времени.

– Ты не понимаешь... – зачастил мьюри, и Игорь по голосу сразу узнал Бренца. Смуглое лицо мьюри посерело, руки у него тряслись – то, с какой легкостью землянин убил двух его подельников, напугало матерого бандита до судорог. – Он в самом низу, туда не добраться на свупе. Нужно идти пешком, а потом ехать на поезде – это долго, и госпожа Буррас наверняка опередит нас. С ее охраной тебе не справиться. Ее сторожевые андроиды убьют нас обоих.

– Это мое дело, – спокойно ответил Игорь. – Доведешь меня до цели – и можешь убираться на все четыре стороны. Пошел!

Мальчишка отступил в сторону, давая Бренцу выйти из зала. Они быстро пошли вперед, бесшумно ступая по гладкому стальному полу. Справа и слева изредка попадались

такие же высокие литые двери, иногда открытые. За ними виднелись столь же просторные, скудно освещенные залы. Здесь, в старых складах, царила странная тишина: звуков вроде бы не было, но если прислушаться, можно было уловить все то же исходившее непонятно откуда слабое гудение, словно рождавшееся в воздухе. Оно постепенно становилось громче.

Минут через пять Бренц свернул в поперечный туннель – узкий, очень высокий, он упирался в новую стальную дверь – она была раза в два выше его и вела в колоссальное круглое пространство, на галерею, обегавшую монолитное цилиндрическое стекло. Дно шахты было метрах в тридцати. Его покрывала сплошная масса мусора. Здесь его было чудовищно много: он целыми реками стекал вниз из наклонных желобов. Это мусорное море быстро поднималось, его глубину невозможно было представить. Толстенное стекло отсекало вонь, но Игорь знал, что за ним она была невыносимой. Его поразило и ужаснуло, как нерационально, нелепо мьюри – при их-то технике!!! – используют океаны отходов своего города.

Загрузочные желоба убрались с неожиданным лязгом, их проемы перекрыли глухие стальные заслонки. Послышался нарастающий гул – он шел откуда-то сверху.

Подняв голову, Игорь увидел, что над шахтой сходятся четыре гигантские изогнутые лапы. На их нижней стороне сияли ослепительные голубые полосы. Они сомкнулись с громом, от которого содрогнулся пол. Звук становился все выше, уходя за пределы слышимости, голубой свет разгорался, и на него уже нельзя было смотреть.

Вдруг все пространство за стеклом полыхнуло слепящим белым пламенем. Пол качнулся, стекло залила бурлящая коричневая волна, комковатыми ручьями стекая вниз. В тот же миг раздался мощный, низкий удар – словно в вязкую грязь бросили огромный камень. За прояснявшимся стеклом клубился мутный пар.

Игорь смотрел на расходившиеся лапы с невольным опасением. Он понял, что видит *дробилку*, в которую Дван хотел его сбросить. Умереть в таком месте было бы слишком... нет, не страшно, хуже – мерзко, и мальчишку откровенно затошнило.

Бренц повел его дальше. Шахту обегала толстенная, метров в восемь, стена из монолитного камня с четверкой пустых ограненных проемов. Один из них, против входа, вел в очень странное место: темный стальной настил пола, потолок, расчерченный тяжелыми балками... а вместо стен были гигантские резервуары, толстенные трубы и непонятные механизмы, одетые в корпуса из стальных плит. Игорь видел лишь небольшую их часть, остальное скрывалось сверху и внизу, хотя это залитое ярким белым светом пространство было высотой в три или четыре этажа. Пронизанный гулом машин, неожиданно холодный воздух казался ощутимо плотным. Механизмы и трубы были странных оттенков – темно-зеленые, тускло-желтые или же бело-розовые. Узкие стальные лесенки, вертикальные и наклонные, вели вверх и вниз, на другие уровни этого лабиринта. Да, столица мьюри была несравненно больше и сложнее, чем Игорь мог представить, глядя на нее сверху. А ведь это был всего лишь машинный зал ее системы жизнеобеспечения... Интересно, сколько же она строилась? Ведь похоже, что все это высечено в скале, стены сплошь и рядом не построенные, а природные... И зачем это строили? Сколько лет – да нет, не лет, не веков даже – этим лабиринтам? Черт, тут же рай для пионерских поисков... если только поисковикам удастся сбросить головы.

Они шли по прямой, постоянно оглядываясь, – жизни здесь вроде бы не было, но даже мьюри ощущал падавшие на них порой внимательные и вовсе не добрые взгляды. О том, кому они принадлежат, Игорь старался даже не думать. Многие из обитателей Джей-Тааны были чудовищны на вид, а здесь, внизу, они наверняка и были таковыми на самом деле.

Проходы между машинами были достаточно широкие, чтобы мог проехать грузовик, но здесь ничего не стоило заблудиться: никаких ориентиров не нашлось. Не было и мьюри, и вид оставленных без присмотра машин казался Игорю тревожным. Иногда в просветах между ними открывались проезды, уходившие так далеко, что он был не в силах различить их конца.

Минут через пять стало темнеть: бесконечные ряды механизмов кончались у неровной

скальной стены, по ней едва заметными струйками сбегала вода. Они пошли вдоль нее и всего шагов через двести наткнулись на обтянутую сеткой шахту с клетью лифта.

Бренц молча закрыл двойную решетчатую дверь. Сбоку от нее, на уровне его пояса, был щиток с десятком больших черных кнопок. Он нажал крайнюю справа.

Лифт с грохотом пошел вниз, нырнув в шахту, обшитую железными листами. Здесь ничего видно не было. Они молча посматривали друг на друга в тусклом свете единственной желтой лампочки. Спуск оказался весьма долгим, у Игоря даже заложило уши. Они и так находились на черт знает какой глубине, и все существо мальчишки восставало против дальнейшего спуска.

Когда лифт, наконец, замер, они вышли в неожиданно огромное помещение. Пол его был гладким, из мокрого блестящего камня. Наверху, метрах в пятидесяти, начиналась сплошная путаница труб, балок и кабелей. Неравномерно густая, она просвечивала. Сиявшие в ней синие огни озаряли уходящие в таинственную высоту неровные колодцы. Оттуда доносился ровный глухой шум, он пропитывал воздух и заполнял все вокруг. Эта чудовищная масса машин опиралась на массивные – метров по восемь в диаметре – стальные башни, стоявшие далеко друг от друга.

Здесь, в самом низу, царил сырой прохладный полумрак. Длину зала нельзя было представить, в ширину он был метров в пятьсот. Дальше, за колоннами, сияла ровная полоса розовато-белого, туманного света. Они пошли к ней, невольно задирая головы.

Ровный шум наверху глушил все остальные звуки. Игорю все время казалось, что он в каком-то чудовищном механическом лесу – наверху ему мерещились какие-то мелькания, шорохи, даже – невероятно! – вроде бы шелест чьих-то крыльев. Под босыми ногами то и дело хлюпали лужи: сверху непрестанно капала холодная, мутно-ржавая вода.

Полоса света впереди, поначалу узкая, постепенно становилась шире. Мальчишке казалось, что там выход наружу, но он знал, что ошибается – совсем недавно они шли прямо над этим сиянием.

Вблизи оно стало бездной, полной лениво клубившегося тумана – легкий ветерок не давал ему проникать между колоннами. Вниз, метров на тридцать, уходила отвесная гранитная стена, у ее основания начиналась сырая каменистая осыпь, исчезающая в мутном полумраке. Игорю казалось, что он видит все это в каком-то бредовом сне – он даже невольно протянул руку, чтобы ущипнуть себя и проснуться.

Вдруг его пронзила неожиданно острая боль – словно иглой ткнули в сердце. Игорь замер – он не сразу осознал, что эта боль не была его собственной. До этой секунды он не мог почувствовать Андрея – как ни старался, но теперь тот сиял, словно костер в ночи. И ему было больно. Очень больно.

Игорь сжал зубы. Главное, что Андрей жив. Остальное... с остальным он разберется – или умрет, стараясь разобраться. Третьего исхода просто не могло быть.

– Пошевеливайся! – Он ткнул Бренца стволом в спину. Сейчас главное – не дать этой гадине понять, как же он спешит на самом деле, иначе, почуяв его слабость, мьюри мгновенно начнет торг – относиться к чужой беде по-другому тут просто не умеют.

Вдоль стены шла эстакада, похожая на ажурный лоток. К ней широким веером сбегались полосы монорельса. Тут была стоянка служебных поездов, но Игорь увидел лишь один обтекаемый серебристый вагон. Когда Бренц нажал пару кнопок на маленьком пульте, вагон приподнялся с легким шипением. Едва он сел к пульту машиниста, как входные панели опустились. Потом вагон тронулся.

Поездка превратилась для Игоря в пытку – ему казалось, что поезд едва тащится, а этот проклятый зал бесконечен. Лишь минут через семь впереди показалась уходящая в туман гладкая гранитная стена – и они нырнули в темное жерло туннеля.

* * *

Андрей плохо помнил обстоятельства похищения и совсем не помнил, что было

дальше. Правда, в какой-то момент он совершенно отчетливо ощутил ментальный вопль Игоря: «Ты где?!» – и даже ответил вроде бы... но потом... нет, что было потом, он не помнил снова.

Мальчишка не знал, что выставленной Хентом (и тот не рассказал об этом своим, боясь насмешек) с испугу мощности тазера хватило бы на то, чтобы отправить взрослого мьюри в длительную кому. Для Андрея же удар обернулся «всего лишь» сильнейшим шоком и временным, но почти полным параличом. Сейчас мальчишка медленно приходил в себя. Не то чтобы он был без сознания, но понимания, что происходит, явно не было. Сейчас ощущения возвращались.

Он не сразу осознал, что лежит, обнаженный, в большой, ярко освещенной комнате, распяленный на мощном ложе из блестящих стальных труб и захватов. Когда он увидел комнату во всех подробностях, его сердце испуганно замерло. Наверное, впервые за все четырнадцать лет.

Место, в котором ему предстояло, похоже, провести весь остаток жизни, смотрелось довольно-таки зловеще. Камера была неожиданно просторной – квадратная, шириной метров в пять. Ее стены, пол и потолок были из светло-серого, шершавого бетона, дверь – из синевато-темной стали. Она была глухой: никаких смотровых щелей или камер Андрей не заметил, но легче ему от этого не стало. Похоже, ее хозяева не хотели, чтобы кто-то увидел происходящее в ней. Комната была почти пуста – в ней стоял лишь единственный мягкий стул, изящный, небольшой столик с бутылками вина и какой-то, явно дорогостоящей, снедью, а в самом центре – это самое ложе из толстых блестящих стальных труб. Рядом, у стены, стоял другой, длинный стол с какими-то странными вещами.

На первый взгляд этот набор казался сразу смешным и диким, словно составленный играющим невесть во что малышом. Но историю мальчишка знал хорошо. И знал, что такими вещами приходилось пользоваться еще в Первой Галактической. Орудия пыток, вот что это было. Землянам давно не было нужды пытать своих пленных такими примитивными штуками – информацию добывали ментальной атакой. Неужели у мьюри все так грубо? Полковник Макаров говорил про специальные машины... Или его будут пытать не для допроса? А для чего?!

Сердце у Андрея ухнуло и бешено забилося, почти сразу же успокоилось и забилося снова: мальчишка наконец понял, что с их помощью тут будут развлекаться. Его, Андрея, муками. Пока он не умрет тут. Вот от этого. И никто не узнает... Не хочу, не надо!!! Но собственный страх тоже вызывал у него омерзение. Мальчишка, сжав зубы, яростно помотал головой, прогоняя его, и осмотрелся уже внимательнее.

Ничего больше тут не было, только в углу зияло окантованное нержавеющей сталью отверстие стока. Четыре узких прямоугольных плафона на стенах рассеивали бело-розовый, неожиданно приятный для глаз свет. Под потолком темнели две широкие щели, забранные массивными стальными жалюзи. Из левой тек равномерный поток жаркого, тяжелого и влажного воздуха. Андрею было трудно дышать, и он был весь мокрый от пота, но сейчас это волновало его меньше всего. Мальчишка изо всех сил старался высвободиться, но у него ничего не получалось. Массивные кольца захватов были не просто защелкнуты, а заперты на замки – каждый отдельно, – и его познаний в *Силе* не хватало, чтобы открыть их.

Андрей начал наконец понимать, что деваться ему некуда и придется испытать все, что ему уготовили, до конца. Тем не менее он пробовал вырваться с яростным упорством – снова и снова, отгоняя мысль, что, может быть, придется «остановить» самого себя. Мысль о боли казалась не такой жуткой, как мысль о том, чтобы сделать это...

Он не знал, сколько пролежал так, до предела напрягая свои способности, – может быть, час, может быть, больше. Истратив все силы, он замер и даже не пытался пошевелиться, только едва скосил усталые глаза, когда совершенно неожиданно лязгнула железная дверь. В камеру вошел...

Вначале Андрей решил, что перед ним инопланетянин какой-то неизвестной расы. Ростом он был всего метра полтора, тело его очертаниями повторяло человеческое – по

крайней мере, настолько, что надетый сверху синий комбинезон и высокие армейские ботинки полностью скрывали все отличия, а вот голова была совершенно нечеловеческой: с выпуклыми фасеточными глазами и совершенно безволосая. Вместо носа и рта у вошедшего красовался громадный «пятак» вроде противогазного фильтра – Андрей узнал диск вокабулятора и понял, что перед ним андроид, или, как их называли мьюри, киборг из искусственной органики. Не доверяя живым слугам, богатые мьюри использовали их в качестве охранников. Внешне никакого оружия у киборга не было, но мальчишка знал, что в правое его предплечье вмонтирован бластер, а в левое – мощный парализатор. На Земле антроидов не делали – и из принципа, и из-за того, что во время краткого увлечения экспериментами с ними – еще в период Промежутка – было несколько страшных или трагичных историй.

За первым киборгом вошел второй – они молча встали в углах комнаты и замерли там как истуканы. А вслед за ними вошел... то есть вошла...

Андрей сразу узнал госпожу Буррас – ту самую, что приглашала его в свое имение. Тогда на ней было нелепое платье, похожее на множество нанизанных друг на друга – от плеч до колен – юбок из какой-то блестящей, невероятно пестрой ткани. Сейчас госпожа Буррас была затянута в блестящую, густо проклепанную кожу – высоченные ботфорты с ремнями, перчатки до плеч, сверкающие хромом наплечники, похожие на недоразвитые крылья, и объединяло все это нечто вроде кожного купальника – с громадными вырезами на самых неприличных местах. Собственно, эти вырезы и делали указанные места «неприличными» и очень глупыми, если так можно сказать.

Может быть, госпожа Буррас считала, что ее наряд сразит любого мужчину наповал. Андрея же просто начало потряхивать от смеха – надеть эту... э... вещь, по его мнению, мог только буйнопомешанный из исторической книжки.

Госпожа Буррас замерла, жадно разглядывая обнаженного мальчишку. Глаза у нее заблестели, на лице вдруг выступил резкий румянец, словно у чахоточной. Потом явственно прорезалось разочарование – ожидаемой реакции она так и не дождалась.

– Ты не хочешь меня?! – с возмущением и вполне искренним недоверием воскликнула она.

– Сударыня, – холодным как лед голосом ответил Андрей. – Я совершенно ясно сказал вам, что не желаю свидания ни с вами, ни с вашей подругой. С тех пор мое отношение к вам не изменилось. Вы можете сделать со мной все, что подскажет вам ваша фантазия, но участвовать в этом я не буду никаким образом. И ради вашего же блага я бы посоветовал вам немедленно отпустить меня. Когда здесь появятся мои наставники – а они непременно здесь появятся, сударыня, – вам придется ответить за все, что вы со мной сделаете. Буквально за все.

Андрей ожидал, что его речь подействует, но он сильно переоценил благоразумие (да что там – здравый рассудок!) госпожи Буррас. Она захихикала, словно мальчишка угостил ее тонкой остротой, потом бросила короткий приказ одному из киборгов: тот включил яркую лампу, закрепленную на длинном кронштейне возле ложа, и, следуя указаниям госпожи, установил ее так, чтобы свет подчеркнул все изгибы тела мальчишки.

– Твое мнение, дикарь, меня не интересует, – неожиданно снисходительно заявила она. – Что ты будешь здесь делать, теперь решаю я!

Андрей изогнул бровь. Стыдно ему не было – он отлично знал вид и возможности своего тела. А вот противно – было. Очень.

Она полезла за отворот перчатки и достала какой-то небольшой прибор, показав его мальчишке едва ли не торжествующе. Эта штука не выглядела опасной – скорее как старый пульт дистанционного управления, такие были в ходу до массового внедрения компактных моделей комбрасов (*Ну какие же они кретины, зачем, вот зачем сняли перед сном комбрасы... и где теперь Игорь? Жив ли вообще?!*).

Женщина, уже без стеснения облизывая губы, пробежала пальцами по миниатюрной клавиатуре сбоку «пульта», улыбнулась:

– Вот... сейчас мы начнем... Но ты не бойся, это будет очень и очень приятно, а умереть тебе я не позволю. Надеюсь, Джейми меня простит – уж больно аппетитно ты выглядишь... – и с этими словами она направила приборчик на мальчишку.

В ту же секунду Андрея выгнуло от такого желания, какого он не ощущал никогда ни разу в жизни, он даже не мог представить, что можно испытывать что-то подобное и оставаться живым. Впереди плавало в переливающимся тумане что-то невероятно привлекательное, к чему не пускали зажимы. Убрать их – надо попросить, чтобы убрали... и это переливчатое окажется рядом, а он сможет сделаться его частью...

В следующий миг Андрей овладел собой.

Он не знал, что приборчик, называвшийся ласса, активизировал – с любой по желанию владельца силой – физические ощущения организма и легко настраивался на фактически любую расу, имевшую в основе своих тел белок. Подобные штуки, хотя и не столь изощренные – как неизбежно бывает с аморальными, но технически высокоразвитыми обществами, появлялись и на Земле перед самой ядерной войной. Они позволяли тому, кто держал эту вещь в руке – чаще всего человеку глубоко ущербному психически, – ощущать себя полным хозяином даже не судьбы, этого было уже мало, а хозяином личности других людей...

Но те, кто тренировал юных дворян с пяти лет, а чаще всего и раньше, еще в утробе матери, знали о печальной истории многих рас и на Земле, и вне ее. Не обремененный моралью гедонизм, разрешавший все, зачастую оказывался страшнее любой изуверской диктатуры, все запрещающей. Он выжигал некогда великие народы за поколение-другое. Поэтому в каждом из юных землян – в дворянах больше и намного жестче, в остальных куда меньше и не так сурово – закладывалось то, что мудрые эллины древности называли *metron* – мера. Полное, абсолютное умение владеть собой или столь же полное умение отпустить себя, если это будет нужно. И сейчас вся сущность – и все тело Андрея почти неосознанно взбунтовались против диктата мертвого устройства, старавшегося навязать ему чужую волю...

...Мокрый от пота, всхлипывающий, он тем не менее смотрел на женщину напротив не с желанием – с отвращением:

– Если бы ты была настоящим человеком, – тихо сказал мальчик, – а не похотливой дурой, может быть, я бы показал тебе кое-что *настоящее*. Из жалости к тому убогому набору чувств и желаний, который тебе известен в области Эроса.

Мьюри изумленно откачнулась. Казалось, она рассматривает говорящую статую.

– В *областичего*? – ошарашенно спросила она.

– Эроса, – любезно пояснила говорящая статуя. – Это то, что вы у себя здесь по недоразумению именуете любовью. Хотя любовь – это Лада, и это совсем-совсем иное... тебе вряд ли доступное. – Мальчишка оскорбительно засмеялся.

– Ничего не понимаю... работало же... – Красавица, помедлив, направила прибор на себя, коротко простонала, закрыв глаза, а когда открыла их, во взгляде была только злость. – Ну что ж, – прошипела она, бросая прибор на стол у стены, – если не этот путь, то другой. Куда более неприятный... для тебя, маленькое животное!

На столе стоял другой непонятный прибор, похожий на радиоприемник, и лежали мотки проводов со всевозможными наконечниками: пластинки, шарики, гроздья разнокалиберных зажимов, полоски толстой свинцовой фольги... «Полевой генератор, что ли?» – подумал Андрей, если честно, слабея от вновь нахлынувшего страха. Но внешне он остался спокойным...

По приказу госпожи один из андроидов начал закреплять все это на теле мальчишки. Андрей невольно начал крутиться под мерзкими прикосновениями холодных искусственных рук, но помешать киборгу не мог. Когда он закончил, госпожа Буррас подошла, глядя на него с ненавистью и вождением сразу. Она часто и глубоко дышала, ее глаза лихорадочно блестели.

– Сейчас, – процедила она, сжимая в ладони другой маленький пульт, – ты, дикарь,

познаешь новые измерения страдания и боли. Когда все это закончится, ты будешь умолять меня о смерти – напрасно!

Она нажала на кнопку. В тело ударила неожиданная, ослепительная боль, и Андрей, выгнувшись, заорал так, что в дальних коридорах отозвалось эхо.

* * *

Когда вагон нырнул в туннель, стало темно. Заливающий салон холодный, голубоватый и слабый свет длинных ламп падал на плитки облицовки, мелькавшие за стеклом всего на расстоянии ладони. Они слились в серую пелену из-за скорости, но шума почти не было – лишь убегавшая назад гладкая стена показывала, что они едут. Да еще вздрагивание сидений. Эта ветка явно делалась на совесть.

Игорь сидел совершенно неподвижно, направив пистолет на Бренца, и его рука не дрожала, словно каменная. В душе, словно раскаленная игла, пульсировала боль Андрея – она все длилась... и длилась... и длилась, и мальчишка уже боялся представить, как его друг выносит все это. Он пытался вобрать часть ее в себя и даже не сознавал, что у него получается... Только бы сознания не потерять... не потерять бы сознания...

Они ехали всего минут десять, миновав несколько пустых маленьких станций, от каждой вел единственный коридор, перекрытый серой дверью из стали. Потом вагон мягко остановился на одной из них, совсем крохотной – в сущности, просто комнате с глухими стенами, облицованными золотистой плиткой. В них темнела единственная литая, массивная дверь.

– Это здесь, – сказал Бренц. Выглядел он очень бледным – казалось, его сейчас стошнит от страха.

– Открывай, слизняк, – приказал Игорь. Ему уже было противно дышать одним воздухом с этой трусливой тварью.

Они вышли из вагона на низкий бетонный перрон. Подойдя к стене справа от двери, Бренц нашел в ней маленький люк, открыл его и пробежался по рядам едва светящихся прозрачных кнопок внутри. Мягко зашипев, массивные створы разъехались. Свет за ними не горел, но выбирать было не из чего.

– Ступай вперед, – велел Игорь. – И не пробуй убежать – я застрелю тебя в спину, на звук.

– Я не пойду туда, – вдруг зашипел мьюри с храбростью отчаяния. – Встревать в бой с дюжиной киборгов – это самоубийство!

– Значит, в этом бою мы умрем. – Мальчишка молча шевельнул ствол, и Бренц пошел вперед, как по мановению волшебной палочки.

Передернув плечами, Игорь нырнул в темноту – и броневые двери закрылись за ним.

* * *

Словно слепые, они побрели вниз по покатому склону.

– Не убирай оружия, – неожиданно предупредил Бренц Игоря, словно союзника. Да, пожалуй, сейчас они и были союзниками, как ни странно и ни дико... – Хотя тут киборгов быть не может, рисковать не следует.

После столь бодрой фразы Игорю стало неуютно. Спуск кончился. Теперь Бренц поворачивал то вправо, то влево – Игорь не представлял, как мьюри выбирал путь. Было так темно, что воздух казался черной жидкостью, и дыхание выходившего из боковых проемов теплых, влажных сквозняков отзывалось на коже мурашками. Его преследовали странные звуки – шепот, какие-то вздохи – словно подземелье было полно призраков, и это тревожило. Он невольно жался к мьюри, каждую секунду ожидая, что на них вдруг бросится нечто невообразимо страшное. Хотя у него был гаусс-пистолет с почти полной обоймой, шансов отбиться во тьме, наугад, было очень немного, а мьюри тут был все-таки свой. Кажется, и тот

ощущал нечто похожее...

Неожиданно Бренц замер, и Игорь вздрогнул, налетев на него. Пробурчав что-то в ответ, мьюри зашарил по стене. Зашуршал рукав, тихо щелкнуло, лязгнуло, и Игорь увидел призрачно-зеленоватый прямоугольник прозрачных кнопок. По ним скользили быстрые тени – пальцы мьюри. Каждое их движение сопровождалось попискиванием.

Вдруг донеслось гудение, рокочущий лязг, и Игорь прищурил глаза, увидев низкий звездообразный зал. Проемы других выходов, перекрытые зелеными стальными плитами, прятались между сходящихся клиньями стен. Над каждым горела маленькая лампа, заливая подземелье тусклым красноватым светом. Здесь к ним с пугающей быстротой – да что там «с быстротой», мгновенно! – обернулось несколько громадных черных фигур, закованных в титан и металлокерамику.

«Тихо. – Рука легла на плечо Игоря, вторая перехватила запястье руки с оружием. Игорь дернулся и пораженно воззрился в выпуклые фасеточные глаза боевой маски витязя. – *Очень тихо, очень спокойно.* – Слова звучали не в воздухе, слова звучали в мозгу. – *Ты молодец, мальчик, а мы успели вовремя, и сейчас все кончится. Подожди*».

«Там Андрей ...» – начал Игорь.

«Подожди», – ответил витязь и, отпустив мальчишку, как ни в чем не бывало потащил окончательно одуревшего от страха Бренца за собой словно щенка.

В центре зала стоял массивный цилиндр с венцом индикаторов и крохотных экранчиков. Понятливый Бренц открыл в нем маленькую неприметную дверцу, набрал код и нажал на черную рукоятку. Одна из плит, слева, сдвинулась, открыв просторный коридор, бледно освещенный розоватыми лампами. Он оказался гораздо длиннее, чем ожидал Игорь, – метров пятьдесят, с десятком железных дверей. Одна из них была открыта, и из нее уже наяву летел крик Андрея.

Все остальное произошло мгновенно. В коридоре с десятков боевых андроидов мьюри синхронно повернулись, но сделать уже ничего не успели: РАПы в руках витязей полыхнули огнем – и дымящиеся обломки биороботов отлетели в другой конец коридора. Ни броня, ни скрытые проекторы силового поля не удержали смертоносную мощь земного оружия.

Витязи миновали коридор пугающими, невероятно огромными прыжками – только что были здесь, миг – и они уже внутри комнаты. Там хлопнуло еще несколько выстрелов, вдруг взвился – и сразу прервался – пронзительный женский визг, потом наступила могильная тишина.

На ватных, неожиданно непослушных ногах Игорь вошел в эту комнату. Он увидел сразу все – обугленные обломки еще двух андроидов, стол с мерзкими инструментами, красивую женщину в сумасшедшем наряде – она скорчилась в углу, молча хватая ртом воздух и с ужасом глядя на витязей совершенно безумными глазами – и Андрея, голого, опутанного проводами, распяленного на каком-то жутком стенде – он громко всхлипывал, дышал широко открытым ртом. Мальчишка ошалело замер, не зная, что делать, но его помощь тут и не требовалась.

Один из витязей протянул руку к стенду – провода отлетели, толстый металл начал коржиться, рваться, ломаясь с протестующим скрежетом, и вдруг Андрея вырвало из этой груды лома и швырнуло прямо в объятия витязя. Тот моментально уложил парнишку на пол, провел над ним руками – того снова выгнуло, но тут же Андрей обмяк, а его взгляд сделался осмысленным.

– Все, парень, успокойся, – уже вслух сказал витязь, и Игорь с крайним изумлением узнал Цесаревича. Но с другой стороны – не мог же тот остаться в посольстве, когда...

– Ваше... – начал он каким-то деревянным, не своим голосом.

Цесаревич поднял забрало и повернулся. Мальчишка сразу замолчал – понял, что сказать ему нечего.

– Господа, – спокойно сказал Цесаревич, – у нас очень мало времени. Однако прежде чем уйти, мы должны восстановить справедливость, – он спокойно протянул свой РАП Андрею. – Поступай с ней так, как считаешь нужным.

Мальчишка сглотнул. Сейчас госпожа Буррас вовсе не казалась страшной – просто испуганная почти до обморока баба, растерявшая всю злую власть. Невероятно хотелось взять, плюнуть на нее и уйти. Но Андрей слишком хорошо знал, к чему ведет такая вот жалость. Перед ним был уже не человек, а злобная ядовитая гадина, осквернявшая все, к чему прикасается. А жить такие не должны.

Госпожа Буррас прочла свой приговор в глазах мальчишки.

– Не убивайте меня! – завизжала она. – Я сделаю для вас что угодно! Отдам все, что у меня есть! Я...

– Нам не нужно ничего из того, что есть у тебя, – спокойно ответил Андрей. – Даже твоя бесполезная жизнь. – Он направил РАП на низ ее живота и нажал спуск.

Госпожа Буррас издала дикий, нечеловеческий вопль, тут же прервавшийся, когда белый плазменный огонь распорол ей грудь и ударил в голову.

* * *

Игорю показалось, что его самого ударили по голове огромной мягкой кувалдой – так сильно оглушила его смерть этой женщины. Смерть разумного существа – и не в бою, не солдата вражеской армии, а в мерзком подвале, смерть глупой развратной бабы... Нет, он понимал, конечно, что поступить иначе тут было нельзя – разве что надругавшись над самым понятием справедливости, но все же... Странно, однако, что, застрелив тех двух бандитов, он ничего не почувствовал – совершенно ничего, а тут...

В себя его привел непонятный глухой шум – он не сразу понял, что прибыла подруга покойной, госпожа Скрабо. Витязи, словно тени, выскользнули из комнаты, тут же канув в глубину лабиринта. Мальчишка хотел пойти за ними, потом замер – путаться под ногами у взрослых ему сейчас ну совершенно не хотелось.

Госпожа Скрабо отличалась более традиционными вкусами – ее сопровождали восемь живых охранников, «лучших профессионалов, которых только можно нанять за деньги», как тут говорили. Трое из них действительно оказались профессионалами: когда со всех сторон вдруг хлынул ослепительный свет и не допускающий возражений голос на мьюрике приказал им бросить оружие, они мгновенно подчинились и поэтому остались в живых. Пятеро остальных схватились за бластеры – и умерли прежде, чем успели это осознать. Госпожа Скрабо тоже замерла в самом центре побоища, словно превратившись в легендарный соляной столп, когда к ней вышел Цесаревич.

– Сударыня, – сухим, совершенно безжизненным голосом сказал он. – Вы не посягнули делом на одного из моих, – он подчеркнул это слово голосом, – людей, поэтому я сохраняю вам жизнь. Однако за свои мерзкие намерения вы будете наказаны. Пятьдесят ударов кнутом.

– Вы не посмеете, – выдохнула госпожа Скрабо. – Мой муж – член Совета Директоров «Амфатары». Он стоит пятьдесят миллиардов. Достаточно ему только захотеть – и ваша жалкая планетка превратится в пыль...

– Довольно. Взять ее! – Цесаревич обращался к уцелевшим охранникам. Игоря совсем не удивило, что они подчинились приказу.

* * *

Дальнейшее Игорь запомнил весьма смутно. Госпожу Скрабо притащили в пыточную – именно таким было истинное назначение этой комнаты. Она орала и вырывалась, как безумная, грозя «дикарям» всеми карами ада, пока не увидела полусожженный труп своей подруги и ее угрозы не сменились униженными благодарностями за то, что ей будет позволено жить – они звучали до тех пор, пока ее же охранники не разорвали на ней кожаный «вампирский» костюм и не привязали ее к искореженным останкам «стенда». Потом по ее холеному телу загуляла нашедшаяся тут же плеть – и членораздельная речь

сменилась визгом.

Игорь видел, как Цесаревич с каменным лицом отсчитал пятьдесят ударов. Когда наказание закончилось, госпожа Скрабо потеряла сознание – может быть, от облегчения.

– Помогите ей, – сухо сказал Цесаревич. Уже в дверях он обернулся и добавил: – И никогда, никогда больше не посягайте на моих людей. Второй раз я не милую. – Он протянул руку, и стальной стол с пыточными инструментами охватило белое, ослепительное пламя, мгновенно сплавившее стекло и металл. Мьюри отпрянули от него, забившись в угол комнаты, словно громадные крысы.

Не глядя на них, земляне вышли.

* * *

Невероятно, но на перроне их поджидал Бренц – он даже не решился уехать и стоял у вагона, замерев, словно суслик. Должно быть, все увиденное произвело на него поистине неизгладимое впечатление.

– Ты не заслужил жизнь, – брезгливо сказал Цесаревич, – но я все же отпущу тебя, чтобы ты рассказал всем и каждому в вашей паршивой наемной банде, как кончают свою жизнь те, кто поднял руку на землянина. Если это повторится еще раз, мы уже не будем наказывать. Мы будем карать. И мне плевать, сколько ваших законов мы при этом нарушим. Советую вам – всем – хорошо запомнить это. Это – первое предупреждение. Второго – не будет.

Игорь, помогавший идти Андрею, на миг задержался около бандита. Если честно, он хотел коротко поблагодарить. Но Бренц буквально отшатнулся от мальчишки.

Кажется, Игорь внушал ему страх едва ли не больший, чем взрослые земляне.

* * *

В посольстве мальчишек встретил Макаров. Они уже успели умыться и оделись как положено, но все равно он смотрел на них так брезгливо, словно оба были голыми и вдобавок испачканными чем-то очень неприятным.

– Вы сняли комбрасы. – Голос полковника был сухим, безличным. – Сняли вопреки совету, фактически прямому приказу.

Мальчишки переглянулись и опустили головы. Оба молчали.

– Вы знаете, что мы стараемся не унижать телесными наказаниями тех, кто перешагнул за порог тринадцатилетия, – жестко продолжал Макаров. Мальчишки не видели его глаз, но ощущали взгляд, как ощущают близость раскаленной печи. – Как правило, юные дворяне не подают к такому поводов. Но вы вели себя как пятилетние дети. Даже не младшие лицеисты. Поэтому и накажут вас как маленьких детей, но с учетом... биологического, – слово прозвучало презрительно, – возраста. Игорь Сурядов.

– Я, – Игорь поднял голову.

– Десять ударов.

– Есть десять ударов, господин полковник.

– Андрей Ворожеев.

– Я, – Андрей тоже выпрямился.

– Пятнадцать ударов.

– Есть пятнадцать ударов, господин полковник.

– Вы согласны с наказанием?

– Да, согласен, господин полковник.

– Можете объяснить, почему вы получите больше, чем Сурядов?

– Образ действий Сурядова, – ответил Андрей, – без приложения к общим обстоятельствам отвечает высшим стандартам поведения дворянина, господин полковник.

– Не совсем... отвечает высшим стандартам. Иначе было бы пять. Но в целом вы

правы. Идите.

– Господин полковник, – вмешался Игорь, – я не согласен с неравенством наказания.

– Вот как? – Макаров посмотрел с интересом. – Должен сказать, что в любом случае количество ударов, назначенных Ворожееву, я не снижу.

– Что ж, тогда добавьте мне, господин полковник, – спокойно предложил мальчик. – За неполное соответствие стандартам.

Несколько секунд полковник рассматривал своих стоящих плечом к плечу подопечных в упор. Потом кивнул:

– Хорошо. Пятнадцать ударов каждому. Идите и закончите с этим поскорей.

* * *

Последний раз Игоря наказывали физически почти три года назад. Он даже не ожидал, что начнет так бояться, и от мысли, что он боится – стало смешно, а веселье прогнало страх.

– Кстатииии! – вдруг протянул полковник. – К вам тут еще двое присоединятся...

В помещение вошел ван Карьё, за которым гордо шагали двое англосаксов – точнее, швед Вальтер Оскенштерн и... Игорь хмыкнул – и Дик Шелтон. Оба напоминали героев, идущих на расстрел. Этому не соответствовало лицо ван Карьё – явно ироничное.

– Вот. – Макаров указал подбородком на гостей. – Шелтон, вот объясните мне то, что вы уже объясняли своим руководителям: как вам пришла в голову мысль угнать челнок и отправиться на поиски Игоря?

– Охтыоп! – вырвалось у Андрея. Игорь тоже удивленно воззрился на Дика. Тот процедил надменно:

– Мы поменялись клинками. Может быть, господин полковник, в Русской Империи это просто традиция. Но у нас это клятва. Клятвы мужчины выполняют. Или умирают, стараясь выполнить. Я не жалею о сделанном и готов принять наказание. И мне кажется, что Сурядов сделал бы то же самое, случись что-то со мной.

– Не задумываясь, – твердо и искренне сказал Игорь, хотя, честное слово, еще минуту назад и правда не задумывался – не задумывался ни о чем таком. Шелтон наклонил голову.

– Ну а вами что двигало, Оксенштерн? – усмехнулся ван Карьё. Швед выше поднял сильный, уже совсем мужской подбородок:

– Я побратим Ричарда с пяти лет, и это знают все. – Его заметный акцент в русском языке был жесток и резок. – Отец проклял бы меня и прогнал бы прочь из дома плетью, узнай, что мой брат отправился на опасное дело, а я остался глазеть на свой номер.

– С тем их и бери, – удовлетворенно заключил Макаров. – Ладно, пусть идут получать свое.

– Марш, – вальяжно махнул рукой ван Карьё. Англосаксы синхронно повернулись и вышли плечом к плечу, прямо отмахивая рукой и высоко поднимая колени.

14. Признание

На сей раз помощник генерального комиссара выглядел несколько... озадаченным, так, пожалуй, можно было сказать. Не озлобленным, как отчасти ожидал Цесаревич – нет, именно озадаченным, как любой человек, столкнувшийся с чем-то непонятным.

– Меня прислали заявить вам протест, – начал он, – но я не стану этого делать, – с ходу начал он.

– Не станете? – удивленно-насмешливо спросил Цесаревич. – Это отчего же?

Полицейский замялся. Было видно, что ему стыдно говорить то, что он хотел сказать. Но он все же решился.

– Понимаете, Ваше Высочество, мы должны были сделать это сами. Сами остановить этих... этих женщин, не доводя дело до того, что... что случилось.

– Я рад, что вы понимаете это, сударь, – заметил Цесаревич.

Полицейский вдруг резко повернулся к нему, и с секунду они смотрели друг другу в глаза. Потом помощник комиссара опустил взгляд.

– Что толку понимать, если даже я ничего не мог тут сделать? Понимаете, мы могли найти мальчишек. Достаточно было арестовать этих... женщин и подвергнуть их допросу – уверяю вас, никаких... особых мер там не потребовалось бы, на таких особ отлично действует сама угроза заключения в тюрьму. Но кто посмеет арестовать людей, у которых столько денег? Вы знаете поговорку наших олигархов? «Если ты нарушил один закон – ты преступник. Десять – смертник. Все – бог!»

– У нас, на Земле, было еще хуже, – ответил Цесаревич. – В вашем обществе есть воля – пусть даже до предела извращенная, но она все же есть. У нас же не было ничего – мы тонули в болоте безволия, даже те, кто мог, не решались, просто не хотели что-то делать. Но все это изменилось, как вы видите, после войны.

– Война... – Полицейский скривился, словно откусил лимон. – У нас тоже была война – Великая Гражданская, надеюсь, что вы слышали об этом... Кончилось все тем, что наш народ оказался разодран надвое, и лучшая его часть – да, лучшая, что бы теперь ни говорилось об этом! – ушла туда, Наверх... оставив нас захлебываться в дерьме, в котором мы тонем. Аниу презирают нас, как... вы даже представить себе не можете! А мы... нам стыдно думать о них, вы понимаете? Нет, не понимаете, такое невозможно понять...

– Что вы должны были заявить мне? – сухо спросил Цесаревич.

– Ах это... Ничего особенного, уверяю вас – обычная истерика власть имущих насчет «самоуправства» и «превышения прав на необходимую самооборону». На самом деле господин Скрабо смеялся до колик, узнав, что его надменную супругу выпороли как последнюю шлюху – каковой она, впрочем, и является. С семейством Буррас дела обстоят сложнее – они очень, очень злы на вас, но теперь им будет непросто найти... исполнителей. Наемники... наемники напуганы, – это полицейский сказал с явным удовлетворением. – Вы даже не представляете себе, как они напуганы. Конечно, никто на самом деле не знает, что именно произошло в катакомбах, – и я не думаю, что вы мне это скажете, – но слухи на этот счет ходят самые страшные. Почти легендарные – как вы проходили сквозь стены, а мальчишка перебил целую банду голыми руками... Для вас это хорошо – непонятное пугает больше всего остального. У нас уже были... прецеденты.

– Неужели? – спросил Цесаревич. – И кто же это так отличился?

– В основном аниу – их репутация вам уже известна, надеюсь. Не далее как вчера они устроили бойню в гей-клубе – просто вошли туда и убили всех, кого смогли найти, всего лишь за то, что один из... актеров изображал аниу, а таких вещей они не любят... Мы заявили протест, как обычно – но, понимаете, никто в полиции не любит эту мразь, так что на самом-то деле... но нам очень, очень стыдно, что чужаки делают за нас нашу работу. Тем не менее мы стараемся хотя бы не мешать им... так что не думаю, что данный инцидент будет иметь какие-то серьезные последствия. Но в будущем...

– Что?

– Надеюсь, что вы представляете себе политический расклад в нашем обществе. Та же «Нихель Корп» – один гигантский легализованный гангстерский синдикат, и если вы перейдете ему дорогу, начнется настоящая война.

– Войны мы не боимся, – сухо заметил Цесаревич. – Ни настоящей – с воинами, ни... поддельной – с облагавшими бандитами.

Полицейский внимательно посмотрел на него.

– Да, я уже понял. И это... удивительно. Вы не представляете, сколько людей тут позволяют твориться самым гнусным мерзостям буквально у себя во дворе, «лишь бы не было войны»... Улаживание конфликтов превратилось у нас в высокое искусство, но это искусство мерзавцев оставаться безнаказанными. Их нельзя наказать в рамках закона.

– Но можно вне их? – заметил Цесаревич.

– Как полицейский, я не имею права обсуждать это, – отрезал Руллимаат. – Но если бы вы только знали, какие кошмарные вещи были предотвращены таким образом...

– Вы сказали, что это в основном постарались аниу, – сказал Цесаревич. – Кто еще?

– Вы думаете, я знаю? – ответил полицейский. – О таких вещах лучше не знать, потому что знание обязывает к действию, а что-то тут делать я не хочу... Хотя... у меня есть подозрения, кто объявил, например, настоящую войну любителям мальчиков. В последние пять лет все слишком ярые проповедники такой... любви вдруг стали просто... исчезать. Не находили ни тел, ничего. Потом до нас начали доходить слухи, что похищенные обнаруживались в качестве рабов на Сторкаде. Сторков много в чем можно упрекнуть, но таких вещей они не любят исторически, их религия очень строга на этот счет, так что судьбе извращенцев не позавидуешь. Как вы понимаете, сами сторки не могут заниматься тут похищениями – их бы сразу поймали, они слишком... э... выделяются... – (Цесаревич отметил, что мьюри не знают о кальке личности – превосходно, запомнить, но сейчас – слушать дальше...) – Нет – кто-то создал тщательно законспирированную сеть, сманил в нее лучших охотников за головами – не идеями, конечно нет, но – деньгами, громадными, надо сказать, деньгами и начал методичную охоту за всеми проповедниками этого... И вы не поверите – это, казалось бы, бездонное болото начало вдруг просыхать: меньше этих тварей не стало, но теперь они боятся пропагандировать свои извращения, потому что за ними могут прийти, и они закончат свою жизнь на сторкадском Параде Клинка, есть у них такое веселое мероприятие... – Цесаревич кивнул, он знал. – Впрочем, – Руллимаат вдруг усмехнулся, – я знаю и об одной нашей организации, которая любит повеселиться с пойманными джаго, что очень уж навязчиво приглашают в гости наших мальчиков – трупы этих джаго находят, но в таком... виде, что тошнит даже повидавших виды патологоанатомов. Многие корпорации требуют пресечь этот экстремизм – он вредит их бизнесу, – но полиция, увы, бессильна... Но мотивов многих... охотников мы просто не понимаем – и это самое страшное.

– Боюсь, теперь я не понимаю вас, сударь, – заметил Цесаревич. – Что вы имеете в виду?

– Я тоже боюсь – боюсь, вы не знаете, что на самом деле представляет собой Йэнно Мьюри, – начал полицейский. – Хотя... понимаете, я начал изучать вашу историю – поразительная вещь, надо сказать, – и у вас был такой город, Вавилон, где перемешались все народы, вся языки и... увы, все пороки.

– Был, – чуть наклонил голову Цесаревич. – Его разрушили наши дальние предки... нашей расы, в смысле.

– Да... Так вот, Йэнно Мьюри – это Вавилон Галактики, в каком-то смысле. По воле случая наша система лежит на перекрестке торговых путей Верхнего и Нижнего Края, она объединяет весь этот сектор Галактики. Другой такой нет, насколько мы знаем... И нас посещает множество... гостей – сотни, да, буквально сотни рас ведут у нас свои дела, кто-то вполне законные, а кто-то и не очень. У нас бывают гости из Верхнего Края – и даже из Перехода, да...

– Из Перехода? – переспросил Цесаревич.

– Ах да, вы же, наверное, не знаете... Понимаете, Зоны ограничивают... технические возможности – что в нашем случае следует признать несомненным благом, – но за пределами Галактики, за пределами Верхнего Края, их действие кончается, и там возможно... возможно буквально все. Там практически нет звезд, но есть... обитатели. Выходцы из Верхнего Края или из внегалактической бездны вне Млечного Пути – мы не знаем. Но они бывают и здесь, да. Обычно их невозможно узнать – они вовсе не стремятся к известности, но мотивы их бывают порой очень странными. О некоторых существах и их возможностях ходят чудовищные слухи, в основном лживые, ибо если бы они были правдой – Йэнно Мьюри уже не существовало бы, – но у нас бывают, порой... необычные гости... и иногда они убивают. А требовать отчета у них будет только сумасшедший. Поэтому я советую вам все же быть... осторожнее. Необычное притягивает необычное – а вы, земляне, очень необычны.

– Я благодарю за совет, – отозвался Цесаревич искренне.

– Мне стыдно, – глухо сказал Вайми.

– За что? – удивился Игорь.

Они сидели на краю какой-то цистерны, назначения которой Игорь даже не мог себе представить, опустив ноги в густой белый туман, теплый и плотный. Создавалось обманчивое впечатление, что по нему можно ходить. Между тем внизу была пропасть метров в сто, и на ее дне, под слоем этого тумана, шел первый матч по футболу – Земля – Йенно Мьюри, молодежные команды. Площадку размечали толченым кирпичом. Сквозь муть резко прозвучала сирена рефери-англичанина...

– За то, что было. Во всех новостях шумят... Андрей... он как себя чувствует?

– Нормально, – отозвался Игорь. – Что с ним сделается, его ломом не убьешь.

И вздрогнул. Вайми повернулся к нему, упер подбородок в кулак. Спросил резко:

– Не может быть, чтобы вы не боялись. Ну скажи честно?!

– Боялся, – признался Игорь. – Не за себя, за Андрея... А больше просто противно было.

– А смерти? – допытывался Вайми. – Ну вы же не верите, что после нее что-то заново бывает. Ну вот раз же – и нет тебя!

– Нет. Смерти я не боялся, – твердо ответил Игорь...

...Роман пробился с визитом почти одновременно с сестричкой. Остальные каналы Игорь, озверев от визитов, заблокировал, выставив заставку: «Прошу извинить!» Он понимал, что это даже немного некрасиво – люди, связывавшиеся с ним, всего лишь предлагали помощь или хотели поблагодарить за поддержку чести Земли, но... сколько можно-то?

Брат с сестрой долго толклись на плите проектора – как обычно, трехсторонняя связь удивляла. Наконец Надька обиженно вздохнула и сердито сказала:

– Говори ты, Ром, ты же старший мужчина в доме. Хотя дома тебя и не бывает никогда!!! – не удержалась она напоследок.

– Спасибо. – Капитан третьего ранга Роман Викторович Сурядов был в форме, вокруг проступали детали его корабельной каюты. – Здравствуй, брат.

– Здравствуй, брат. – Игорь смутился, опустил глаза. Как провинившийся. И не поверил своим ушам, услышав:

– А знаешь, я всего-то хочу сказать, что тобой горжусь. У меня мало времени.

Игорь поднял голову, но Романа уже не было. Зато Надька преданно смотрела с экрана и только чуть губами шевелила. Потом наконец разродилась:

– Никогда больше не буду с тобой спорить. Никогда-никогда!

– Будешь, – хмыкнул Игорь.

Девчонка замотала головой:

– Слова против от меня не услышишь!!!

– Ну и что это будет за жизнь? – разочарованно буркнул Игорь. – Ложись и помирай со скуки.

– Ты шутишь, – вздохнула Надька. – Шути. Ты вообще теперь что угодно можешь делать и говорить мне.

– Надь, ты что, рехнулась? – куртуазно поинтересовался юный дворянин.

– Ты ведь герой, – пояснила девчонка.

Игорь уточнил:

– А кем ты была, когда в прошлом году вытащила из моря котенка, который со скалы упал? Кто прыгнул метров с десяти, между прочим! – и вытащил?

– Да что ты глупости... – Надька осеклась: – Ой, извини. Но это же несравнимо, правда! Ты...

– Одно и то же это, Надь, – спокойно сказал Игорь и вдруг сам осознал свою правоту. – Одно и то же. И там и там риск. Одинаково смертельный. И окажись ты тут, ты бы поступила

точно так же, как я. Ведь ты с Земли. Ты моя сестра. Ты Сурядова.

Девочка моргнула, потом вздохнула:

– Я бы не смогла... ну, просто не получилось бы...

– Вот тут мы и подходим к самому главному, – поучительно сказал Игорь. – Надо каждое утро делать зарядку. Это раз. Питаться правильно – это два. Выкинуть всех кукол – это...

– Балабол! – фыркнула Надька.

– Такая ты мне больше нравишься, – засмеялся Игорь. Девчонка тоже засмеялась, махнула рукой и вдруг сказала:

– Братик, я тебя очень люблю, – и тут же выключилась.

Мама появилась почти тут же. Она молчала, глядя на сына через десятки парсек. И Игорь молчал, хотя больше всего ему сейчас хотелось шагнуть вперед и обхватить ее руками. Вот только уткнуться, как это иной раз бывало когда-то, в живот, не получится – Игорь почти сравнялся с матерью ростом.

Поэтому он просто молчал, глядя ей в глаза. И слушал ее голос – родной и такой близкий, словно Велина Целимировна находилась рядом с ним и на самом деле что-то говорила вслух...

... – Не боялся, – твердо ответил Игорь. – Жирно смерти будет, чтобы я ее боялся.

Вайми долго смотрел ему в лицо, потом почти растерянно сказал – не спросил, нет, именно сказал:

– Ты правду говоришь.

– Конечно, правду. – Игорь пожал плечами. – Придешь завтра на Ярмарку? Начинается демонстрация техники.

– Приду! – Вайми немедленно задрал нос. – Вот тут мы вас...

В кармане куртки Игоря завибрировал местный коммуникатор. Мальчишка быстро достал его и включил режим ответа.

На эту штучку, купленную им совсем недавно, могли пробиваться только Вайми и Лина. Больше Игорь никому не успел дать координаты.

15. Что ты можешь?

Зал был просторным, полукруглым, ярко освещенным. Вогнутую его сторону заполняли трибуны, плоскую же скрывало мутно-лиловое марево энергопоглощающего поля – как вскоре убедился Игорь, предосторожность совершенно не лишняя.

В центре сцены стояла массивная броневая плита. Один из аниу вышел к ней – Игорь уже знал, что конкретно эти, в пухлых нитяных облаках, которые, впрочем, были совсем не облаками, а генераторами защитного поля, являются очень отдаленным аналогом земных витязей.

Неуловимо быстрым движением аниу выхватил свой пистолет. Тонкий луч был почти невидим, но там, где он уперся в броню, вспыхнул гигантский сноп бело-золотых искр. Какая-то секунда – и срезанная наискось верхняя часть плиты тяжело грохнулась на пол.

Аниу также мгновенно убрал оружие, бесстрастно посмотрел на зрителей и удалился. Игорь поежился – теперь он вполне понимал, почему случайные свидетели их стычки разбежались с такой невероятной быстротой. Режущий луч аниу редко ограничивался целью, он имел большую дальность и беспощадно кромсал все, что оказывалось за целью даже вдали, а «сопутствующим ущербом» аниу не заморачивались. С их точки зрения, виноват всегда был тот, кто спровоцировал их на применение оружия. Впрочем, это было только самое начало представления.

Броневую плиту убрали и заменили другой, словно бы отлитой из черного стекла. Аниу вновь вышел к ней, но на сей раз луч его лазера изогнулся, словно по волшебству, не касаясь ее, и канул в мутном мареве энергопоглощающего поля.

Игорь догадался, что видит еще одно из технологических чудес Верхнего Края – идемитную броню, которая сама создавала постоянное защитное поле, наподобие магнитного. Она считалась редкой и дорогой, и секретом ее изготовления аниу ни с кем не делились. Игорь знал, что англосаксы с их чутьем и молниеносной реакцией на технические новинки уже пытались добыть образец – бесполезно.

И это, впрочем, был еще не конец. Двое аниу внесли небольшой столик, еще двое положили на него квадратный металлический кофр, и один из аниу открыл его. Внутри лежала миниатюрная копия их корабля – полуметрового диаметра «фреза» из скрученных спиралью, изогнутых, нестерпимо сверкающих, сбегających в невидимые острия лезвий. Но игрушкой эта жутковатая штуковина не была – когда аниу отступили от столика и один из них нажал что-то на своем браслете, она плавно и беззвучно поднялась в воздух, повернувшись к броневой плите. В центре ее зажглось маленькое злое солнце, оно разгоралось, становилось все ярче – и зал потряс тяжелый, почти беззвучный удар. Несокрушимая плита разлетелась в пыль, и аниу, отключив свое страшное устройство, положили его в кофр и тщательно закрыли замки. После этого взмахом руки аниу обратил внимание зрителей на развернувшийся огромный экран – он показывал какой-то полигон. Громадный кусок ровной, как стол, земли, окруженный силовым полем. На него, сразу с трех сторон, аниу выгоняли колонны странных тварей – общим числом никак не менее тысячи. С высоты колонны напоминали темные кружевные ленты. Но кое-что в них было странным. Если глазомер не изменил Игорю, эти существа были вдвое выше человеческого роста. Покрывают густой черной шерстью. Пропорции тел не вполне человеческие – в них что-то от зверя, вставшего на задние лапы. Широкие покатые плечи и длинные, до колен, руки говорили о громадной силе этих тварей. Головы – большие и вытянутые, так густо заросшие, что нельзя было понять, где уши или рот. Глаз тоже видно не было. Жуткие безликие фигуры, словно из кошмарного сна.

Игорь узнал их. Русские называли их «волоты», англосаксы – «огрз». Обитатели планеты Чинк, население которой в незапамятные времена вымерло или деградировало до первобытного состояния. Достаточно разумные, чтобы действовать сообща, но недостаточно – чтобы пользоваться орудиями.

Сердце Игоря неприятно заныло – все истории, в которых упоминались волоты, были страшными, как древние сказки Земли о разных жутких существах. Но если те сказки невозможно было проверить, то эти рассказы... Ему навсегда запомнилась история времен Первой Галактической о маленькой группе земных детей, которая оказалась вынуждена жить среди этих чудовищ после того, как подбитый корабль с беженцами потерпел на Чинке аварию. И было еще кое-что неприятное, что ему не хотелось вспоминать.

Волоты – людоеды.

Над головой Игоря сверкнуло серебро исполинской копии показанного им разрушителя – один из малых кораблей аниу, повернувшись вниз, завис над полигоном. В середине его зияла круглая «пасть», окруженная изогнутыми шипами, – и в ней полыхал шар жидкого, многослойного, зеленовато-белого сияния. Он вдруг засиял ярче, столб прозрачного зеленоватого света вдруг хлынул вниз и охватил нескольких волотов – словно они угодили в громадный пузырь морской воды. Их очертания странно струились, изменялись в нем, словно миражи. Когда свет погас, они превратились в бесформенные сине-багровые массы, похожие на сон сюрреалиста, – там гигантская нога, там чудовищно увеличенный рот, там аморфное сплетение шевелящихся трубчатых внутренностей... Все эти груды еще были... живыми, и Игорь внутренне содрогнулся от отвращения. Волотов, похоже, охватила паника. Они попытались разбежаться, но силовое поле не выпускало их. Столб света накрывал их сотнями. Он не убивал. Тела внутри него подвергались мгновенным, невообразимым мутациям, превращаясь в какие-то жуткие живые узлы. Иные из них замирали неподвижно, но большинство шевелилось. С некоторыми происходило и нечто более ужасное: один волот вдруг распался на целую стаю небольших тварей, тут же разбежавшихся в стороны. Другой превратился в нечто вроде нескольких сросшихся наверху ног – этот жуткий клубок тоже

помчался прочь, делая громадные, в несколько метров, прыжки. Это оружие походило на волшебную палочку, одним махом превращавшую врагов бог весть во что, и... было очень страшным.

Когда экзекуция закончилась, даже наиболее сохранившиеся особи напоминали побывавшие в огне пластиковые статуэтки: сросшиеся с телом руки, перекошенные, вытянутые головы... У одного существа Игорь заметил громадный черный глаз, занимавший половину живота. Но большая часть тварей выглядела еще хуже: это были просто бесформенные, удлинённые массы плоти с множеством недоразвитых рук и ног, зевающих ртов, глаз... они ползли по земле, словно черви, отвратительно извиваясь. Со всех сторон донеслись неприятные звуки – многих зрителей откровенно тошнило, кто-то зажимал лицо руками, лишь бы не видеть всего этого.

К счастью, на этом жуткое представление закончилось – корабль аниу беззвучно поднялся вверх, его место заняли несколько похожих на облитые ртутью автоматные пули истребителей. В их узких, окруженных шипами «пастях» тоже засияло пламя – на сей раз, правда, злое, сине-белое, – и хлынувший вниз частокол тонких лучей буквально вымел поле за какие-то секунды – каждый истребитель в один и тот же миг поражал сотни, тысячи целей, превращая уродов в куски обугленного мяса.

Со всех сторон послышались вздохи облегчения, хотя кое-кого тошнило до сих пор. Когда истребители аниу тоже убрались и на поле выползли киберы-уборщики, Игорь задумался. В розданных им проспектах было написано, что этот корабль – аниу называли его Изменителем – излучал пластическое поле: он мог почти мгновенно создавать машины и даже здания – разумеется, если был надлежащий материал. Без управляющих программ поле могло создать лишь хаос: если бы в зону его действия попало живое существо, оно мгновенно превратилось бы в фарш. Следовательно... Кто-то из аниу специально и с великим тщанием составлял программы, благодаря которым Изменитель не убивал, а «всего лишь» уродовал врагов. Игорь представлял себе сложность живых организмов и осознавал, что создание жизнеспособных мутаций требовало громадного труда. Смысл этого представления был ему вполне ясен: не поднимайтесь против нас, ибо смерть – совсем не самое страшное, что ждет вас в таком случае.

Это была уже не демонстрация силы. Это была явная угроза. И Игорь не знал, что можно ей противопоставить. Ощущение было нелепым и непривычным. Мальчишка беспомощно огляделся...

...и почти сразу у него отлегло от сердца. В каких-то десяти шагах от него с десятков человек – в гражданском и мундирах – вели съемку, видео и параметров, почти открыто. Лица их были спокойны и бесстрастны, а у одного, совсем молодого, – скорей азартное было лицо. Лицо голодного человека, которому показали шикарно накрытый стол и предложили взобраться к яствам по отвесной стене; что ж – заберемся, конечно!!!

Игорь перевел дух. Вайми, который тоже притих, теперь дергал его за рукав, настойчиво предлагая пойти и посмотреть на достижения его родной армии.

– Ну пошли! Вон там наши! Или ты спешишь?

– Не очень. – Игорь послушно зашагал следом. До их выступления оставалось еще почти три часа, и он не собирался думать о предстоящем.

* * *

Этот свой кусок полигона мьюри оборудовали под типичный театр боевых действий – воронки, куски бетона, попадавшие там и сям развалины и почти целые жилые башни. Позиции в них занимало несколько сотен боевых киберов – страшноватых металлических скелетов, вооруженных устаревшими плазменными винтовками, роторами и ракетными установками.

Игорь вздохнул и осмотрелся. Была обещана пехотная атака на укрепленную позицию – и он честно высматривал фигурки бегущих пехотинцев, пока не услышал знакомый звук,

сначала слабый, но тут же обернувшийся нарастающим ревом – звук реактивных двигателей. Из низких сумрачных туч вырвалось восемь темных, угловатых машин с короткими трапециевидными крыльями, загнутыми на концах вверх. Из окна верхнего этажа ближайшей башни к ним устремилась ракета, оставляя белый дымный след, но машина-цель уклонилась с презрительной легкостью и выстрелила ослепительной бело-синей молнией, канувшей в амбразуру. Над крышей башни взметнулся смерч из обломков и пыли, другие вырвались из окон... и верхушка здания начала разваливаться. Свет и грохот оглушили Игоря и привели его в почти бессознательное состояние. Он едва успел заметить, как, едва вынырнув из туч, корабли переворачиваются днищами вверх, их бронированные крыши открываются, и оттуда вниз летят массы каких-то темных комков. Касаясь земли, они подскакивали неожиданно высоко, падали вниз, снова подскакивали...

В какой-то миг это движение стало осмысленным. Игорь вдруг понял, что это мьюри – множество одинаковых парней в темно-фиолетовых, с золотой отделкой, куртках до колен и в высоких сапогах. На головах у них были круглые плоские шапки с большими козырьками, за спинами – небольшие стальные ранцы. Каждый был окружен подвижным голубоватым сиянием – оно то тускнело, то вспыхивало ярче, отталкивая их от земли и позволяя им перемещаться громадными прыжками. В руках у каждого были лазерные винтовки. Из них вырывались тонкие голубые лучи – попадая в киберов, они без малейших усилий резали их пополам. Меткость стрелков была фантастической: ни один выстрел не шел мимо цели. Киберы успели оказать сопротивление – они стреляли из винтовок, а откуда-то из развалин даже ударил ротор, но плазменные заряды разлетались разноцветными искрами, разбиваясь о призрачную, подвижную броню.

Через какие-то минуты все было кончено.

– Впечатляет, – услышал Игорь хриловатый голос и, чуточку скосив глаза, увидел двух офицеров миссии – точнее, миссий: невысокого, сухого, как пустынная колючка, русского штабс-капитана с ястребиными чертами и вислыми усами и стройного, гладко выбритого англосаксонского майора с холеным лицом и серыми холодными глазами. Ни того ни другого лицеист не знал; говорил русский и говорил на арья, мертвом пра-языке, преподававшемся в лицах обязательно и в школах по желанию. – Но в сущности, это обычная вертолетная штурмовка с высадкой десанта на бреющем.

– Причем медленно проведенная, – ответил англосакс. – Я засекал: мои ребята сделают это быстрее. И поддержка с воздуха недостаточная, эти парни, мьюри, атаковали фактически неподдавленные позиции – в лоб.

– Ну, это, скорее всего, чтобы продемонстрировать нам снаряжение, – возразил штабс-капитан. – Эти силовые поля – могучий козырь. И с их ружьишками я бы не прочь был познакомиться поближе... со стороны приклада.

– Пожалуй, это даже хорошо, что они так надеются на свою технику, – вдруг сказал англосакс. – Все-таки не исключено, что они и вовсе не знают таких понятий, как охват, обход, окружение. Или знали, да забыли – к чему все это, если ты почти неуязвим?

Офицеры рассмеялись – русский хриловато, немного хищно, англосакс – почти музыкально, но без улыбки в глазах.

– О чем они говорили? – поинтересовался Вайми. И тут же соскочил с темы: – Ну что, видел? Здорово, правда?!

– Здорово, – кивнул Игорь. – Пойдем, мне пора уже... А заодно по пути глянем еще на кое-что.

* * *

На поле вышли десять человек – витязи «РА» и гезиты «Фирда». Все были в обычном легком снаряжении, с РАПами в руках. По кругу поля возникли грозные силуэты – это были бээмэсы, боевые машины сопровождения. Они сузили кольцо и встали – аппараты нескольких видов. Земляне разбрелись по оставленному пятакчу... потом в тишине

прозвучала команда.

Трибуны то ли каркнули, то ахнули. Пятачок затопило лавинами огня. В первые мгновения у всех зрителей было одно ощущение – люди хотели показать что-то, но не рассчитали и, конечно, мертвы... мертвы?... а?!.. но...

Но так не бывает!

Казалось, фигуры поджарых мужчин танцуют среди вихрей плазмы, ливней стали и потоков кинетических масс. Ни у одного из них не было практически никакого защитного снаряжения, даже бронежилета. То взмывая вверх, то распластаваясь по земле, то крутясь волчком или косо падая в стороны, а временами вообще пропадая, люди танцевали безумный танец. Они оставались невредимы.

И они – стреляли.

И каждый выстрел находил цель. Машины оседали покореженным металлом. К тем же, вокруг которых пульсировали защитные поля, люди подошли – переместились? оказались? – почти вплотную и уничтожили их просто бросками валко, красиво пущенных гранат, медленного – по дуге – полета которых поле отразить не могло.

Это немного походило то ли правда на танец, то ли на игру, отчего возникало ощущение какого-то фокуса или обмана. После того как схлынуло изумленное молчание, кое-где на трибунах раздались выкрики на нескольких языках – именно в этом смысле.

Подняв забрало шлема, Его Высочество Цесаревич с улыбкой вскинул руку и в наступившей тишине любезно предложил желающим из числа хозяев проверить, насколько это фокус. Мальчишки на трибунах не сдержали хихиканья и переталкивания. Но желающих нашлось много – даже слишком много. Видно было, что спускающиеся на поле мьюри разозлены – большинство «попыткой обмана», а некоторые... оооо, Игорь понял, что эти «некоторые» знают, что все показанное – реальность. И не хотят в это верить.

С оружием все вышедшие и отобранные – двадцать – обращаться умели. И открыли огонь сразу по команде – свирепо, с намерением не подранить, нет. Игорь видел, что мьюри хотят убить землян, убить и списать на правила Ярмарки.

Он видел это и смеялся, обняв за плечо Андрея, который тоже не сдерживал смех. А трибуны бушевали...

...Мьюри стреляли в своих противников, казалось, неспешно подошедших к ним, уже в упор – стреляли с изумленным отчаяньем, зло, непонимающе. Но круговерть рук и ног стоящих в двух шагах землян раз за разом отбивала руки с пистолетами – за неуловимую долю секунды до выстрела. И вот уже один пистолет перекочивал в руку землянина – и уперся под челюсть застывшему мьюри, руки которого оказались выгнуты вбок и вверх – сразу обе, схваченные за указательные пальцы. И второй мьюри, закрутившись волчком, оказался лежащим на земле без возможности нормально дышать – землянин полулежал на нем, с обидной легкостью удерживая болевой прием, а пистолет покоился в кобуре хозяина, заботливо определенный туда землянином.

Вскоре утихли последние выстрелы...

– Мне пора, Вайми, – как ни в чем не бывало сказал Игорь. – Скоро наша схватка.

– Удачи, – вдруг ответил мьюри.

Игорь напомнил:

– Мы будем драться с вашими.

– Удачи, – повторил Вайми упрямо.

16. Никто, кроме нас!

Стоявшее в зените солнце заливало плац дрожащим маревом. Его жар лежал на коже, словно плащ, и Игорь невольно повел плечами, не отводя глаз от строя противников. Это им – по четырнадцать?! Угу, шнурки поглажу и побегу верить... Тогда ночью он их плохо разглядел, а сейчас видел «во всей красе». Уже почти взрослые парни, все рослые, мускулистые, гибкие. Как хищные звери, выращенные в дорогом питомнике на специальном

рационе по особому режиму. По трое на одного...

Он невольно сглотнул, оглянулся вправо-влево на своих товарищей – четверых англосаксов и пятерых русских. Сами напросились, конечно, – но, если вдруг что, пенять можно только на себя. Законы Ярмарки очень просты – обещать можешь что угодно, но будь добр подтвердить свои слова делом. За язык тебя никто не тянет, не уверен в своих силах – промолчи, постой в сторонке, никто тебя не тронет. А уж если вызвался... Это все же не война, убивать необязательно, но если все-таки убьешь – никто с тебя не спросит. И если убьют тебя – тоже никто не почешется. Сам вышел, прости. Такое тут место – здесь решают, с кем стоит дружить, а с кем можно не считаться и прижать при случае. А прижать здешние хозяева могут конкретно, это они еще вчера показали на полигоне – атакой роты сверхтяжелых танков на долговременные укрепленные позиции, с ПТРК залпового огня и тяжелыми плазменными орудиями. Землян посадили в бункер перед этими самыми позициями, чтобы наглядно все прочувствовали.

Игорь вспомнил, как сверхмощные плазменные заряды бесполезно расшибались о силовые щиты, как лазерные роторы сносили по 30 – 40 залпом пущенных в один танк ПТУРС... По пусковым установкам никто даже не стрелял – их высокомерно игнорировали. Универсальные плазменники сухопутных крейсеров палили непрерывно, расшибая расставленную в капонирах устаревшую технику – «случайно» очень похожую на земную, а гауссы ГК потрясали небо и землю своими сокрушительными залпами, просаживая навывлет нарочно расставленные стальные блоки трехметровой толщины... Нет, конечно, все в Лицеях бывали на учениях и проходили «обкатку» танками, но это...

...Глухие, мощные удары плазменных залпов, страшный шипящий вой многоствольных лазеров, бело-голубые сполохи летящих ракет и зарядов, дикий танец земли под ногами, мерзкое ощущение собственной ничтожности, когда, словно не замечая бешеного огня, кажется, прямо на тебя надвигаются неуязвимые монолиты, каждый размером с заводской цех, стреляя из всех своих стволов, а потом перед окном бункера с кажущейся медлительностью, один за другим проплывают чудовищные катки величиной с хороший дом...

Игорь мотнул головой, заметив, как один из распорядителей Ярмарки – черно-серебристый от старости скиутт – поднял стартовый пистолет. На его морде явственно читалось неодобрение – по его мнению, «щенкам» надлежало еще учиться и учиться, а не участвовать в заведомо неравном бою... Госпожа инструктор стояла с другой стороны, в тяжелой армейской пластинчатой броне, стальной боевой шест в одной руке, станнер – в другой. На лице – твердая решимость не допустить своих подопечных до позорного убийства слабосильных малолеток.

Короткий треск выстрела. Мьюри набросились сразу, в их глазах горел азарт – что им стоит стоптать десяток возмнивших о себе дикарей с задворков Галактики?

Игорь усмехнулся. Сейчас посмотрим, кто тут щенки...

Как он и ожидал, противники оказались так себе – первый с ходу нарвался на удар каблуком берца под дых, второй подбежал ближе – на прямой удар правой в глотку. Третий... где третий?

Ой дурак! Зашел за спину – и не ударил, только попытался схватить. Игорь наотмашь врезал ему локтем между глаз... и недоуменно огляделся. Что, и это все? Ему только трое и достались?!

Все мьюри лежат в глубочайшей отключке, а ребята по-прежнему стоят, уже открыто ухмыляясь, посреди оглушительного, потрясенного молчания...

...которое разбивает яростный вопль – госпожа инструктор срывается с места. Боевой шест в ее руках мерцает, как пропеллер. Игорь напрягся, но ее гнев был направлен не на него: раскручивая шест до призрачного мерцания, госпожа инструктор наотмашь лупила по телам опозорившихся до конца подопечных.

– Поднимайтесь и деритесь, вашу мать!..

Боевой шест мьюри – двухметровая стальная труба весом около четырех килограммов,

с мягко закругленными концами – в тычке пробивала грудную клетку как копье. Сейчас шест с глухим деревянным стуком врезался в распластанные тела, оставляя страшные глубокие вмятины на крестцах и ребрах...

...Это было не его дело, но смотреть на избиение совершенно беспомощных парней Игорь не мог. Он сам не сразу осознал, что прыгнул вперед, перехватывая шест. Тот со звонким хлопком ударил по пальцам, едва не оторвав мальчишке руку – ее до самого плеча пронзила боль. Но шест замер – Игорь и госпожа инструктор тоже замерли, глядя глаза в глаза.

Это длилось не более мгновения. Даже ослепленная яростью, дурой госпожа инструктор не была – она просто отпустила оружие, прыгнула назад и выхватила станнер. Они вновь замерли. Теперь Игорь понимал, что нарвался конкретно – станнер, конечно, не боевое оружие, но выстрел полной мощности сожжет лицо до костей и превратит мозги в овсянку – очень повезет, если насмерть. И не сделаешь уже ничего – одно легкое движение пальца, и тебя нет. Никто не поведет даже бровью: тот, кто встречается между учеником и наставником, виноват во всем сам.

...Вот только витязей не обучают сдаваться. Никогда. Если нельзя драться руками – значит, просто приходит черед иных средств.

– Сунна! Кемик элк!

...В любой мало-мальски приличной армии офицеров учат командному голосу. Витязей тоже учат, но несколько иначе – на самом деле здесь важна не громкость начальственного ора, не хитрая игра гаммой интонаций и ударений. Важна воля того, кто приказывает. Госпожа инструктор никак не ожидала услышать от 13-летнего пацана фразу «Спокойно! Убрать оружие!» – сказанную на ее родном языке и с убежденностью убеленного сединами генерала. Ее остановили даже не слова, нет, взгляд – стоящие под дулом так не смотрят. И госпожа инструктор убрала станнер в кобуру даже быстрее, чем успела это осознать. Вот только ненависть из ее взгляда никуда не делась... и Игорь понял, что нажил смертельного врага...

Он не сразу осознал, что происходит что-то не совсем обычное. Побитых хозяева убрали с плаца с хорошей армейской четкостью, но на заднем плане началась непонятная возня – похоже, что прибывали Очень Важные Зрители, которым совсем не хотелось светиться.

Хорошо, подумал вдруг мальчишка. Хотите зрелищ? Что ж, будет вам зрелище. Такое, что на всю жизнь запомните.

– Есть ли еще заявки? – спросил Рларра, тот самый скиутт-распорядитель. Его тон намекал, что никаких заявок не надо и лучше побыстрее закрыть лавочку – пока дело не зашло слишком далеко.

Черта с два, решил Игорь. Сейчас я с вами посчитаюсь – за похищение, за Андрея, за наглость, за высокомерие, за то, что Лина все время грустная – за все. Зря вы все это затеяли. Совсем зря.

– Я обещаю с голыми руками продержаться против любого противника с любым холодным оружием, которого только смогут выставить наши хозяева, – Игорь не сразу осознал, что говорит это. У него не было никаких прав делать такое заявление... но тут – Ярмарка.

Тут слово не оспаривают словом. Только – делом.

– Ты рехxxxxxxxxнулссся?! – прошипел по-русски, хватая его за локти, Шелтон.

Игорь мягко высвободил руки, дурашливо ответил:

– Не-а, ни разу!

Макаров посмотрел на него многозначительно и зло – если он, Игорь Сурядов, дворянин в шестом поколении, опозорит Империю...

«Если опозорю, ему до меня уже будет не добратся», – неожиданно весело подумал мальчишка. Страху не было, только азарт. Посмотрим, на что способны эти наглые сытые твари без мегатанков и лазерных винтовок...

Он поймал чей-то взгляд и, повернув голову, безошибочно нашел на трибуне Лину. Она сидела очень прямо и смотрела уверенно и гордо, излучая спокойствие всей своей позой – как скала в бушующем прибое. И не сводила глаз с Игоря...

...Начали хозяева ну совершенно традиционно – выставили против наглого заявителя кадета с ножом. Точнее, с кинжалом. По правилам Ярмарки Игорю дали осмотреть оружие – нет ли какого подвоха, вроде выстреливающей клинок пружины в рукояти или яда на лезвии. Никто за тебя это тут проверять не будет, просмотрел, не заметил – ну так внимательней надо быть...

Подвоха не оказалось, но сам кинжал был на удивление хорош – плоская, с насечкой, рукоять, мягко скругленный нижний упор – и восьмидюймовый, в смутных полосах, клинок цвета стылого зимнего неба. Да, даже такие простые вещи тут делать умеют. Посмотрим, умеют ли пользоваться...

...Как оказалось – умеют. Противник без всяких затей ударил кинжалом снизу вверх – зато быстро, очень быстро...

Но все же недостаточно быстро. Защита от ножа в Лицее ставилась до полного автоматизма. Игорь не то что испугаться – он и подумать-то ничего толком не успел, только вдруг услышал мокрый, отвратительный хруст и лишь тогда заметил, что сжимавшая кинжал рука мьюри очень неестественно выгнута в двух суставах сразу. Кинжал... да, а где кинжал?

Игорь обмахнул взглядом всю полусферу – их учили и этому: не заметил, не понял, что происходит – будет очень больно... – и сразу нашел пропавшее оружие: кинжал взлетел высоко в небо, как птица, и сейчас падал.

Игорь проследил за ним взглядом – не задело бы кого – и досадливо поморщился, когда клинок лязгнул о бетон. Какая бы ни была сталь, острие неизбежно попортится, придется править...

Потом он перевел взгляд на противника. Тот, не понимая, еще стоял – и Игорь, даже не спеша, врезал ему берцем между челюстью и ухом – безо всяких затей. Здоровому выхоленному семнадцатилетке этого хватило вполне – его закрутило, и он с размаху хлопнулся мордой на бетон. Мокрый мягкий шлепок... Кто-то в стороне поморщился, но Игорь даже не моргнул. Промедли он хоть мгновение – и на бетоне лежал бы сейчас он, и не с разбитым лицом, а с проткнутым сердцем...

Второй противник появился не сразу, и Игорь усмехнулся – до хозяев, видимо, начало доходить, что первый-всякий русского мальчишку не возьмет. В теле, правда, начала потихоньку нарастать противная дрожь – выставят против него парня с мечом, или, сохрани боги, со шпагой – и привет, против метра отточенной стали в умелой руке никакое рукомашество и ногодрыжество не поможет...

Когда противник таки появился, Игорь едва не засмеялся ему в лицо – не шпага, всего лишь боевой шест, как у госпожи инструктора, но тут же противная дрожь вернулась снова. Парень походил на молодого тигра – массивное, но гибкое тело словно состояло из одних тугих мускулов, а весил он точно больше гостя раза в два. Шест в его руках превратился в жутковато гудящий мерцающий круг – и этот круг неотвратно надвигался на спокойно стоящего мальчишку. Внешне спокойного – сейчас Игорю хотелось заорать. Защите от такого их не учили – ну так думай сам, на то ты и витязь, а не простой боец...

...Ничего запредельно трудного тут все же не оказалось – прыгнуть вперед, перехватить шест – и не пытаться вырвать, нет! – направить вниз, в ступню владельца. Если твой противник сильнее, тем хуже. Для него. Витязь найдет способ обратить его силу против него самого...

Бзанг! Вот такого Игорь никак не ожидал – шест, словно взбесившись, миновал ступню владельца и со всей мощью врезался в бетон. Тут же парень ударил в ответ – быстро и сильно. Очень сильно – но к этому Игорь уже был готов, разъяренный до бешенства враг уже не опасен.

...В программу подготовки витязей входят порой очень неожиданные предметы. В самом деле, зачем в рукопашной знания о таких вещах, как передача момента импульса,

инерция, плоскость вращения и прочее такое все? А очень даже затем – приемы на все случаи жизни не заучишь, порой нужно думать самому, причем быстро. А это куда как проще, если знаешь основные принципы взаимодействия физических тел. Только...

Только это оказалось очень тяжело – Игорю пока просто не хватало силы, ему казалось, что он тащит и тащит тяжеленное бревно...

...и вдруг все кончилось. Шест остался в руках удивленного Игоря, а вот мьюри, оббежав вокруг мальчишки полукруг, вдруг покотился по земле, увлеченный мощью собственного размаха. Бойцом он оказался неплохим – тут же опомнился и начал подниматься, только вот сделать это Игорь ему уже не дал: перехватил шест поудобнее и от всей души врезал мьюри по загривку, буквально вбив его в бетон.

Бросив шест, мальчишка утер пот, чувствуя, как дрожат ноги. Сил ему все же хватило, но едва-едва.

До него начало наконец доходить, как он влип – правила Ярмарки запрещали выпускать противников с одним и тем же оружием, но сколько его видов найдется у хозяев? А отступать... нет, можно, конечно, просто уйти, и никто ему слова не скажет, даже Макаров – после такого-то... Но отступать не то что не хочется – просто нельзя. «За мной Империя» – звучит пафосно, но... здесь и сейчас Империя была за ним. Он и был – Империя. И от того, останется ли он драться дальше, зависит очень и очень многое. Вот только ноги все сильнее дрожат от нарастающего противного предчувствия...

Предчувствия Игоря не обманули – как не обманывали почти никогда. Следующий противник появился почти сразу – и он выбрал проволочный хлыст, чудовищное по своей подлости оружие, невероятно упругую плетеную косу, плавно сбегаящую к концу уже в невидимое острие. Даже в неумелой руке удар ею срывал мясо с костей. Что-то отдаленно похожее на казачью нагайку – а она бывает страшнее и копыя, и кинжала, и даже меча; в Первую Галактическую кое-кто из казаков гордился убитыми в рукопашной скиуттами – двумя, пятью, десятком! – в те времена, когда другие земляне сами же считали их непобедимыми в поединках...

Владелец плети с нею явно обращаться умел и был невероятно гибок и проворен. Он словно танцевал вокруг своего безоружного противника, высматривая слабости, выгадывая подходящий момент. Вот! И хлыст взлетел снизу вверх. Удар этим оружием непредсказуем и невероятно быстр, уклониться от него невозможно.

...Вот только Игорь и не пытался уклониться. Он спокойно подставил руку – и хлыст с жутким мокрым звуком обвился вокруг нее. Боль белой вспышкой разорвалась в голове, но на лице мальчишки не дрогнул ни один мускул. В Лицее учат отключать боль. Как – лучше и не спрашивать...

...На этом бой и кончился. Игорь сжал кулак, резко рванул, и мьюри тупо устоялся на свою вдруг опустевшую руку. Ничего больше сделать он не успел – Игорь ударил одновременно в пах, под ребра, в горло – насмерть, выбравший подлое оружие не может рассчитывать на пощаду. Противник отлетел, словно кукла, и упал – тупо, деревянно. И лишь потом с руки мальчишки медленно, словно издохшая змея, сполз хлыст, открывая сразу же оплывающую кровью, страшную ярко-алую спираль...

На сей раз замешательство дорогих хозяев длилось довольно-таки долго. Игорь терпеливо ждал, чувствуя, как вместе с кровью его покидают силы. Он уже чувствовал, что остался только один поединок – поединок, который решит все...

В сторону Лины мальчишка не глядел. Но чувствовал ее взгляд – по-прежнему спокойный и уверенный.

Он не слишком удивился, когда против него вышла лично госпожа инструктор. Это не нарушало правил Ярмарки, но нарушало традиции, и скиутт-распорядитель посмотрел на женщину неодобрительно. Игорь усмехнулся – даже если он не уйдет отсюда на своих ногах, уважение к дорогим хозяевам кое у кого упадет очень резко – а уж если *уйдет*...

Если уйдет. Госпожа инструктор – это не полуголый кадет: подбитые металлом берцы, черные шаровары, жирно блестящие металлокерамикой сегменты брони защищают тело от

горла до верха бедер, на них падает глухо лязгающая при каждом шаге юбка из переплетенных цепных петель. На голове – шлем, похожий на круглую плоскую шапку с большим козырьком. В руках – шест, но если шесты кадетов, пусть и с натяжкой, можно назвать учебными, то это – однозначно боевое оружие. Он короче, но на одном его конце лезвие, на другом – твердое трехгранное острие, рассчитанное пробивать броню, под ним – острые ребра шестопера. Это оружие не крутилось, не мерцало, с гулом рассекая воздух, чтобы напугать противника. Оно спокойно и твердо лежало в руке для одного-единственного, решающего удара.

Игорь стоял совершенно неподвижно, не пытаясь поддержать залитую кровью руку. Уже пятый поединок – и седьмой противник. Он смертельно устал, и она это видит. И он ранен. Госпожа инструктор, несомненно, знает, как действует проволочный хлыст, знает, что левой рукой он не сможет пользоваться еще долго. Если бы она выбрала это оружие, Игорю осталось бы только тут же и умереть. Но здесь, на Ярмарке, слово «честь» – не пустой звук. Может, ей бы и хотелось... но слишком много ушей и слишком много глаз следят теперь за каждым ее движением. Она должна не просто победить, но победить честно – насколько это возможно в таком бою.

...Сейчас главное – сохранять спокойствие, абсолютное. Это действует на противника гораздо сильнее, чем самое дикое беснование и угрозы. И госпожа инструктор не выдержала.

– Откажись от боя, – почти не разжимая губ, сказала она. – Иначе я тебя убью. У тебя нет никаких шансов.

Игорь не шевельнулся, даже не моргнул. Да, она дрогнула – пусть и не осознав этого, но ей – страшно. Нет, этот страх не поколебал ее решимость. Все мыслимые преимущества на ее стороне, и она вполне владеет собой, но ей все равно страшно. И тем опаснее будет ее нападение, когда...

...Она почти застала его врасплох. Только что неподвижная фигура – девяносто килограммов брони и мускулов – внезапно взорвалась в стремительной атаке. Удар лезвием снизу, в горло – почти смертельный, чтобы заставить противника поверить... и, просто продолжая движение – шестопером в колено, сбоку. Такой прием неотразим, и Игорь ничего не смог бы сделать, если бы...

Если бы он стоял на месте. В бою не всегда получается угадать движение противника еще «до», но если уж ты смог, то... то все. Мгновением раньше – со стороны казалось, что все происходит одновременно – Игорь начал уходить вбок. Госпожа инструктор попыталась изменить направление удара, и будь у нее обычный боевой шест, она бы смогла, но сейчас слишком тяжелое оружие не подчинилось ей вовремя. Все остальное уже просто отработанные до автоматизма рефлексy. Перехватить оружие противника... заставить его продолжать удар... лезвие скрежещет по броне – если бы не высокий воротник панциря, развалил бы госпоже инструктору горло, но броня ей уже не поможет. Руки мальчишки выходят на захват, короткий хруст сломанного запястья – и госпожа инструктор тяжело падает наземь, а ее оружие остается в руках Игоря. Он размахивается и бьет изо всей силы сверху вниз твердым трехгранным острием – такой удар пробьет и шлем, и череп, и мозги...

Но слово «честь» – не пустой звук. А убивать таких вот, неумелых, но наглых – слишком много чести. И острие врезается в бетон прямо перед носом госпожи инструктора. По ее лицу бьют острые осколки – и над плацем взлетает высокий пронзительный визг.

Игорь смотрел на поверженную противницу без ненависти, с легким презрением – просто дура, взявшаяся не за свое дело, потом перевел взгляд на шест. Бетон треснул, острие ушло в него на два дюйма, а над плацем еще гуляет постыдное эхо. Такую победу невозможно оспорить – и на фоне гробового молчания хозяев поднимается сначала негромкий, но нарастающий до мощи штормового моря ликующий рев. Кричат все – и друзья Земли, и даже враги. И лишь в уже затихающих отзвуках эха Игорю мерещился предсмертный стон войны – войны, которая не началась и уже никогда не начнется...

Он понял это отчетливо. Ясно. Как взрослый солдат, выигравший самый важный бой.

За поединком следило невероятное множество глаз – еще с самого начала следило, а уж когда Игорь остался один, их стали уже миллиарды – освещавшие Ярмарку телекомпаний сориентировались мгновенно и пустили невероятное зрелище в прямой эфир. Едва ли не половина населения планеты увидела все эти поединки, один за другим – кто на маленьких экранчиках комм-браслетов, кто – на километровых экранах голографических проекторов, сияющих над крышами городских мегабашен. Но самые, пожалуй, внимательные зрители находились совсем близко – невидимые в тени окна второго этажа одного из окаймлявших плац зданий. Их было двое – и, в отличие от многих и многих других, они понимали, что видят.

– ...Знаешь, Ханнар, это же чертовски несправедливые условия!

– Да, Ваше Высочество.

Его Высочество стоит босиком у открытого настежь окна. Из окна пышет жаром, как из топки. Белое полуденное солнце из зенита заливает плац – словно смотришь в горнило. На раскаленных плитах – два строя. Два ОЧЕНЬ разных строя. Слева – десяток русских и англосаксонских тринадцатилетних мальчишек в маскировочных штанах и берцах. Голые по пояс, уже дочерна загорелые под здешним солнцем, худые, гибкие, жилистые, чем-то неуловимо похожие на волчат. Справа – мьюри, их ТРИДЦАТЬ. Все – рослые, здоровые парни, в армейских сандалиях, в парео – за сотни поколений привычные к такой жаре. Страшно представить, каково в ней северянам – уж это Его Высочество может сказать на основе своего личного опыта.

Короткий треск сигнального выстрела. Земляне остаются на месте. Мьюри бросаются на них – накачанные мультивитаминами, гладкие, мускулистые, блестящие. Каждый из них просто в полтора раза тяжелее и может пинком свалить бычка...

Темно-золотая волна набегают на коричнево-смуглую, сливается с ней. Вдруг эта слитная масса... РАЗМАЗЫВАЕТСЯ. Его Высочество невольно закрывает глаза – и в этот миг до него долетает ЗВУК: словно тяжелый грузовик врезался в груды рассыпающихся кожаных мешков. Его Высочество открывает глаза.

Земляне по-прежнему стоят на месте. В тех же расслабленно-угрожающих позах. Мьюри... ЛЕЖАТ. Все. Никто из них даже не шевелится.

Тишину разбивает яростный вопль – госпожа инструктор срывается с места. Боевой шест в ее руках мерцает, как пропеллер, мерцание обрывает лишь глухой деревянный стук ударов по копчикам и ребрам опозорившихся подопечных.

– Поднимайтесь и деритесь, вашу мать!..

Тишина. Молчание. Никакой реакции. Лишь одна-единственная усмешка.

– Явное несоответствие намерений и действий, не так ли, Ханнар?

– Да, Ваше Высочество.

Его Высочество с явным недоумением наблюдает, как один из кадетов остановил избиение – вырвав у госпожи инструктора шест и как-то заставив ее убрать оружие – Его Высочество считал, что мальчишку вынесут отсюда с выжженным мозгом, а он оч-чень редко ошибался в таких вещах. Жаль, что он не видел, как тот дрался, но это нетрудно поправить. Ханнар видел все – и Его Высочество, не разжимая губ, спросил:

«Мой друг, я могу воспользоваться твоей памятью? Этот парень совсем не так прост».

Ответа нет – вернее, вспыхнувшие в голове Его Высочества картинки и есть ответ. Опустив ресницы, он видит...

...Трое мьюри бросаются на землянина с трех разных сторон одновременно. Никаких шансов... у них. Мальчишка словно взрывается ударами – принц-то их видит в отличие от большинства зрителей! – каблуком берца под дых одному, страшный клевок сложенными в щепоть пальцами между ключиц другому, наотмашь локтем между глаз – третьему. Неясный глухой звук – и трое взрослых парней летят в стороны, словно от взрыва, падают с тупым

деревянным стуком и замирают, уже не шевелясь... Нет, в стерео такое никого не удивляет – но вот наяву!..

Увлечшись, Его Высочество не сразу заметил, что землянин только начал свое представление. Или... не представление это, а что-то намного большее? Принц просто не мог поверить своим ушам и с недоумением повернулся к Ханнару.

– Этот мальчишка – сумасшедший. Обещать продержаться с голыми руками против любых противников с любым холодным оружием – самоубийство.

– Теперь я так не думаю, Ваше Высочество. У этой расы просто невероятный потенциал.

Его Высочество задумался, сложив руки на груди и глядя вниз.

– Ну, посмотрим. Я полагаю, они начнут с...

Крепко сжимая пальцами левой руки подбородок, Его Высочество очень внимательно и со все большим неверием смотрел на поединки. Такого просто не могло быть!

Однако же – было.

...Мьюри с кинжалом с неуловимой быстротой бьет снизу вверх – и целое мгновение, кажется, не происходит ничего, оно словно вырвано из реальности. Потом кинжал вдруг взлетает высоко-высоко в небо, как птица, падает с резким сухим звоном... и лишь потом зрители замечают, что сжимавшая его рука очень неестественно выгнута в двух суставах сразу. Ее владелец, не понимая, еще стоит, но нога мальчишки взлетает, с какой-то презрительной медлительностью бьет его между челюстью и ухом. Мьюри падает, вдруг завертевшись, как волчок, и очень резко замирает, коснувшись земли...

...Мьюри с боевым шестом похож на молодого тигра – массивное, но гибкое тело словно состоит из одних тугих мускулов. Шест в его руках превращается в жутковато гудящий, мерцающий круг – и этот круг неотвратно надвигается на спокойно стоящего мальчишку. Тот протягивает навстречу ему руку... и вдруг взбесившийся шест врезается в бетон возле самой ступни владельца. Тем не менее тот не отпускает оружия, и все трое – землянин, мьюри, шест – неуловимо размазываются. Никто не успевает понять, что именно происходит. Здоровенного парня сдувает, как пушинку, он катится по земле, опирается на руки, пытаясь подняться, но шест описывает роскошный полукруг, с резким хлопком выстрела рушится на загривок и буквально вбивает его в землю с силой копра, загоняющего в неподатливый суглинок железобетонную сваю...

...Мьюри с проволочным хлыстом словно танцует вокруг своего безоружного противника, высматривает слабости, выгадывает подходящий момент. Вот! И хлыст взлетает снизу вверх. Удар этим оружием непредсказуем и невероятно быстр, уклониться от него невозможно.

...Вот только мальчишка и не пытается уклониться. Он спокойно подставляет руку – и хлыст обвился вокруг нее. Загорелый кулак вдруг сжимается. Неуловимый рывок – и мьюри тупо смотрит то на свою вдруг опустевшую ладонь, то на трепещущую в воздухе рукоять. Ничего больше сделать он не успевает – мальчишка бьет одновременно в пах, под ребра, в горло... противник отлетает, словно кукла... всем телом деревянно падает. И лишь потом с руки мальчишки медленно сползает хлыст, открывая страшную рану...

...Госпожа инструктор лично – в тяжелой боевой броне, боевой шест прочно лежит в руке для одного-единственного, решающего удара. Мальчишка стоит совершенно спокойно. Это уже пятый поединок для него – и седьмой противник. Он устал, должен был устать. И он ранен. Кадет смотрит на госпожу инструктора. Абсолютно невозмутимое лицо.

Его Высочество чувствует страх женщины, как свой собственный, – наплевав на запреты, он потянулся к ее разуму, жадно и нетерпеливо вбирая чужие эмоции – да, так нельзя, но любопытство – сильнее. Его Высочество добрался бы и до мыслей землянина, но не смог. Мальчишка неплохо владеет Силой, когда только успел научиться вещам, обычно недоступным в его возрасте? – но, удивительно, даже не пытается использовать ее в поединке, от которого, быть может, зависит судьба его родного мира!

...Никакого смысла ждать дальше больше нет. Только что неподвижная фигура –

девятьюстами килограммов брони и мускулов – внезапно взрывается в стремительной атаке. Удар снизу в горло – почти смертельный, чтобы заставить противника поверить... и, просто продолжая движение, – шестопером в колено, сбоку. Этот прием не подводил ее еще никогда.

...Госпожа инструктор успевает понять, что происходит нечто странное. Мальчишка опять размазывается, уплывает из поля ее зрения куда-то вбок. Уже понимая, что все кончено, она пытается повернуть шест, но внутри его стальной трубы – тяжелый подвижный цилиндр, умножающий силу удара, он уже ушел в другой конец и не дает повернуть вдруг словно ожившее... нет, уже скорее взбесившееся оружие – какая-то совершенно необъяснимая сила подхватывает госпожу инструктора, несет... несет... несет...

...Сперва она слышит мерзкий хруст, и лишь потом сознание заливают багровой волной боли. Госпожа инструктор уже не управляет своим телом, оно с размаху, плашмя, грохается на бетон, вышибая воздух из груди. Сломанная правая рука словно взрывается белым ослепительным огнем, и госпожа инструктор на целую секунду исчезает из этой реальности.

...Когда она открывает глаза, мальчишка стоит над ней, сжимая в руках ее шест. Он бьет сверху вниз, бьет притупленным трехгранным острием – оно проткнет шлем и череп и войдет глубоко в мозг. Госпожа инструктор издает высокий пронзительный визг – и острие врезается, врезается в бетон перед ее носом, по лицу больно бьют острые осколки, а над плацем еще гуляет постыдное эхо. Мальчишка еще секунду смотрит на всаженный на два дюйма в бетон подрагивающий шест, потом поворачивается и уходит. Просто уходит – и это самое обидное.

* * *

Его Высочество удивлен и растерян. Он не понимает, как такое могло быть, и очень, очень злится из-за этого.

– Ханнар, может быть, я просто дурак. Может быть, я ничего не понимаю. Но – черт побери! – ты знаешь мою сумасшедшую сестру. Я тренируюсь с ней вот уже десять лет и, думаю, кое-чему научился. Так вот: того, что мы видели, просто не может быть. Ты понимаешь это?

– Да, Ваше Высочество.

Его Высочество хмыкнул и надел сандалии.

– Я хочу увидеть этого мальчишку. Сейчас. Немедленно.

– Едва ли это возможно, Ваше Высочество.

Его Высочество насмешливо приподнял бровь.

– Да? Это почему же?

– Он не пойдет к вам, даже если его приглашу я.

Его Высочество широко улыбнулся.

– Только и всего? Ну, тогда я сам пойду к нему, делов-то...

17. Принц хочет знать

Как-то вдруг вокруг Игоря собралась масса людей – его товарищи, Макаров, даже лорд Оксбридж... но раньше всех рядом оказался Цесаревич. Он недоверчиво окинул взглядом вовсе не могучую фигуру мальчишки и покачал головой.

– Жаль, что ты уже дворянин.

– Почему? – Игорь вскинул удивленные глаза.

– За такое дают потомственное дворянство. Сразу. Ты хоть понимаешь, что только что сделал?

– Нет, – Игорь и в самом деле не понимал. Он дрался. Потому что был зол. На... на многое. За многое. Даже за самих мьюри. И все. Что тут такого? Вспомнилось —

Нам славы не надо,
Хрустального блеска не надо...
Пусть светит над нами
Лишь небо – святое, как правда!

Но вслух Игорь ничего не сказал больше, лишь чуть поклонился. Он вдруг захотел спросить, где Лина, но не посмел. А Цесаревич покачал головой.

– Так. Ладно. Разберемся потом. Давай руку.

Игорь бездумно протянул руку – залитую кровью, со свисающими лохмотьями кожи. Здорово он меня, как-то отстраненно подумал мальчишка. Интересно, сколько теперь я не смогу...

Цесаревич сжал его руку своими – у локтя и запястья, не больно, но с пугающей, сокрушительной силой, и мальчишка дернулся, когда ее до самого плеча пробило белое, ледяное пламя. Игорь едва смог уловить оглушающий по мощи всплеск *Силы* ... и недоуменно уставился на руку.

Рана просто... исчезла. Нет, не полностью – от нее остался обвивающий предплечье багровый шрам, но боль словно стерли, и мгновенно высохшая кровь осыпалась с кожи бурой, невесомой трухой.

Мальчишка удивленно захлопал глазами. Нет, он знал, конечно, что Цесаревич славится не только как воин, но и как целитель, но он даже и представить не мог...

– Спасибо, Ваше... – начал он, но Цесаревич прервал его усмешкой.

– Это тебе спасибо, парень. Шрам-то у тебя теперь на всю жизнь останется...

– Это ничего... – Игорь бездумно потер руку, стараясь хоть как-то освоиться со свалившимся на него вдруг... и понял, что свалилось еще не все.

В окружившей их толпе мьюри вдруг возникла суматоха, потом она вдруг отхлынула в стороны – словно овцы от кнута пастуха.

К ним направлялся целый десяток солдат, одетых во все черное – черные куртки-мундиры, черные шаровары, высокие, окованные сталью ботинки, тяжелая черная пластинчатая броня, черные круглые шлемы. В руках они держали черные блестящие винтовки с плоским раструбом на дуле и тяжелым рубчатым стволом, на поясе у каждого висел тесак. Из-за очень светлой кожи и больших зеленых глаз Игорь поначалу принял их за сторков. Но лица у них были совсем другие – едва ли не в полтора раза шире, – а волосы темные, и мальчишка понял, что видит джангри, союзников мьюри.

Во главе отряда шел, очевидно, офицер – без брони, без шлема, одетый точно так же, как солдаты – лишь на стоячем воротнике его мундира были какие-то золотые листья и на плечах погоны со сложным серебряным узором. Слабо блестящие черные волосы, расчесанные волосок к волоску, ровно падали ему на плечи, по-кошачьи зеленые глаза закрывала узкая полоса темного стекла. Светлокожее, высокоскулое лицо казалось совершенно безжизненным. Оружия у офицера не было, кроме кобуры на поясе, на которой лежали его затянутые в перчатки пальцы, но Игорь сразу ощутил, что он опаснее едва ли не всех этих солдат, вместе взятых.

Один из журналистов-мьюри сунулся к нему, целясь камерой в лицо, – офицер даже не повернулся к нему, только поднял ладонь, сжал два пальца и махнул в сторону, словно отгоняя мошку.

Упитанную, едва ли не стокилограммовую тушу журналиста смело, словно ее боднул бык, – она полетела в сторону как пушечное ядро и врезалась в плотную стену коллег, сбив с ног еще нескольких. Кто-то из устоявших кинулся вперед, вереща что-то о свободе прессы и ближайший солдат с явным наслаждением ударил его прикладом в печень. Офицер вновь повел пальцами – и парившие над толпой шары камер вдруг гулко лопнули – все разом! – осыпавшись вниз стеклянным и металлическим мусором. Испуганные журналисты бросились в стороны, как тараканы из-под тапка. Этот джангри владел Силой едва ли не лучше всех людей, которых знал Игорь, – понятно, за исключением Цесаревича, – ну так на

то он и Цесаревич, чтобы уметь больше своих подданных.

Игорь не сразу заметил, что солдаты образуют кольцо, внутри которого идут еще двое джангри – старый и молодой. Старый был похож на черную каменную глыбу – тяжелую, грубо обтесанную, может быть, из-за своего наряда – пышный камзол с тяжелой золотой цепью, кружевной воротник, а сверху еще и расшитый золотом плащ – просто удивительно было, как его до сих пор не хватил тепловой удар. Но ничего общего с уже виденными мальчишкой чиновниками-мьюри – напыщенными, упитанными, шумными, велеречивыми – у джангри, явно стоявшего очень и очень высоко, не было. Лицо у него тоже оказалось грубое, словно у грузчика из здешнего порта, но вот глаза... глаза были как ножи – не злые, нет, но пронзающие насквозь – и Игорь невольно подумал, что не хотел бы вызывать его гнев. Этот человек... то есть джангри, мог быть абсолютно безжалостным в случае чего. Второй...

Вначале Игорь принял его за девушку – длинное черное... платье? – сандалии на босу ногу... но фигура была совсем не девчоночьей, да и черты лица – очень красивого, кстати – не оставляли никаких сомнений. Ярко-зеленые глаза, большие и длинные, высокие скулы, крупный рот говорили о хорошей породе. Тяжелая грива очень густых, черных, металлически блестящих волос небрежно падала на спину, в ней нестерпимо горело серебро диадемы, сплетенной из коротких, тяжелых цепочек. Узкую талию стягивал тяжелый пояс из толстых пластин черного стекла, покрытых сложным светящимся узором, на нем, слева, висела длинная кобура, справа – короткий меч в простых кожаных ножнах. Явно не просто так висел – походка юноши была очень легкой, он небрежно вроде бы поглядывал по сторонам, но Игорь хорошо знал такую манеру – сам был из таких.

Вся эта компания направлялась к нему – быстро так направлялась, собранно и деловито. Мальчишка зло посмотрел на них – чего другого, но вызова на дуэль ради чести союзников-мьюри он хотел сейчас меньше всего.

Не доходя до землян шагов десяти, солдаты развернулись полукругом – оружие они держали у груди, но Игорь не сомневался, что стрелять они, случись что, начнут уже через мгновение. Центральная парочка продолжала идти к нему. Земляне расступились перед ней – Игорь не поверил своим глазам: чтобы русские и англосаксы вот так просто расступились? – и юноша остановился всего шагах в трех, разглядывая его с чистым, незамутненным любопытством – из-за его широко расставленных глаз казалось, что с двух сторон сразу. Интересно, подумал мальчишка, кто бы это...

– Перед вами, – хорошо поставленным глубоким голосом провозгласил пожилой джангри, – Аннит Охэйо анта Хилайя, Принц-Наследник Империи Джангра, Господин и Повелитель... – он явно собирался продолжать в том же роде, но «Господин и Повелитель» коротко взглянул на него – и придворный моментально замолк с легким неудовольствием. Игорю понадобилось огромное усилие, чтобы удержать себя в рамках и оставить лицо бесстрастным – это что, была его «яхта» размером с линкор?! Ну да! Ничего себе жирный восточный царек... Ничего общего с тем, каким представлял себе мальчишка принца Джангра. Этот скорее напоминал многих земных дворян века XVI – XVIII от Рождества Христова – избалованных, капризных, временами бездельно-ленивых, но могущих быть безоглядно смелыми, беспредельно верными, беспощадно-жестокими и безрассудно решительными...

– Для некоторых – просто Аннит, – между тем принц спокойно кивнул Цесаревичу, как старому знакомому.

– Чем обязаны, *сударь*? – Голос Цесаревича был холоден как лед.

Вместо ответа Охэйо повернулся к Игорю и выхватил из кожаных ножен меч. Короткий, но устрашающий даже на вид. Полная противоположность той шпаге, что обычно носят дворяне Земли «при параде». Эта жуткая штукавина походила скорее на тесак мясника. Рукоять тоже обшита старой кожей, потемневшей от пота, – видно, что с оружием упражнялись часто и подолгу. Кроме режущего края, все лезвие такое же темное, как рукоять, но уж сам-то край... Он выглядел *очень* чистым, *очень* ярким и *очень* острым – руку тебе отсечет, и не заметишь сначала... Из такой стали, что гранит разобьет в брызги и не

затупится. И хозяин вполне ей соответствовал. Была в нем какая-то страшноватая грация – стоит вроде бы лентяй из лентяев, но вот двинулся – и уже держит в руках меч, глаз не успевает уследить. Таких типажей Игорь еще не встречал – дворяне Земли были собраны всегда, если... если только не притворялись зачем-то.

Перехватив рукоять двумя руками, Охэйо вскинул меч клинком вверх и слегка склонил голову – Игорь узнал военный салют джангри, отданный ему – как равному! – с хорошей армейской четкостью. Такого он никак не ожидал – да и никто не ожидал, похоже. По рядам мьюри пронесся глухой ропот – такого привета от союзника они одобрить не могли, но возмущаться вслух все же не стали.

Игорь подумал, что за таким салютом вполне мог последовать и вызов на дуэль, более того – это было бы почти естественно... но Охэйо мгновенно убрал оружие и принялся вновь откровенно разглядывать мальчишку. Глаза у него были внимательные и довольно-таки наглые.

– С кем имею честь? – наконец спросил он.

– Игорь сын Викторов Сурядовых рода, русский дворянин, – глядя прямо на него, представился мальчишка и шелкнул каблуками, уронив и мгновенно вскинув голову. – Я весь внимание: что вам от меня нужно, сударь?

Охэйо улыбнулся, обнажив белые, очень ровные зубы – зубы молодого хищника.

– Я хочу увидеть чудо. Я не бог весть какой специалист в таких делах, но одержать столько побед над такими противниками, да еще подряд и в твоём возрасте – невозможно. Ну, я так думал до сих пор. И я – да, я хочу знать, как невозможное стало возможным.

– Прямо здесь? – вырвалось у Игоря. Сейчас ему больше всего хотелось в душ, потом поесть и спать.

– Гм. – Охэйо с сомнением посмотрел на него. – Пожалуй, нет. Вот что: я приглашаю тебя в Малау – это наше посольство... – Он вновь внимательно посмотрел на мальчишку – вероятно, чтобы оценить, как быстро он оправится. – Сегодня вечером. – Цесаревич нахмурился. Охэйо перевел взгляд на него и спокойно добавил: – Приглашены все присутствующие, разумеется. Я думаю, нам найдется, о чем поговорить. Итак, друзья мои?

Игорь ждал, что ответит Цесаревич, но тот молчал. Мальчишка догадался, что раз приглашение сделано ему, то ему и отвечать. Но...

Воспоминания о «гостеприимстве» мьюри были еще слишком свежи, а джангри не слишком от них отличались. С другой стороны, они здесь не просто так – они здесь, чтобы найти новых друзей, а ему вполне откровенно предлагали дружбу. Насколько искренней она окажется – Игорь не знал.

Он вновь с сомнением посмотрел на принца, разглядывая его уже внимательней. Охэйо был одет в... нет, на платье это все-таки не походило – из тускло блестящей черной ткани, расшитой серебряным фрактальным узором. Одевание это имело множество карманов – и в каждом из них, похоже, что-то лежало. Сандалеты у принца были самые обычные, с мягкими ремешками из черной кожи, на запястьях и лодыжках – тяжелые браслеты из того же черного стекла со сложными светящимися узорами. Украшения аховые – редкий здешний извращенец нацепит такие, да и не нравилась Игорю здешняя мужская мода таскать всякие побрякушки, но только *украшениями* эти штуки не были. Воздух вокруг принца мерцал и струился – судя по всему, проецируемый ими силовой щит легко отразил бы огонь тяжелого армейского бластера. Левая лодыжка Охэйо была оцарапана, ногти на ногах подрезаны неровно – явно лично рукой Его Высочества. Короче говоря, если не брать его бижутерию (Игорь нарочно так обозвал все это), выглядел он вполне нормально, почти как старший лицеист где-нибудь на отдыхе – и Игорь, подумав, ответил «да». Охэйо спокойно кивнул – и вся компания джангри спокойно удалилась, без труда прокладывая путь через шумящую толпу мьюри.

– Этот принц – он вообще кто? – несколько запоздало спросил Игорь, сообразив только теперь, что его «да» прозвучало не менее нагло, чем предложение джангри – рядом стояли главы обеих делегаций и молчали! Впрочем, взрослые вокруг улыбались...

– Аннит Охэйо анта Хилайа, принц-наместник Империи Джангра – он же Полукровка, он же Бледнолицый, он же Лунная Моль. Возраст 22 года, рост 182 сантиметра, вес 80 килограммов, – скучным тоном сказал подполковник Алябьев. – Мать – Аюття Охэйо анта Хилайа, 44 года, вдовствующая Императрица, отец – Император Иннир IX – погиб при нападении нанятых сторками террористов. Старшая сестра Лэйит Охэйо анта Хилайа, 26 лет, жена – Иннка Келлихаанс, 20 лет. Любит вкусно поесть и поспать. Прекрасно разбирается в побуждениях людей, имеет отличные актерские способности. Опубликовал несколько очень интересных статей по математике; их у нас переводили, и половина научного мира заявила, что это просто бред дилетанта, а вторая бросилась собирать средства, чтобы выкрасть автора и доставить на Землю... Внимателен, очень любопытен, обожает мечтать. Скрытен. Вы удовлетворены, сударь?

– Откуда вы все это знаете? – спросил Игорь оторопело.

Подполковник усмехнулся.

– Служба у меня такая, парень.

* * *

Уже вечером, когда Игорь отдыхал в своей комнате, к нему зашел Макаров. Игорь вскочил с постели и вытянулся, но полковник небрежно махнул рукой.

– Сиди... герой. Задал ты нам работы, нечего сказать. Вся планета гудит, как развороченный улей. Один дипломатический скандал мы уже имеем, другие не за горами – едва ли не все участники Ярмарки вдруг очень заинтересовались землянами, а нашим дорогим хозяевам, сам понимаешь, все это – поперек глотки. У них, впрочем, тоже не все ровно – такие споры идут, что телевизоры лопаются. Кое-кто требует нас выслать, а кое-кто ставит нас в пример местным остополам. И эти кое-кто – не «простые люди», как они говорят, даже очень не простые... Вот так-то, парень.

Игорь вздохнул. Внезапно свалившаяся известность совсем его не радовала.

– Андрей Данилович, как мне себя вести с этим принцем? – прямо спросил он. – У него явно не все дома, по глазам видно – он как из поздних Средних веков, когда тормозов у дворян в голове не было, – что вижу и понравилось, то и хватаю... Нет, я не боюсь его, конечно, но мало ли что...

– На твою честь он посягать не будет, – полковник усмехнулся. – Но характер у него... Знаешь, десять лет назад – ему тогда всего двенадцать было – его здесь, на Йэнно Мьюри, похитили – как Андрея. Извращенцу одному, триллионеру, принца трахнуть захотелось. Он-то, правда, не успел, но издевались над мальчишкой сильно, хотели, чтобы сам к «хозяину» приполз... Вся планета стояла на ушах, через три дня его вытащили. Участников похищения – всех, кого полиция местная, а кого и Тайная Стража Джангра выследила. Кого-то казнили по суду, кого-то – и без, а заказчика джангри сами похитили, увезли к себе и скормили бурым муравьям – такая у них казнь за покушение на августейшие особы... Короче, с тех пор принц всякую сластолюбивую мразь не любит страшно. До чего додумался – организовал здесь целую гангстерскую сеть, которая похищает особо известных развратников – «модных» писателей, визажистов, журналистов, фотографов, падких до несовершеннолетней «обнаженной натуры» – и преспокойно продает в рабство сторкам, а те мьюри ну очень не любят и отыгрываются на купленных так, что чертям в аду тошно. Вот так вот... Ладно. Вот карта памяти, – полковник протянул Игорю небольшой прямоугольник. – Тут все, что нам удалось собрать о Джангре. Изучай – а как себя вести, решай сам. Не маленький уже...

В эту секунду Игорь понял, что он теперь – просто-напросто живец. Уже насаженный на крючок, причем насадившийся добровольно и с восторгом.

Мысль привела его в восхищение. Он перевернулся на живот, схватил коммуникатор и начал вызывать Лину, чтобы спросить, почему она сегодня не подошла, видела ли его победу и гордится ли им?!

18. Странные гости странного принца

Игорь уже видел немало здешних «аналитических» передач – в лучшем случае там не было ничего интересного, в худшем – все участники их казались ему просто помешанными. Но в этот раз все оказалось иначе, недаром у большого проектора собрались почти все лицеисты. Гостем программы был ни много ни мало сам президент корпорации «Минералик» Оттин Неймур – здоровенный, с грубым лицом мужик в чем-то вроде пурпурной тоги – да и ведущий не слишком походил на тех придурков, которые с пеной у рта «расследовали», какого цвета трусы носит очередная местная поп-дива и носит ли вообще. Темой – уже как обычно – стала Русская Империя, однако на сей раз не было ни уничижительных рассуждений на тему «чего еще нет у этих дикарей», ни истерических поисков грязи, скрытых под «объективным взглядом на Землю».

– Мы привыкли считать наше общество наиболее прагматичным и лучше всего приспособленным к многочисленным и различным вызовам жизни, – начал Неймур. – Так вот: основательно познакомившись с землянами, я хочу сказать, что это не так. Более того, я намерен доказать, что земное общество намного эффективнее нашего. Достаточно сравнить темпы нашего развития: земляне вышли в Большой Космос меньше двух с половиной веков назад – смешной срок для нашей цивилизации, которая совершила тот же прорыв тому уже как полторы тысячи лет. Но владения двух земных Империй – Русской и Англо-Саксонской – вместе взятые, равны двум третям территории Федерации. Согласитесь, это впечатляет.

– Но всем известно, что земляне строго тоталитарны, – возразил ведущий. – Многие их обычаи просто неприемлемы в цивилизованном обществе. Например...

– Чушь! – оборвал Неймур. – Давайте определимся, что для нас на самом деле важно. Рост курса акций? Нет. Наше личное благополучие? Тоже нет! Единственное, что имеет значение, – это благополучие и развитие нашей цивилизации. На фоне этой цели все, абсолютно все – вторично, низшего порядка. Да и потом, где вы нашли у землян «тоталитаризм»? Да, они жесточайше борются со всеми проявлениями преступности, разврата, моральной деградации – но разве то же самое не должны делать и мы? Миллиард мьюри – и это только здесь, в метрополии! – потребляет различного рода наркотики. У землян же наркоманов просто нет. Полтора миллиарда мьюри стали рабами виртуальной реальности – и их количество растет в геометрической прогрессии, все корпорации жалуются на всевозрастающую нехватку рабочих и даже квалифицированных специалистов, – землянам же наша главная проблема просто непонятна, они даже представить не в силах, зачем человек может бежать от реальности, что ему страшно и неинтересно в ней жить. Просто не в силах представить! Преступность стала нашим злейшим бичом, никто, выйдя на улицу, не может быть уверен, что вернется в дом живым. У землян нет и этой проблемы! Они решили ее – у них практически нет преступников! Мы же ежегодно тратим триллионы кредитов на безопасность нашей жизни и собственности – преступность и борьба с нею давно слились в единое, неразделимое целое и превратились в бизнес. Давайте спросим себя: на что тратятся драгоценные ресурсы нашего общества, какова его цель? Никто не даст вам ответа. Можно ли считать целью удовлетворение все более безумных прихотей? Бесконечное расширение ареала нашей торговли, производства и потребления? Ведь материальные потребности бесконечны, а ресурсы – вовсе нет, я говорю вам это как человек, который сделал состояние на их добыче.

– А разве у землян есть какая-то другая цель? – поинтересовался ведущий. – Они тоже заняты расширением своих Империй, добывают ресурсы и так далее.

– Хотите узнать, в чем разница? Земляне вкладывают все ресурсы в развитие, оно у них идет по третьей производной – с постоянным ускорением ускорения. Они вкладывают ресурсы в развитие каждой личности – Ярмарка дала нам впечатляющие результаты такого подхода. Черт побери, да со взводом землян я не побоялся бы выйти и против полка наших трусливых идиотов!

– Но Земля – это не более чем муравейник, – покачал головой ведущий. – Интересы всех ее жителей подчинены интересам государства, они все – не более чем винтики.

– Бред! – возразил Неймур. – Я лично общался более чем с сотней землян, в том числе и в неформальной обстановке. Никто из них не жаловался на то, что им скучно жить, что им запрещают чем-то заниматься.

– Но вы же не станете отрицать, что на Земле грубейшим образом попираются права человека...

– Какие «права»? «Права» предаваться извращениям, насилию, разрушать себя тем или другим способом? Мы всегда гордились тем, что были прагматичным обществом. Давайте спросим себя – а какова же польза от всех этих «свобод»? Никакой пользы, кроме вреда! Никакой! Пользу от таких «свобод» имеют только производители наркотиков и содержатели борделей, больше никто! Шестьдесят процентов нашего национального дохода тратится на развлечения – это деньги, спущенные в унитаз. Мы грабим сами себя, грабим свое будущее и будущее наших детей. Каждый мьюри потребляет в сотни раз больше ресурсов, чем нужно ему для нормальной, здоровой жизни. Сотни планет были разграблены и превращены в пустыню – во имя чего?

– Но добычей ресурсов занимается и ваша компания... – напомнил ведущий.

– Да, мы занимаемся добычей ресурсов, – подтвердил Неймур. – Но мы снабжаем реальный сектор производства, о котором почти все забыли, но без которого никому нельзя жить. Давайте по-новому взглянем на наше корпоративное общество. Мы привыкли считать, что корпорации – это символ свободы предпринимательства, что их конкуренция – это залог прогресса. А что на самом деле? Никакой «свободы предпринимательства» в нашем обществе давно уже не осталось – любого независимого предпринимателя или заставят принять «покровительство» одной из корпораций, или просто раздавят, примеров несть числа. Прогресс? «Афматара» и ее спутники превратились в паразитов, в язву на теле нашего общества, хуже того – они превратились в злейших врагов нашего народа. Семьдесят миллионов умерших от наркомании за прошлый год! Пятнадцать миллионов, умерших в креслах виртуальной реальности! Наш народ вымирает, наша внешняя мощь – не более чем иллюзия. У нас нет настоящих союзников – все «союзные» нам расы или куплены, или запуганы, или приведены к покорности силой. Все наши соседи ненавидят нас. А наши компании продают им оружие, только чтобы нажиться! Зачем мы вооружаем тех же джаго, – которые, как известно, массово скупают наших же детей для своих омерзительных, противоестественных утех? Никто не думает о том, что стоит нашему могуществу рухнуть – и нам на голову свалятся орды стервятников, мародеров и просто злобных фанатиков, мечтающих стереть самую память о нашей расе! Да, мы гордимся своей военной мощью – но кто сомневается, что аниу раздавят нас, как червяков, приди им в голову такая мысль? А ведь они – плоть от нашей плоти, кровь от нашей крови. Посмотрите, как многого они достигли за эти пятьсот лет! Мне смешны идиоты, уверяющие, что наше общество есть идеал развития, что ничего лучшего создать уже невозможно. Глупцы! Если мерить счастье не количеством купленных товаров, а тем, интересно ли нам жить, кто из соседей не окажется впереди нас? Те же земляне – да, они сильно отстали от нас в технике, но они преодолеют эту пропасть и пойдут дальше – у них нет страха за свое будущее, они не тратят всех сил на борьбу друг с другом! А ведь наше «мирное» соперничество не просто бессмысленно – оно еще и смертельно опасно. Все новости полны сообщениями о войне корпораций – диверсии, саботаж, взрывы, похищения и убийства ведущих сотрудников, пиратство, уничтожение целых баз – нет ни одного средства, которым наши воротилы погнушались бы! Достаточно вспомнить прошлогоднюю историю с нановирусом «Черный лотос», который был применен «Амфатарой» на наших приисках, – тогда погибло пятьдесят тысяч мьюри. Если бы этот вирус применили здесь, в метрополии, погибли бы миллиарды – и кто даст нам гарантию, что этого не случится? Каждая из корпораций содержит военный флот, у каждой есть оружие массового поражения – и где гарантии, что грызня не перейдет во всеобщую бойню? Где гарантия, что истребительное оружие не попадет в руки сумасшедших – да и уже попадает!

Всего два года назад наш Хрустальный каскад, гордость нашей планеты, был уничтожен взрывом ядерной бомбы – полмиллиона погибших, ни организаторов, ни исполнителей так и не нашли... но виноваты не только они, виноваты те, кто превратил Хрустальный каскад в гнездо сверхдорогих отелей, приюта для особо обеспеченных извращенцев. Гнев рождает ненависть – это было известно задолго до расцвета наук. И в результате на месте наших знаменитейших хрустальных скал появился отвратительный кратер – кто возместит нам этот ущерб?

– Но что же вы предлагаете? – спросил ведущий. – Ведь не можем же мы уподобиться землянам, общество которых было создано крайне специфическим образом – стечением обстоятельств, я бы сказал...

– Не только можем, но и должны! – возразил Неймур. – Это наш единственный шанс избежать деградации, падения в пропасть, из которой нам уже не подняться. Наш народ замечательно красив, он одарен намного больше многих других народов – но посмотрите на умственное и физическое развитие большинства современных подростков и тех, кто жил хотя бы пятьдесят лет назад! Очевидная деградация налицо. Без объединения всей нации, без единой власти нам никогда не решить эту проблему.

– Неужели вы предлагаете вернуться ко временам Империи? – спросил ведущий.

– Именно! Именно Империя, а не корпорации подняла нас к звездам – о чем сейчас слишком многие стараются забыть.

– Но наследственная власть – это рулетка, никто не скажет заранее, окажется ли новый Император гением или дураком.

– А гении среди Императоров не обязательны – достаточно, если ему хватит такта и ума подобрать гениев в правительство, – сказал Неймур. – Дураком же человек со здоровой наследственностью, да еще и получивший всестороннее образование просто не может быть.

– Но евгеника преступна, – начал ведущий. – Вмешательство в генетический код...

– ...осуществляется сплошь и рядом, – перебил Неймур. – Что для вас важнее, в конце концов – «права» плазмы или нормальные, здоровые дети? Этот вопрос смешно даже обсуждать.

– Но земляне тормозят технический прогресс, – нашелся ведущий. – Многие совершенно обычные у нас технологии у них запрещены. Взять хотя бы производство андроидов...

– Надеюсь, вам знакома статистика убийств, ежегодно совершаемых андроидами, – желчно заметил Неймур. – Сейчас почти кто угодно может купить анроида. За совершенно смешные деньги его программу взломают и заставят его убить почти любого, кого хочется – причем доказать факт причастности владельца анроида к убийству почти невозможно, как и отследить сам источник взлома. Уничтожить анроида сразу после преступления – это пара пустяков. Достаточно одного фунта экразита... Таким образом, любой, у кого есть деньги – или хотя бы минимальное количество мозгов – способен совершить фактически безнаказанное убийство. Напомнить вам, насколько выросло число таких убийств за последние годы? А ведь это – просто мелочи по сравнению с действительно серьезными проблемами. Излишняя забота об автоматизации сплошь и рядом приводит к тому, что устройства из самодействующих становятся самовольными. Моя корпорация несет колоссальные убытки от «диких» добывающих дронов, которые отказываются подчиняться приказам и даже разбирают на запчасти наше оборудование – с ними приходится вести настоящую войну, в которой машины имеют все преимущества, – а ведь у них при этом даже нет настоящего интеллекта! Если же мы заглянем дальше, в Верхний Край, то найдем там множество примеров гибельности такой политики – тысячи рас, или вымерших после того, как они переложили все заботы на автоматику, или прямо истребленных своими созданиями. Взять тех же Богомолов – беспощадное истребление всего живого, нечеловеческая жестокость, доходящая до превращения живых людей в объекты садистских инсталляций, – вот истинное лицо «добрых киборгов». А наше правительство упорно продвигает проект роботизации армии – ведь «наши несчастные мальчики не должны погибать в боях»! Я даже

не говорю о том, что мьюри, не способный рискнуть жизнью за то, что ему дорого, – это не мьюри, а слизняк, и наши предки это хорошо знали. Я не говорю о том, что эта армия может выйти из-под контроля – и вместо войны с врагом нас будет ждать нечто неизмеримо худшее: война с машинами. Я спрашиваю: в чьих руках окажется управление этой нерассуждающей мощью? Не станет ли такая армия оплотом диктатуры, по сравнению с которой ужасы прошлого покажутся детскими сказками? Наше желание доверить все заботы машинам ужасно – мы забываем, что уничтожаем этим самих себя. И это лишь один пример угроз, которые несет нам «прогресс»! Достаточно вспомнить, чем закончилась многолетняя истерия с развитием нанотехнологий – появлением нанопаразитов и наноболезней, на которых наши медицинские корпорации теперь делают миллиарды. Наша безумная погоня за новыми технологиями сплошь и рядом приводит к тому, что в продажу поступают машины, принцип работы которых никому не понятен, а побочный эффект зачастую чудовищен. Голографические экраны, способные убить любого, кто к ним прикоснется, электрическим разрядом! «Безопасные» силовые поля, вызывающие распад живых клеток! Высокоемкие батареи, которые при любой поломке взрываются с мощностью плазменных гранат! Любой мало-мальски сложный аппарат способен преподнести неосторожному покупателю смертельный сюрприз – у землян нет такой проблемы! И речь идет об обычной для нас бытовой технике! Если же посмотреть на то, что творится в лабораториях корпораций, то становится непонятно, как еще существует наша несчастная планета. Знаменитый проект «Найраваны» по созданию телепортационной установки закончился взрывом, истребившим все живое в радиусе многих миль – причем ни его причина, ни даже природа до сих пор не установлены. Ее же проект по созданию сверхмощного генератора энергии на основе черных дыр привел к тому, что в небытие исчезла вся опытная станция – а проводился эксперимент на поверхности, исчезла бы вся наша планета. Боязнь отстать от конкурентов сплошь и рядом приводит к тому, что фундаментальные силы мироздания становятся предметом безответственных игр корпоративных «ученых»-недоучек, которых интересует только извлечение прибыли. Любой, кто изучал историю рас Верхнего Края, легко сможет сказать, чем обычно кончаются такие игры. Вправе ли мы осуждать землян за то, что они тщательно просчитывают последствия каждого шага в научно-технической области, и потому у них почти нет технологических катастроф и жертв сумасшедших экспериментов, совершенных единственно во имя «престижа»? Мы должны остановить эту безумную гонку, пока не стало слишком поздно. Это уже не вопрос нашей внутренней политики. Это насущный вопрос выживания.

В комнате повисла тишина – какое-то время молчали все, кто смотрел на экран.

– Знаете, ребята, – наконец озвучил общее мнение Яромир. – Похоже, что мы видели будущего Императора. И я, пожалуй, хотел бы оказаться здесь, когда он будет становиться им. Это будет самое интересное место на много десятков парсек вокруг.

Начался общий разговор – оживленный, пока еще не деловой. Игорь потянулся незаметно, тихо встал и выскользнул за дверь.

Надо было заняться делом.

* * *

Вставив «память» в комбрас, Игорь растянулся на постели, один за другим изучая подобранные Макаровым ролики. К его удивлению, история Джангра оказалась похожей на земную – хотя он и не пережил разрушительной ядерной войны, на планете до сих пор сохранялись различные государства. Впрочем, правда, эпоха острого противостояния между ними давно ушла в прошлое.

Самый большой материк Джангра, Арк, занимала, естественно, Империя Джангра, созданная Ультра, то есть Ультралевым Монархическим Движением. Все знали, чье это было движение: народа ойрин, населявшего две восточные трети Арка, отделенные Становыми Горами (Игоря повеселило, что именно так на русский язык переводилось название этого

хребта – на Земле тоже был Становой Хребет) – страну бесконечных болот, поросших тайгой сопок, тундры и великих рек. Там же находились, правда, величайшие на планете запасы угля, нефти и других полезных ископаемых. Именно они позволили диким когда-то ойрин обрести могущество. Теперь это была страна гигантских электростанций, заводов и новых городов, сильно напоминавшая «индустриально развитые страны» Земли до ядерной войны.

Ойрин были полны решимости ни много ни мало сделать свою Империю самой могучей в Галактике и уже сильно продвинулись по этому пути: очень многие молодые мьюри улетали на Джангр, привлеченные как деньгами, так и возможностью стать чем-то большим, чем у себя дома.

К западу от Становых гор лежали страны более старые и давно обжитые. Ойрин покорили и объединили их в ходе целого ряда различных по силе и жестокости войн. Последней из них стала Великая Освободительная Война с Объединенными Штатами Джаны. В начале ее джан захватили почти всю планету, потом ойрин разбили и изгнали их, навсегда положив конец войнам.

Игорь сразу заподозрил, впрочем, что причиной этого была не военная доблесть ойрин, народа, как он понял, в ту пору жизнелюбивого и вовсе не склонного к фанатизму, а тогдашний режим Джаны, при котором – тоже что-то знакомое – безудержная погоня за прибылью и сомнительные опыты на детях вовсе не считались чем-то особенным. Подобные «культуры», как бы они ни кичились своим «уровнем развития», почти мгновенно терпят поражение, встретившись в открытом бою с мало-мальски серьезным сопротивлением.

Целый ряд захваченных Джаной стран встретил Ультра как освободителей, забыв о созданном пропагандой образе «диких орд ойрин». Когда Народная Революция (лишь финал бесконечной и кровавой партизанской войны ойрин с Джаной) смела либерально-демократический режим на их родном континенте, ойрин живо добились его и на других – как добились и многое другое, отчего жизнь большинства обитателей планеты улучшилась, надо сказать, самым радикальным образом, как почти всегда бывает при конце «демократических обществ».

Полуфеодальный режим Империи поразительным образом уживался с идеями всеобщего равенства, а точнее – равноправия²¹. Притом он оказался очень и очень устойчивым – может быть, благодаря одной из самых эффективных из известных в истории систем правления, а именно тому, что на Земле называлось «просвещенным абсолютизмом». Но зато в истории Земли была лишь одна аналогия тому, что именно императорский дом Хилайя возглавил Народную Революцию – как единственное спасение от окончательного вырождения народа и гибели цивилизации. Нечто подобное произошло в Японии XIX века. И лишь благодаря Ультра уже восьмое поколение граждан Империи жило практически при коммунизме.

Во главе государства стояла Ее Императорское Величество, вдовствующая Императрица Иннира XI, но этот факт никого не удивлял. Мало кто сомневался, что правление сей благородной дамы было благословением Божиим для всех народов Империи. Даже те, кто выступал за более демократический строй, сразу же оговаривались, что не имеют ничего против сей августейшей особы – за оскорбление величества в Империи, по старой традиции, неизбежно и флегматично секли розгами.

Впрочем, у Ультра хватало других, куда более серьезных врагов. К северо-западу от Арка лежала гористая и холодная Джана – сразу и материк и держава. Не столь большая и густонаселенная, она к тому же гораздо сильнее пострадала от засилья «демократии», от которого освободилась лишь благодаря ойрин. Джана до сих пор отставала от Империи технически – зато ее амбиции были гораздо больше, и она старалась соперничать с Империей в любой области.

²¹ Если вдуматься по-настоящему, то между равенством и равноправием разница такая же, как между беспорядком и порядком.

По мнению Игоря, это не предвещало джан ничего хорошего. Современные ойрин слыли народом достаточно суровым и не склонным бросать слова попусту – в каждом их ролике мальчишка мог видеть треугольные космические крейсеры, огромные орудия морских платформ, громадные, как городской квартал, парящие крепости, боевые шагатели и прочие достижения имперской мысли. По сравнению с ними даже целые стада излюбленных джан – тут они были похожи на землян – самолетов смотрелись почему-то весьма бледно. Именно ойрин начали Народную Революцию и не устали обвинять джан в краже и извращении своих любимых идей. Те же, в свою очередь, уличали ойрин в сохранении «феодалных пережитков» в обществе, но именно благодаря им те пользовались такой популярностью в мире, в то время как напористые и предприимчивые джан не знали равных лишь в производстве всякой завлекательной дребедени – от фильмов до конфет.

Так же к западу, только южнее и уже вблизи берегов Арка, лежал небольшой, но весьма благополучный континент Левант, где сохранились прежние – буржуазные – порядки. В военном или экономическом отношении он не мог конкурировать с двумя гигантами, но, будучи формально нейтральным, извлекал все возможные выгоды из торговли и с теми и с другими, так что жизнь там выглядела вполне привлекательно. Игорь, правда, не мог понять, почему две великие державы еще не взяли к ногтю этот последний заповедник капитализма.

А на юге, далеко за экватором, лежала Ламайя – жаркая, перенаселенная арена вечной борьбы трех северных континентов и основной источник их головной боли. Основную ее территорию сейчас контролировала Империя, но это было явно не самое полезное ее приобретение. Большая часть тамошних народов славилась фанатизмом, злобой, упертой тупостью и другими милыми качествами, а разобраться с ними окончательно, имея в союзниках таких поборников терпимости и демократии, как Федерация Йэнно Мьюри, – формально сильнейшая держава Местной Зоны – ойрин, к сожалению, не могли. Фактически сохранить свою независимость им удалось лишь благодаря заключению грабительских концессий – как с самими мьюри, так и с аниу, и те хозяйничали в их системе как хотели. Сил выгнать незваных пришельцев у Джангра не было, именно поэтому он старался установить связь со всеми расами, до которых только мог добраться, и по крупницам собирал инопланетные технологии, дополняя их еще и своими.

Его цивилизация была даже несколько моложе земной – он находился на другой стороне зоны Великого Сброса, и земляне не обнаружили Джангра лишь потому, что он скрывался за территорией уже два с половиной века враждебной им Империи Джаго. Джаго первыми же и наткнулись на него, когда обычно инертная масса Медленной Зоны внезапно отхлынула к центру Галактики, открыв Нижнему Краю невиданное доселе множество миров.

Джангр спасло, как ни странно, противостояние двух его крупнейших держав – каждая из них имела армию в несколько миллионов солдат, вооруженных автоматическим огнестрельным оружием, а Джангр, например, мог присовокупить к ним 2160 70-тонных танков «Хин» с шестидюймовыми орудиями и 4100 ЗРК «Маэт». Эти ракеты запускались с четырехосных колесных платформ и несли как обычные, так и ядерные боеголовки, так что первая же попытка джаго захватить новый мир обошлась им очень дорого. К тому же ядерный арсенал ойрин впечатлял: 7,5 тысяч стратегических и 15 тысяч тактических зарядов – и после первого же вторжения джаго Император предупредил их, что при новой попытке оккупации ойрин попросту взорвут всю планету вместе с собой к местному аналогу чертей – не нам, так и никому. Джаго поначалу не поверили, но после того, как ойрин восемью 100-мегатонными зарядами взорвали крупнейшее в Ламайя месторождение бериллия, задумались – им нужен был живой мир с ресурсами, а не вывернутая наизнанку радиоактивная пустыня.

Полученную отсрочку джангри использовали сполна – они оперативно уладили внутренние разногласия и взялись за создание систем единых планетарных ПКО, так что когда джаго решились-таки на вторжение, ойрин уже запустили 480 трехсоттонных орбитальных оборонительных платформ, несущих 9600 рентгеновских лазеров с ядерной накачкой, и устроили джаго форменную бойню, масштабы которой не могли не порадовать Игоря – истинного землянина.

В конце концов джаго раздавили бы непокорную планету, просто смяв защитников количеством, но Джангр заключил союз с Йэнно Мьюри, а потом и с аниу. Искусно играя на противоречиях двух империй, джангри создали новую систему ПКО – сотню огромных плавучих океанских платформ, способных погружаться на километровую глубину и несущих по четыре сверхтяжелых лучевых орудия.

Космофлот у ойрин теперь был довольно большой, по меркам однопланетной цивилизации – 33 линкора, каждый из которых нес по 112 тяжелых ракет и 342 артиллерийских крейсера – дюжина их сопровождала яхту Принца-Наследника и сейчас ожидала ее на орбите. Эти треугольные корабли массой по 180 тысяч тонн и длиной больше трехсот метров несли по паре 1380-миллиметровых рельсовых орудий, стрелявших двадцатитонными снарядами, а также 25 гигаджоулевых лучевых орудий и 40 магазинных ПУ для 45-килограммовых самонаводящихся перехватчиков – они не имели боевого заряда и, разгоняясь до шести километров в секунду на химическом топливе, просто таранили цель, как старинные кинетические снаряды Земли – «ядра» – или более поздние высокоскоростные зенитные ракеты. Защищали крейсера тераджоулевой емкости силовые щиты и 75-сантиметровая композитная броня – неплохие корабли даже по земным меркам, но по сравнению с армадами Йэнно Мьюри это было все равно что ничего, так что самым мощным оружием джангри по-прежнему была угроза уничтожить свой мир, и Игорь вполне мог представить, чего стоило пойти на нее. Нечто подобное готовились сделать со своей планетой в конце Галактической войны сторки – тогда только великодушные землян помешало погибнуть Сторкаду. Так или иначе, но джангри начали определенно нравиться мальчишке. Они находились еще только в начале большого пути, и уж во всяком случае у них не было такого дикого разгула преступности и гедонистических извращений, как у мьюри.

Вообще-то ойрин весьма терпимо относились к преступлениям против собственности – если вор соглашался своим трудом возместить нанесенный ущерб. Насильникам и убийцам же не стоило ждать от них снисхождения – наказанием за это служила не тюрьма, а пытки и смертная казнь разных степеней, да и сыскная полиция в Империи работала преотлично.

Узнав об этом, Игорь усмехнулся. В Русской Империи не было государственной полиции как таковой. Никто вообще не «следил за порядком» в привычном смысле этого слова. Закон соблюдали скорее потому, что он стал традицией, настолько древней, что она фактически стала нормой жизни. Ее нарушали очень редко – да и смысла в том не было. То есть украсть или обмануть при желании было можно – только зачем, если доброе имя теперь стоило дороже любых вещей? На фронтире, конечно, полицейские были, но их выбирали сами местные жители и они скорее являлись организаторами защиты населенных пунктов от враждебно настроенных туземцев, да еще командирами местных ополчений...

...Погасив экран, Игорь подтянул колени к животу и, одним рывком выпрямившись, вскочил. Несколько секунд мальчишка сладко, до дрожи, потягивался, балансируя на пальцах босых ног, потом встряхнул головой и подошел к окну-экрану, занимавшему всю стену спальни.

Солнце уже садилось. Пора было лететь. Игорь оделся и вышел в коридор. Подумав только о том, что надо было набраться наглости и попросить, чтобы разрешили взять с собой Лину. Если бы она согласилась. Но ведь согласилась же она встретиться, «когда тебе, Игорь, будет угодно...»

* * *

Малау стояла почти рядом с резиденцией землян – в том же районе, всего в паре километров от нее. Над окружавшей ее металлической стеной торчали восемь тонких башен, увенчанных многогранниками лазерных пушек – первое и последнее предупреждение всем незванным гостям.

Игорь вздохнул. Ему не так уж и хотелось на этот прием – правду говоря, он уже начал

уставать от назойливого любопытства, но тут уж ничего не поделаешь – назвался груздем, полезай в кузов. Друзей слишком много не бывает, а кто тут друг, кто враг – никто, кроме него самого, не выяснит. Это – тоже война и не слишком далекая от той, что ведется пушками и ракетами.

На стальных стенах Малау квадратами горел яркий, резкий синий свет проекционных матриц, и всю территорию посольства накрывал купол силового поля. После похищения единственного сына Ее Величество помешалась на безопасности, но Игорь не стал бы ее осуждать – он уже знал здешнюю поговорку, что выживают только параноики, дико звучащую на Земле, но совершенно понятную и уместную здесь, на Йэнно Мьюри.

Джангри открыли им силовое поле, и земные челноки опустились за стеной, на просторной, мощенной шестигранниками шершавого камня площадке. Здесь стояли машины джангри, и еще несколько десятков их хозяев, включая майордома Его Высочества – честь, соответствующая статусу Цесаревича. Все остальные были, очевидно, придворными – дамы в длинных платьях и замшевых башмачках со смешными малиновыми помпонами, господа в таких же, как у принца, хайлинах – только покороче и не со столь сложной отделкой. Эта мелочь позабавила мальчишку – на Земле никому не пришло бы в голову выстраивать иерархию по длине подола и количеству узоров на одежде, но джангри считали иначе и были здесь в своем праве. Кроме того, им тоже могла показаться странной парадная одежда земных дворян, их тяжелые родовые перстни и пышные рукава свободных рубах... Что ни город – то норов, как говаривал отец.

Выбравшись из челнока, Игорь осмотрелся. За посадочной площадкой лежал ухоженный парк. Таинственно-синие силовые поля лениво колыхались над деревьями, скользя по верхней кромке стены. Их тусклый, рассеянный свет был похож на лунный и падал словно ниоткуда, углубляя тон зарослей, но в общем тут было уже темновато. Лишнего света на Йэнно Мьюри старались не жечь – и вовсе не для экономии энергии...

Сама Малау стояла в центре парка. Ведущая к ней широкая аллея упиралась в открытые ворота – единственные в стальной, темно-синей стене, поднимавшейся высоко над кронами исполинских деревьев. Это и правда напоминало армейский форт землян на какой-нибудь враждебной, но важной планете.

Громадное здание, служившее домом для тысячи двухсот джангри, в городе заняло бы целый квартал. Его плоскую крышу венчали перистые шпили и тарелки антенн, массивные башни тяжелых лучевых орудий. Вход в Малау ничем не был закрыт, но толстенная плита террасы, нависавшая над ним громадным балконом, в любой миг могла повернуться на поперечной оси, наглухо перекрыв и его, и громадное окно над ней – еще средневековая штучка, по-прежнему эффективная, надо сказать. Игорю вдруг вспомнились замки створков. Давно утерявшие крепостные функции, многократно перестроенные, а то и вовсе совершенно новые, они, тем не менее, сохранили почти в точности такие же балконы!

Тут же Игорь с тоской и еще кое-чем вспомнил родной дом, так непохожий на этот жутковатый гибрид дворца, крепости и тюрьмы особо строгого режима. Да, Йэнно Мьюри была чужой в самом точном смысле этого слова – и вовсе не для одних землян...

Все формальные приветствия и расшаркивания мальчишка пропустил мимо своего внимания – он не видел в этом ничего интересного, что-то вроде формального танца, движения которого знаешь наизусть и не думаешь над ними. Сама земная делегация была небольшой – полтора десятка русских и английских мальчишек, Макаров, Цесаревич, лорд Оксбридж и подполковник ван Карью, несколько преображенцев и лондонских гвардейцев, а вот встречающих оказалось едва ли не вдвое больше. Они потянулись за землянами шумной, галдящей толпой, и Игорь поморщился: играть роль белой вороны ему ну совершенно не хотелось.

Войдя в залитый молочно-белым светом просторный вестибюль здания, земляне разошлись, огибая пьедестал статуи – женщина в легкой одежде, с гордым, редкой красоты лицом, сжимая в одной руке копьё, протягивала кому-то другую руку... В прощании? В приветствии? Трудно понять... А над ней в воздухе парили холодные и чистые звуки песни

на незнакомом Игорю языке ойрин, словно идущие из какого-то древнего, неведомого мира... Статуя была красивой. Чуть ли не первой по-настоящему красивой статуей, виденной Игорем на Йенно Мьюри... впрочем, тут скорее Джангр.

Кто-то из придворных пояснил, что это Императрица Иннира I, легендарная основательница Империи – даже свои статуи джангри старались здесь упрятать под защиту брони...

Поднявшись по широченной мраморной лестнице, земляне вошли в залу для приемов, один вид которой заставил Игоря удивленно поднять брови. Пол здесь был покрыт не ковром даже, а длинным темно-пестрым мехом, стены облицованы резными каменными панелями. Здесь стояли громадные полукруглые диваны, сплошь обитые красным сафьяном, тисненым, словно корешки старинных книг, и столики из полированного дерева, каждый дюйм которого покрывала сложная инкрустация из кости, уставленные разнообразной снедью. Вместо ламп были статуи нагих девушек высотой в человеческий рост. Они возвышались на кубических постаментах из малахита, словно вазы из матового стекла, налитые доверху сильным и ровным белым светом.

Игорь еще никогда не видел такой роскоши и даже не представлял, что она вообще может быть, а главное – не представлял ее функции. Для того чтобы быть «просто» красивой, роскошь была слишком... роскошной. Как очень сладкий торт. Невкусно... Впрочем, все мысли вылетели у него из головы, когда он увидел собравшуюся здесь толпу. Их появление вызвало громкие аплодисменты – к облегчению мальчишки, вполне искренние.

Как оказалось, приглашены были не только земляне – множество пестро одетых (или неодетых, кто их знает?) гостей ели, болтали и танцевали здесь под негромкую музыку. Некоторые, устав, дремали на диванах, другие сидели прямо на полу, у громадных плоских панелей настенных экранов. Они казались окнами в какие-то немыслимо прекрасные, живые миры – вероятно, нарисованные при помощи суперкомпьютеров, потому что реальность никогда не бывает столь продуманно-красивой.

Игорь ошалел при виде этой вечеринки – она казалась ему совершенно нереальной, но не растерялся и на миг. В конце концов, многие балы на Земле собирают не меньше людей и не-людей! Он сразу заметил, что самих ойрин здесь мало – хотя эти бледные, черноволосые, зеленоглазые люди в своей традиционной черной одежде выделялись в любой толпе. Но здесь большинство гостей составляли мьюри – а кроме них, хватало и инопланетян: Игорь увидел нескольких сторков, пару нэйкельцев и даже одну девушку явно славянской внешности – правда, не русской, а скорее чешской или словацкой. Оставалось лишь гадать – то ли это еще одна какая-то человекоподобная раса, то ли кто-то из потомков затерявшихся в хаосе Первой Галактической землян – слухи про такие колонии и анклав в чужих мирах упорно ходили, хотя пока ни один не подтвердился...

Едва осмотревшись, Игорь сразу узнал Охэйо: это сочетание черных блестящих волос, ярко-зеленых глаз и очень светлой кожи трудно было забыть. Сейчас принц был без силовых проекторов и почти без оружия: его черную, длинную хайлину, расшитую фрактальными узорами из серебра, стягивал серебряный же узорчатый пояс; на нем висел кинжал с серебряной рукояткой. Серебряными были и тяжелые браслеты на запястьях и щиколотках. Солдат в зале видно не было, но их командир здесь присутствовал – он вроде бы праздно стоял в нескольких шагах от принца, но такую праздность Игорь хорошо умел различать – человек на трудной работе, вот как это называется. И, наверное, у всех рас выглядит одинаково.

Заметив землян, Охэйо прижал ладони скрещенных рук к груди и сдержанно, слегка поклонился. Затем он широко улыбнулся и помахал им, подзывая к себе. Подойдя к нему, Игорь замер. Он просто не знал, что делать дальше – не кланяться же, в самом деле, чужому правителю без приказа своего?

Охэйо откровенно разглядывал их – всего пару секунд, не больше, – потом вновь улыбнулся и сказал:

– Здесь шумно. Я думаю, вы не откажетесь поговорить в более... э-э-э... тихом месте? – теперь он обращался к Цесаревичу. Тот спокойно кивнул. – Я думаю, и герой сегодняшнего дня не откажется почтить нас своим присутствием? – Он повернулся к Игорю. Мальчишка тоже кивнул, но глубже и медленней. – Отлично.

Принц быстро повернулся на пятках и пошел, разрезая толпу, словно нож. Игорь заметил, что одетый в черное офицер – капитан Лвеллин, вот как его звали – увязался за принцем, и Андрей Данилович тоже присоединился к ним. Оставлять Цесаревича наедине с чужими определенно не стоило.

Уходя, Игорь заметил, что англосаксы остались стоять – и лорд Оксбридж слегка усмехнулся. Без обиды, спокойно. Глаза его пожелали удачи – не русскому, нет.

Землянину.

* * *

По пути Охэйо отвечал на многочисленные приветствия, однако пересек зал, не задерживаясь ни на секунду. Толстая, тяжелая дверь – из тускло блестящей чеканной бронзы – вывела их в коридор, облицованный подсвеченными изнутри витражами. Здесь было очень тепло и совершенно тихо: у Игоря возникло вдруг ощущение, что сейчас уже четвертый час ночи. Народу здесь почти не было: им встретилась только пара темно-золотых девушек-мьюри – хмурых, пухлогубых, синеглазых, чьи лохматые спутанные гривы доходили до ног и были чернее самой ночи, а одежда в основном состояла из украшений. Интересно, а джангрийки каковы?

Новая точно такая же дверь привела их в просторную квадратную комнату со стенами из толстых резных блоков матового стекла: оно сочилось мягким, таинственно-розоватым светом. Вдоль стен бежал сплошной диван, обитый тисненым сафьяном. У него стояли низкие столики с крышками из хрусталя, обрамленного черным деревом. Пол был покрыт сплошным же пушистым ковром. Никого, кроме них, тут не было.

– Итак, сударь? – спросил Цесаревич, когда массивная дверь закрылась за ними. Лвеллин сразу сел в углу и замер, словно истукан, – похоже, что кроме безопасности принца его не интересовало ничего.

– Мне нечасто приходится видеть невозможные вещи, – спокойно ответил Охэйо. – Совсем нечасто. Очень... да, очень многие сомневаются, что ваша победа была честной.

– Хочешь проверить? – насмешливо спросил Игорь. Ему до чертиков надоели все эти дипломатические реверансы, да и быть объектом обсуждения ему вовсе не хотелось. Цесаревич удовлетворенно утонул в диване; его мельком брошенный Игорю взгляд был похож на щелчок отомкнутой сворки на ошейнике охотничьего пса.

– А если хочу? – Охэйо не менее насмешливо посмотрел на него – сверху вниз.

– Попробуй. – Мальчишка уже выбирался из не слишком удобной для драки парадной формы, аккуратно складывая ее на первый попавшийся узорно-резной стул. Сейчас ему было наплевать, что обо всем этом подумают Цесаревич, Андрей Данилович и тот странный офицер с именем (фамилией?), ужасно похожим на валлийское. – Кто кого собьет с ног, идет?

– Идет. – Охэйо усмехнулся в ответ, сбрасывая сандалеты. Одежда у него была пусть и смешная, но очень удобная: она никак не стесняла движений.

Игорь задержал дыхание. Он как-то вдруг заметил, каким *большим* Охэйо кажется в этой комнате. Нет, конечно, это всего лишь казалось – свободная одежда и длиннющие волосы изрядно добавляли ему размера, но все же этот противник без малого вдвое старше его – и раза в полтора тяжелее, и он учился драться почти все то время, что Игорь жил. И учили его, несомненно, мастера своего дела, которых едва ли смущали неудобные кроссовки и нехватка мидий в рационе ученика... Но все-таки... все-таки вопрос – выучили ли...

Мальчишка упрямо мотнул головой. Да, это не настоящий бой... хотя с другой стороны – так очень даже настоящий. А проиграть, опозориться в присутствии Цесаревича просто

невозможно. Да только когда было можно-то?

Игорь атаковал первым, без всяких церемоний – сдерживаться он не собирался, перед ним – не женщина и не кадет, а взрослый парень, да нет – молодой мужчина, который должен стать вождем. А у вождей принято доказывать, что они достойны этого звания.

Охэйо увернулся – почти опоздав, но «почти» тут не считается – и тут же атаковал сам. Игорь понимал, что первый же пропущенный удар отправит его в нокаут, если не что похуже – силой принц обделен отнюдь не был – да и пытаться отбивать или даже блокировать его удары определенно не стоило. Нужно уклоняться – и атаковать, атаковать самому при любой возможности...

...Обычно исход рукопашной схватки решается первым же ударом. Редко – двумя-тремя. Сейчас все было иначе. Игорь быстро понял, что принц никогда не дрался всерьез – он любил рукопашный бой ради самого процесса, активной, но не слишком опасной игры с нулевыми ставками. И он... да, он больше привык защищаться, а никакой бой не выигрывают защитой. Если он, Игорь, сможет прорваться сквозь нее... но вот как раз это оказалось совсем непросто – рисковать мальчишка не собирался, он хотел победить, и победить наверняка. Выиграть за счет физической силы или тактики боя Игорь не мог. Пытаться измотать противника тоже явно не стоило – Охэйо наверняка смог бы загнать лошадь, мчась с ней наперегонки, такие фокусы умел проделывать и сам Игорь... Мальчишке оставалось одно – выиграть за счет скорости...

Для неопытного зрителя их схватка превратилась бы в нечто, уже неуловимое для глаза – пара сражавшихся исчезала в вихре мелькающих ладоней, двигавшихся с неуловимой быстротой светлых и загорелых рук и ног, пыльных подошв, падала и вновь поднималась. Теперь Игорь наносил удары мгновенно, с такой скоростью, что даже быстрый как ветер Охэйо не всегда мог их избежать. Его же удары всякий раз или отражались, или просто шли мимо. Вот пятка землянина врезалась в его живот пониже пупка, рука ударила прямым в лицо, и Охэйо вскрикнул – звук скорее гневного удивления, чем боли. Он замешкался всего на миг... и бой кончился: высоко подпрыгнув, Игорь нанес принцу сокрушительный «выстрел» – удар босой ногой в грудь, от которого Охэйо, на мгновение зависнув в воздухе, гулко грохнулся спиной на пол.

Пару секунд он не двигался, и мальчишка испугался: такой удар мог проломить грудину и превратить сердце в месиво. Охэйо, впрочем, оказался крепок – как в переносном, так и в самом прямом смысле. Он приподнял голову, потом подтянул ноги и сразу сел. Тем не менее Игорь понимал, что бой выиграл: Охэйо дышал часто и отрывисто, он был наполовину оглушен, и будь бой настоящим, мальчишка мгновенно добил бы его.

Лицо Игоря светилось от радости победы, но мысли о ней оказались все же преждевременными: Охэйо вдруг протянул к нему руку – просто протянул, ладонью вперед – и Игорь ощутил, как нечто обманчиво-мягкое оплетает его и поднимает в воздух. *Силой* принц владел явно лучше, чем своим телом, – мальчишка повис над полом. Теперь он мог брыкаться и бить во все стороны сколько угодно – он не мог только сдвинуться с места и совершенно ни до чего не доставал.

Вот только *Силой*, как подобает дворянину, владел и сам Игорь. Он не стал пытаться разорвать окутавшее его плетение – здесь Охэйо был намного сильнее его самого – он просто собрал все свои силы в один раскаленный пылающий клинок и рассек невидимую сеть. Плетение моментально лопнуло, его обрубленные жгуты отлетели назад, чувствительно *задев* принца – Охэйо вскрикнул от боли, и в его глазах зажглась уже настоящая злость. Растерянная улыбка мгновенно обратилась в оскал, Игорь ощутил, как принц стремительно набирает Силу, формируя ее в... нет, не в обычный «клинок» или даже файерболл, как у Славки Макарова, а во что-то, уже без дураков, страшное. Мальчишка не испугался, нет – он напряжился, готовясь отразить удар, но...

– Довольно, сударь, – вдруг резко сказал Цесаревич. Он не прикасался к *Силе*, не делал вообще ничего – просто сказал... но так, что Охэйо взглянул на него с каким-то удивлением... и темная волна отхлынула, словно ее не было вовсе. – Вы честно проиграли

схватку, имейте мужество это признать.

Принц посмотрел на него – многозначительно и зло, – выплюнул изо рта кровь прямо на пол (плевок тут же куда-то исчез) и осторожно запустил в рот два пальца, проверяя наличие передних зубов. Зубы оказались на месте, но вот верхняя губа была рассечена изнутри и распухла раза в два, придав Охэйю некое неуловимое и смешное сходство с сайгаком. Потом принц распахнул свою хайлину и посмотрел вниз. Точно посреди его груди багровел на удивление четкий отпечаток босой мальчишеской ноги – след от последнего удара Игоря.

– Если бы этот сссс... Сурядов сын ударил бы меня под дых, я бы сдох, – хмуро сообщил он. – Так что, наверное, да – проиграл. Я не понимаю, – пожаловался он в пространство, – какого черта я, как ненормальный, целых десять лет, каждый день по два часа, занимался с моей сумасшедшей сестрой, позволял ей прикладывать руку – и ногу тоже – к каждой части моего тела – буквально к каждой! – и ради чего? Ради вот этого? – Он осторожно потрогал отпечаток. Было ясно, что он сохранится надолго – уже в виде изумительного синяка.

– Не знаю. Может быть, из свойственного Вашей Светлости мазохизма? – насмешливо предположил Цесаревич.

Охэйю вновь зло покосился на него, потом запахнул *хайлину* и неожиданно легко поднялся.

– Научишь? – обратился он к Игорю.

Мальчишка длинно выдохнул. Лишь теперь он начал понимать, что почти любой из здешних власть имущих сейчас позвал бы охрану, и она очень всерьез попыталась бы их убить, что закончилось бы буйным кровавым безобразием, грудями трупов местных, трупами землян-гостей – и... дальше лучше не заглядывать (мальчишка похолодел). Охэйю, правда, оказался из другой породы – тут, судя по всему, мало кто умеет проигрывать, даже достойному противнику, но он умел.

– Ты не хотел победить, – серьезно ответил мальчишка. – Но я думаю, ты сможешь, если тебе будет на самом деле нужно. Не меня, конечно, – добавил он с усмешкой.

Охэйю удивленно взглянул на него, потом задумался на миг и печально покачал головой.

– Я не хотел бы, чтобы мне пришлось захотеть, – сказал он. – Вы, земляне, бросаетесь в каждый бой как в последний – и потому побеждаете, наверное. Как вы стали такими?

– Вам не понравится рассказ, Ваше Высочество, – ответил за Игоря Цесаревич. – История о том, как из стада вымучивали людей, – долгая и кровавая.

– Лишь дураки слушают только те истории, которые им нравятся. – Охэйю наконец бухнулся на диван, с удовольствием вытянув ноги. – А эта, я думаю, стоит всего времени, что нам придется на нее потратить. Итак?..

Интерлюдия. Старик.

*200 год Галактической Эры.
За пять лет до Ярмарки.*

Бессмысленно воевать против этих безумцев.
Мы предпочитаем быть на их стороне.
Из заявления представителя скиуттов.
Первая Галактическая Война, финал.

Завтра исполнится два века нашей победе в Войне. С тех пор было еще немало войн, но та – она так и остается Войной даже для тех, у кого и деды не могут сказать: «Мы видели ее!» Это утешает. Немного.

Два века. Двести лет. Нет, двести лет – не звучит. Два века – лучше. В этом слове – век – тяжелый гром двигателей и рев моторов. В нем крики атакующих и стоны раненых. Короткое и увесисто-емкое, как граната.

Век.

На нашей Закатной среди восемнадцати миллионов населения я – последний из тех, кто не только видел ту войну, но и участвовал в ней. Я – последний ветеран на планете...

Нас и вообще осталось немного – что-то около двухсот на обе Империи. Празднования и чествования начались год назад, и я так от них устал, что под конец уже с трудом терпел все это. Ничего. Завтра – все. Уже все.

Столица не спит, и отсюда видно, как переливается огнями небо. Но у нас тихо. Нам выделили гостиничный комплекс в парковой зоне. Может показаться, что попал в рай, где все твои желания выполняются по движению бровей. Но, учитывая то, как я жил, рай – не самое подходящее место для меня. Да и для остальных тоже.

И все-таки здесь можно чувствовать себя так, как я и мечтал последний год – в одиночестве. Странно. Вроде бы на свете не должно быть никого ближе для меня, чем эти старики, которые делят со мной гостиницу. Но я не ощущаю их своими. Умом я понимаю: они видели то же, что и я, но я не знаю никого из них – Империя огромна. И не знал тогда – война была еще более огромной, она закрутила судьбы сотен миллионов. И это только людей.

Может быть, я зря принял приглашение Его Величества и не остался на Закатной, в своем доме у подножия Граненых Пиков, где прожил весь этот век? Не хочется торжеств, не хочется парада, не хочется поздравлений, сколь угодно искренних. Хочется сидеть в кресле на веранде и смотреть, как синими сапфирами вспыхивают на вечернем небе облачные гряды. И слушать, как смеются внизу дети соседей. А потом, когда отгорит закат, поразивший когда-то Дорина, капитана «Рубина», первооткрывателя нашей планеты, уйти в комнаты. И знать, что в этот день они придут точно. Обязательно придут.

Впрочем... а не все ли равно, где я нахожусь? Для них давно уже нет ни парсеков, ни лет. Если я в самом деле был их другом – они войдут и сюда. Бесшумно, не открыв дверей. Этим вечером гостиница будет переполнена теми, кого не услышит предупредительный персонал, но кто будет видим для каждого из нас – еще живых ветеранов. Я не знаю, кто придет к моим соседям. Но тех, кто с темнотой появится в моем номере, я могу назвать поименно. Их будет много. Но начнется все с тех, с кем начиналось тогда.

Эдвард «Артур» Фарвелл, прикрывающий пулеметчик-раз, 14 лет. Юрка «Прут» Курзанов, снайпер-раз, 13 лет. Гэндзо «Танто» Такеши, стрелок-два, 14 лет. Валька «Валек» Прудкин, снайпер-два, 13 лет. Игорь «Сирин» Симонов, гранатометчик-раз, 14 лет. Димка «Брат» Симонов, стрелок-три, 13 лет. Дик «Болт» Толливер, прикрывающий пулеметчик-два, 14 лет. Олег «Казак» Разин, стрелок-четыре, 13 лет. Джок «Джей» Льюис, штурмовой пулеметчик-два, 13 лет. Тома «Мессер» Фильхе, гранатометчик-два, 14 лет. Майкл «Файр» Брэнсон, штурмовой пулеметчик-раз, 14 лет.

Они были. Но эти два века я – один. Слишком долго для одиночества...

Кто посмел тосковать о жизни?
Забудьте думать о тленном и бренном!
Номер приказа... Слушай, Отчизна!
Всем. Всем. Всем, чья могила – Вселенная...

Они здесь. Я вижу их. Пора начинать разговор.
– Здравствуйте, пацаны.

* * *

Мы шлем кораблям, бороздящим просторы Вселенной,

Послание это – пусть примет его капитан:
Все в мире проходит, все в жизни не вечно и тленно,
Когда-нибудь высохнет самый большой океан...
Но память пусть будет жива о штормах и приливах,
О том, как тревожно, испуганно чайки кричат,
О том, как безумно, немыслимо, дико красиво
На море спускается ярко-багровый закат.

Романтики нового, третьего тысячелетия,
Мы просим вас взять эту память сквозь толщу веков:
Как рвет паруса на все в мире озлобленный ветер,
Как гонит он тучи дурных, грозových облаков,
Как волны взлетают почти что до самого неба,
Швыряя корабль, будто щепку, по черной воде...
Кто шторма не видел, тот на море вовсе и не был,
Кто на море не был, тот не был, по сути, нигде.

Вы так же, как мы, океан бороздили когда-то,
Галактику режете сотней космических трасс,
Пусть не взберется вовек у вас юнга по вантам —
Вы младшие братья, вы память храните о нас!
Своя будет радость у вас – и свое будет горе,
Открытия новых планет и созвездий вас ждут...
Но солнце садится багровое в синее море,
И чайки по-прежнему грустные песни поют²².